
СОЧИНЕНІЯ
М. Ю.
ЛЕРМОНТОВА
I
П. Е.

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ шк. пол.

7 2
Ф 5.

М. Лермонтов

СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО, ДВУМЯ СНИМКАМИ СЪ ПОЧЕРКА И СТАТЬЕЮ О ЛЕРМОНТОВѢ

А. Н. ПЫПИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ВНОВЬ СВѢРЕННОЕ СЪ РУКОПИСЯМИ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ *П. А. Ефремова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.

1873.

СОЧИНЕНІЯ

ЛЕРМОНТОВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО, ДВУМЯ СНИМКАМИ СЪ ПОЧЕРКА И СТАТЬЕЮ О ЛЕРМОНТОВѢ

А. Н. ПЫПИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. С. С. С. Р.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ВНОВЬ СВѢРЕННОЕ СЪ РУКОПИСЯМИ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ *П. А. Ефремова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.

1873.

СОЧИНЕНІЯ

ЛЕРМОНТОВА.

106730
АН СССР
Библиотека
Ин-т Русск. лит-ры

Типографія И. И. Глазунова, Б. Мѣщанская, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

—

	стр.
Нѣсколько словъ объ изданіи	VII
Лермонтовъ, статья А. Н. Пыпина	XV
1831.	
Ангелъ	1
1832—1834.	
Демонъ. Восточная повѣсть	2
1836.	
Русалка	39
Вѣтка Палестины	40
Еврейская мелодія: «Душа моя мрачна»	41
Въ альбомъ: «Какъ одинокая гробница»	42
Умирающій гладіаторъ	—
1837.	
На смерть Пушкина	43
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова	46
Бородино	60
Узникъ	63
Молитва: «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»	64
«Когда волнуется желтѣющая нива»	65
Сосѣдъ	—
«Растались мы, но твой портретъ»	66
1838.	
Дума	66

СТР.

1839.

Молитва: «Въ минуту жизни трудную» 68
Три пальмы. Восточное сказаніе ..... —
Дары Терека 70
Не вѣрь себѣ 72
Памяти кн. А. И. Одоевскаго 74
Поэтъ: «Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ» 76
Мцыри 77

1840.

Первое января 99
Казачья колыбельная пѣсня 100
Журналистъ, читатель и писатель 102
Воздушный корабль (изъ Зейдлица) 107
И скучно и грустно 109
Ребенку ..... —
Отчего 110
Благодарность 111
Изъ Гете: «Горныя вершины» ..... —
Тучи ..... —
Сосна (изъ Гейне) 112
«На свѣтскія цѣпи» ..... —
Любовь мертвеца 113
Посвященіе къ поэмѣ «Демонъ» 114
А. О. Смирновой 115
Къ портрету графини Воронцовой-Дашковой ..... —
М. П. Соломирской 116
Въ альбомъ автору «Курдюковой» ..... —
Изъ альбома С. Н. Карамзиной 117
Графинѣ Ростопчиной ..... —
«Слышу-ли голосъ твой» 118

1841.

«Есть рѣчи—значенье» 119
Завѣщаніе ..... —
Оправданіе 120
Родина 121
Послѣднее новоселье 122
Кинжалъ 124
Плѣнный рыцарь 125

стр.
Парусъ 125
Желаніе 126
Сосѣдка 127
Договоръ 128
«Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою» ..... —
«Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски» 129
«Не плачь, не плачь, мое дитя!» 130
«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима» ..... —
Казбеку: «Спѣша на сѣверъ издалека» 131
«Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ» 132
«Гляжу на будущность съ боязнью» 133
«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою» ..... —
Видъ горъ изъ степей Козлова 134
Бѣглецъ. Горская легенда 135
«Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный» (А. Г. Хомутовой) 139
Казотъ. «На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ» 140
Валерикъ 141
Сказка для дѣтей 148
Споръ 156
Сонъ 159
Утесъ 160
Они любили другъ друга ..... —
Тамара ..... —
Свиданіе 162
«Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой» 164
«Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» 165
«Выхожу одинъ я на дорогу» ..... —
Морская царевна 166
Пророкъ 167
«На буркѣ подъ тѣнью чинары» 375
«Лилейной рукой поправляя» ..... —

1839—1840.

Герой нашего времени 169
Предисловіе 171
I. Бэла 172
II. Максимъ Максимычъ 204
Предисловіе къ журналу Печорина 213
III. Тамань 214
IV. Княжна Мери 225
V. Фаталистъ 296

1840—1841.

Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка 305

стр.

Отрывки изъ начатыхъ повѣстей:
1. «У графини В. былъ музыкальный вечеръ»..... 313
II. «Я хочу разсказать вамъ исторію женщины»..... 327
Письма I—II къ теткѣ..... 333
» III—XII и XVII къ Г-жѣ N. N и *C. A*..... 335
» XVI къ великому князю Михаилу Павловичу..... 361
» XIII—XVкъ генералу Плаутину..... 359

—

Примѣчанія..... 363
Списокъ сочиненій Лермонтова..... 382
Списокъ статей о Лермонтовѣ и его сочиненіяхъ..... 387
Общее оглавленіе обоихъ томовъ..... 395

—

ПОПРАВКИ:

Стр. 113, ст. 5: Какъ *племя* родное.
« 143, ст. 1: *творитъ*, не подымая глазъ.

—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ.

Нынѣшнее изданіе сочиненій Лермонтова отличается отъ двухъ предъидущихъ, во-первыхъ, новымъ, сколько возможно внимательнымъ пересмотромъ текста произведеній Лермонтова; во вторыхъ, новою критико-біографическою статьею о Лермонтовѣ, написанною для этого изданія А. Н. Пыпинымъ. Текстъ всѣхъ произведеній Лермонтова вновь свѣренъ съ подлинными рукописями, которыя мы могли отыскать у частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ, какъ напр. въ Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, и въ Чертковской Библіотекѣ, въ Москвѣ. Тамъ, гдѣ подлинныхъ рукописей найти не могли, мы провѣряли стихотворенія съ ихъ первоначальнымъ печатнымъ текстомъ. Замѣтимъ при этомъ, что даже *лучшія* изъ произведеній Лермонтова, оставшіяся послѣ его смерти въ записной книжкѣ, подаренной поэту кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, потребовали исправленія (см. въ нынѣшнемъ изд. стр. 374—375, т. I). Мы присоединили къ настоящему изданію подробный указатель статей о Лермонтовѣ и его сочиненіяхъ и свѣдѣнія о томъ, гдѣ и когда именно было напечатано въ первый разъ каждое изъ произведеній поэта, а также когда появлялись потомъ отдѣльные сборники сочиненій Лермонтова.

Порядокъ печатанія сочиненій Лермонтова въ обоихъ томахъ принятъ *въ частности* прежній, т. е. хронологическій, какъ единственно-возможный и необходимый для каждаго полнаго собранія сочиненій какого-либо писателя. Что же касается до *общаго* распредѣленія всѣхъ сочиненій Лермонтова на два тома, то нами *возстановленъ* порядокъ, принятый въ изданіи 1860 года и неосновательно (по нашему мнѣнію) измѣненный въ изданіи 1863 года. Именно, мы имѣли въ виду, чтобы читатель прежде всего встрѣтился *съ тѣмъ* Лермонтовымъ, какимъ онъ самъ желалъ быть передъ обществомъ, и для этого назвали *первымъ томомъ* собраніе всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя *самъ* Лермонтовъ печаталъ или признавалъ годными для печати, и къ нимъ добавили только немногія произведенія преимущественно *изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ* его поэтической дѣятельности, произведенія, которыя хотя и не были напечатаны при жизни самого поэта, но отличаются высокими достоинствами. Къ этому мы присоединили *письма* Лермонтова, не печатавшіяся въ прежнихъ изданіяхъ.

За тѣмъ вся предварительная, внутренняя, такъ сказать, работа писателя отъ первыхъ попытокъ почти ребенка до полнаго образованія Лермонтовскаго стиха и прозы — отнесена въ составъ *втораго тома*. Сверхъ сочиненій, взятыхъ изъ подлинныхъ тетрадей покойнаго поэта, писанныхъ имъ еще во время пребыванія въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и петербургской юнкерской школѣ (1828—1834 г.), въ со-

ставъ втораго тома вошли и тѣ изъ его произведеній, которыя были напечатаны при его жизни, но помимо его желанія и *не внесены* имъ самимъ въ сдѣланное имъ въ 1840 г. изданіе его стихотвореній; а равно и тѣ, которыя были написаны имъ въ сравнительно позднѣйшую эпоху его дѣятельности, но не были имъ отданы въ печать.

Чтобы показать нагляднѣе отличіе нынѣшняго изданія этого 2-го тома отъ двухъ предъидущихъ изданій его, вышедшихъ подъ редакціей С. С. Дудышкина, мы считаемъ нужнымъ привести слѣдующее поясненіе.

Лермонтовъ, убитый на 27-мъ году жизни, началъ печатать свои произведенія въ 1837 г., такъ что вся литературная дѣятельность его, насколько она проявилась въ печати, ограничивается менѣе нежели четырьмя годами. До 1837 г. напечатана была только одна его поэма, но и та была сообщена редакціи журнала помимо воли поэта, хотя писать началъ онъ почти ребенкомъ и первые сохранившіеся опыты его относятся къ 1828 г., т. е. къ 14-лѣтнему его возрасту. Эти дѣтскіе и юношескіе наброски представляютъ цѣлую массу тетрадокъ, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ 1830 и 1831 годамъ. Вѣроятно, Лермонтовъ современемъ уничтожилъ бы ихъ и ничего изъ нихъ не было бы напечатано, но преждевременная смерть поэта заставила обратить вниманіе на эти тетрадки тѣхъ лицъ, которыя ими владѣли, такъ что почти тотчасъ послѣ кончины его начали печататься его дѣт-

скіе стихи, притомъ безъ всякаго означенія времени, въ которое они были написаны. Издатели сочиненій Лермонтова также внесли ихъ безъ всякаго порядка въ собранія его произведеній, отчего образовалась довольно странная смѣсь, ибо на ряду съ превосходнымъ, вполнѣ отдѣланнымъ стихотвореніемъ являлся и дѣтскій лепетъ ребенка. Дудышкинъ, вполнѣ сознавая, что юношескія произведенія поэта вредятъ полнотѣ впечатлѣнія законченныхъ его твореній, но представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнный матерьялъ для характеристики развитія его поэтической дѣятельности, отдѣлилъ ихъ въ особый томъ и пополнилъ еще многими, до того времени не напечатанными. Къ несчастью онъ слишкомъ произвольно обошелся съ имѣвшимся у него матерьяломъ, ибо, напр., изъ обширнаго стихотворенія онъ бралъ нѣсколько стиховъ въ разбивку и печаталъ, не означая, что это отрывокъ и даже не указывая, что между двумя стихами сдѣланъ пропускъ, и такимъ образомъ давалъ собственно говоря *свое стихотвореніе*, составленное изъ стиховъ Лермонтова («Письмо» стр. 15, т. 2). Иногда онъ вычеркивалъ стиха два-три въ срединѣ стихотворенія, также не означая пропуска, отчего являлась, напр., риѳма *жестокой* и *несчастной*. Иногда онъ останавливалъ печатанье на запятой, откидывая почти половину стихотворенія, не лучшую, но и не худшую противъ напечатанной половины (напр. Грузинская пѣсня). Иногда изъ поэмы въ трехъ частяхъ и въ 400—500 строкъ онъ составлялъ одно цѣ-

лое, стиховъ въ 50, выбирая стихи изъ всѣхъ трехъ частей и не вездѣ обозначая точками пропуски, такъ что строки, раздѣленныя между собой цѣлою сотнею другихъ, печатались рядомъ, какъ непосредственно слѣдующія другъ за другомъ (напр. Корсаръ). Наконецъ были напечатаны такія пьесы, гдѣ Лермонтовскаго не было почти ни строки, напр. «Опера Цыгане», набросокъ, состоящій изъ выписокъ изъ «Московскаго Вѣстника» и изъ Пушкина. Изъ многочисленныхъ переводовъ Лермонтова изъ Шиллера Дудышкинъ не помѣстилъ ни одного. Выборъ дѣтскихъ стиховъ для печати оказался также очень произвольнымъ, потому что, имѣя возможность познакомиться съ подлинными тетрадями поэта, мы замѣтили, что обыкновенно взято *сряду* нѣсколько стихотвореній, потомъ пропущены цѣлые десятки безъ выписокъ и опять бралась *сряду-же* группа стихотвореній, не смотря на то, что въ пропущенныхъ встрѣчались такія, въ которыхъ, хотя и неясно, но все таки слышался мотивъ, преобладавшій въ стихотвореніяхъ позднѣйшей эпохи развитія поэта.

Въ настоящемъ изданіи, мы *пополнили* всѣ произвольные пропуски стиховъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, такъ что они являются въ томъ видѣ, какими вышли изъ подъ пера поэта (см. напр. «Письмо,» стр. 15, или «Склонись ко мнѣ», стр. 62). Что же касается до поэмъ, то мы оставили выбранныя Дудышкинымъ строфы, но пропущенные имъ въ этихъ строфахъ стихи внесли въ своемъ мѣстѣ, чтобы покрайней мѣрѣ хотя самыя строфы явились въ ихъ настоящемъ

видѣ (напр. очень характеристическій *переносъ* цѣлыхъ стиховъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ «Кавказскій Плѣнникъ», на стр. 8, XXIX). Мы также означили вездѣ изъ какой части поэмы взяты отрывки и во всѣхъ перерывахъ поставили ряды точекъ, *дополняя* при томъ тѣ мѣста, гдѣ въ прежнемъ изданіи, безъ всякихъ соображеній, опускался одинъ стихъ или два,—что конечно не отняло много мѣста. Выборъ мелкихъ стихотвореній мы оставили тотъ-же, исключивъ только немногія изъ крайне плохихъ и главное непредставляющихъ ничего характеристическаго, да притомъ-же и не вполнѣ напечатанныхъ прежде. Именно исключены нами: *Грузинская пѣсня*, явившаяся въ прежнихъ изданіяхъ въ половинномъ видѣ, какъ полная, *Пиръ*, *Цыгане*, *Толстой*, *Башилову* и «*Вы не знавали-ль князь Петра*», ибо подобныхъ эпиграммъ и безъ того приведено много. Въ замѣнъ этого мы внесли нѣсколько стихотвореній изъ тетрадей 1829—1831 г., именно такихъ, гдѣ уже хотя и смутно, но проглядываютъ будущіе лермонтовскіе мотивы: *Жалобы Турка*, «*Она была прекрасна*», два перевода «*Изъ Шиллера*», *Къ Неэръ*, *Къ кн. Л. Г—ой*, «*Ужасная судьба отца и сына*». Кромѣ того мы добавили два стихотворенія изъ юнкерскихъ тетрадей поэта (1832—1834): *Отрывокъ*—«Его отецъ богатый былъ маркизъ», и «*Когда надеждъ недоступный*». Самый *порядокъ* печатанія стихотвореній мы измѣнили, согласно *съ помѣтами* времени подъ стихотвореніями въ тетрадяхъ, а не *по нумераціи* тетрадей, какъ при-

нято было Дудышкинымъ, ибо эта нумерація, видимо, сдѣлана послѣ и только *для счета* тетрадей, а не для хронологическаго указанія ихъ порядка. Поэма *Монго* также перенесена нами, согласно полученнымъ указаніямъ, изъ 1834 г. въ 1836 г. и къ этому году отнесены изъ 1831 г. два стихотворенія («Она поетъ» и «Какъ небеса»), которыя мы встрѣтили въ рукописяхъ съ строфами изъ «Казначейши», написанной въ 1836 г.

Всѣ стихотворенія и вся проза этого тома вообще вновь свѣрены съ рукописями и многое исправлено или дополнено (см. общее оглавленіе обоихъ томовъ). Внимательный читатель замѣтитъ, что при этомъ устранены многія немаловажныя искаженія подлиннаго текста даже въ нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ пьесахъ Лермонтова.

Первоначально мы хотѣли дать при второмъ томѣ полное описаніе юношескихъ тетрадей поэта, но ограничились только *выборкою* изъ нихъ замѣчаній Лермонтова, ибо имѣя въ виду важное значеніе его въ исторіи русской литературы, сочли за лучшее *вполнѣ напечатать* эти тетради *особымъ дополнительнымъ томомъ*, въ который войдутъ и всѣ появлявшіяся до сего времени въ печати произведенія Лермонтова, не вошедшія въ нынѣшнее изданіе по незначительности ихъ содержанія или по сомнѣнію въ принадлежности ихъ поэту.

При этомъ мы считаемъ обязанностью принести искреннюю благодарность *Б. Н. Чичерину*, сообщившему намъ для означеннаго изданія под-

линныя рукописи Лермонтова, въ которыхъ помѣщены драмы его: *Испанцы*, *Странный человѣкъ* (въ исправленной редакціи) и *Два брата*. Въ этомъ особомъ томѣ будутъ также напечатаны по рукописямъ Публичной Библіотеки: драма *Menschen und Leidenschaften*, *Панорама Москвы* и *наброски стиховъ* изъ юнкерскихъ тетрадей. По рукописямъ Чертковской библіотеки будетъ напечатанъ первоначальный текстъ *Маскарада*. Наконецъ, мы не теряемъ надежды получить также и *неизданную повѣсть* Лермонтова, довольно обширную, хранящуюся нынѣ у г-жи Л—ой.

П. Ефремовъ.

ЛЕРМОНТОВЪ.

Біографія Лермонтова до сихъ поръ, въ четвертое десятилѣтіе послѣ его смерти, все еще далеко не такъ извѣстна, чтобъ можно было найти въ ней объясненіе его личности и его поэзіи. Все, что̀ мы знаемъ пока, только отрывочно указываетъ отдѣльныя черты его жизни и характера, изъ которыхъ нелегко составить отчетливое представленіе. Для его будущаго біографа еще предстоитъ трудная задача собрать исчезающія личныя воспоминанія, собрать, что̀ уцѣлѣло изъ его переписки, сочиненій и т. д. Къ сожалѣнію, особенности того круга, въ которомъ Лермонтовъ провелъ, за немногими исключеніями, всю свою жизнь, дѣлаютъ эту задачу еще болѣе мудреною. Намъ стало извѣстно напримѣръ, что существуютъ еще неизданныя сочиненія Лермонтова, цѣлая *повѣсть* его, которая хранится подъ спудомъ, и которая, быть можетъ, прибавила бы къ русской литературѣ высоко любопытное произведеніе, бросила бы новый свѣтъ на самого писателя. Этой повѣсти мы не имѣли въ рукахъ... Не принимая на себя выполненія упомянутой задачи и съ другой стороны не рѣшаясь на характеристику, такъ сказать, идеальную,—мы можемъ только собрать, что̀ сдѣлалось извѣстно до сихъ поръ.

Прежде всего, очень мало свѣдѣній о самой семьѣ Лермонтова. Мать его, урожденная Арсеньева, единственная дочь Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой (изъ рода Столыпиныхъ), рано овдовѣвшей и страстно привязанной къ своей дочери, воспитана была въ богатой барской об-

становкѣ. Какъ разсказываютъ, Марья Михайловна полюбила простаго армейскаго офицера (кажется, отставнаго майора) и вышла за него за-мужъ противъ воли матери, къ неудовольствію знатной и богатой родни. О Лермонтовѣ-отцѣ неизвѣстно почти ничего. Онъ былъ человѣкъ небогатый. Мать Лермонтова по рожденіи сына впала въ изнурительную чахотку и умерла очень молодой, на 21-мъ году, въ 1817 г., когда ея сыну не было еще трехъ лѣтъ.

О самомъ днѣ рожденія Лермонтова есть различныя показанія. Наиболѣе точнымъ кажется свѣдѣніе, что онъ родился 3 октября 1814 г., въ Москвѣ *). По смерти матери, ребенокъ остался на рукахъ у бабушки Арсеньевой. Отецъ хотѣлъ-было взять сына къ себѣ, но бабушка, которая по смерти дочери перенесла всю свою любовь на внука, рѣшительно отказывалась отдать его отцу, жившему тогда въ тульской деревнѣ. Ихъ отношенія были, кажется, довольно натянутыя, можетъ быть даже недружелюбныя. Лермонтовъ-отецъ лишь по временамъ пріѣзжалъ въ Москву, съ своими сестрами, взрослыми дѣвицами, и только въ праздничные дни бралъ къ себѣ сына. Несмотря на эту рѣдкость свиданій, повидимому, Лермонтовъ очень любилъ отца. Въ 1817 г. Сперанскій, бывшій въ извѣстныхъ дружескихъ связяхъ съ братомъ Арсеньевой, Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, писалъ ему, отъ 5 іюня: «Елизавету Алексѣевну (потерявшую тогда дочь) ожидаетъ крестъ нова-

*) Но по указанію г-жи Хвостовой и г. Лонгинова, Лермонтовъ родился въ 1815 г. (Записки, стр. 186; Р. Вѣстн. 1860, № 8, стр. 383) Число 3 окт., указанное между прочимъ Дудышкинымъ по надписи на памятникѣ, другіе, по *той-же* надписи, читаютъ 30 окт. (см. въ извлеченіи изъ Пензенск. губ. Вѣд., въ изданіи Зап. Хвостовой, стр. 257); третьи о *той-же* надписи утверждаютъ, что на ней нѣтъ никакихъ чиселъ (въ извлеченіи изъ Иллюстр. Газеты, 1867, тамъ-же, стр. 254).

го рода: Лермонтовъ *требуетъ* къ себѣ сына, *едва согласился* оставить еще на два года. *Странный* и, говорятъ, худой человѣкъ» *). Отзывъ Сперанскаго идетъ по всей вѣроятности со стороны, враждебной Лермонтову-отцу, и можетъ-быть не безпристрастенъ; по словамъ другихъ, это былъ, что̀ называется, bon vivant, человѣкъ тогда еще не старый; въ чемъ заключались его странности, также не объясняется. Бабушка увезла Лермонтова въ деревню, кажется въ тѣ Тарханы, Пензенской губерніи, гдѣ теперь находится его могила. Не безъ основанія думаютъ, что этотъ семейный разладъ оставилъ свои слѣды на характерѣ Лермонтова: «очевидно, что положеніе высоко одареннаго мальчика между аристократическою бабушкою и какимъ-то, рѣдко видаемымъ, бѣдно обстановленнымъ отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, котораго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ—этимъ объясняется болѣзненная неровность въ характерѣ Лермонтова...» **).

Г-жа Арсеньева была страстно привязана къ своему внуку; въ домѣ ея,—разсказываетъ близкій очевидецъ,—все было разсчитано для пользы и удовольствія ея внука; на немъ сосредоточивалась вся ея любовь и всѣ интересы. Кругъ ея ограничивался преимущественно родственниками (Мещериновы, Вадковскіе, Столыпины). Между прочимъ былъ одинъ родственникъ, пріѣзжавшій съ Кавказа и подолгу гостившій у Арсеньевой; онъ въ особенности увлекалъ мальчика разсказами о кавказской жизни. Мы упомянемъ дальше, что Лермонтовъ еще въ дѣтствѣ видѣлъ самъ Кавказъ, куда бабушка брала его

*) Р. Арх. 1870, стр. 1136.

**) Р. Арх. 1872, стр. 1852. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше частностей взяты нами изъ краткихъ замѣтокъ, составленныхъ русскимъ учителемъ Лермонтова, г. А. З. Мы пользуемся ими и въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ указаніяхъ.

съ собой на воды, и это первое знакомство оставило сильное впечатлѣніе въ его фантазіи...

Лермонтовъ учился сначала дома; въ 1826 году его отвезли въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ университетскій благородный пансіонъ полу-пансіонеромъ, потому что Арсеньева никакъ не хотѣла съ нимъ разлучаться. Дома учился онъ подъ обычнымъ руководствомъ гувернеровъ, конечно иностранцевъ. Лермонтовъ особенно уважалъ своего гувернера, француза Жендро, капитана наполеоновской гвардіи, человѣка очень почтеннаго,—онъ умеръ въ ихъ домѣ, и былъ оплаканъ Лермонтовымъ. На мѣсто его поступилъ, какъ говорятъ, весьма ученый еврей, Леви или Левитъ, съ которымъ Лермонтовъ ладилъ меньше. Наконецъ новымъ гувернеромъ его былъ англичанинъ Винсонъ, жившій потомъ въ домѣ гр. Уварова, и у котораго Лермонтовъ очень скоро выучился по англійски. Лермонтовъ «учился прекрасно, велъ себя благородно, особенные успѣхи оказывалъ въ русской словесности»,—разсказываетъ его русскій учитель. Также хорошо учился Лермонтовъ и въ университетскомъ пансіонѣ (куда его сопровождалъ обыкновенно гувернеръ) и получилъ здѣсь первый призъ на публичномъ экзаменѣ. Вообще, по тогдашнимъ нравамъ богатаго барства, воспитаніе, или собственно обученіе Лермонтова было весьма внимательное. Онъ рано знакомится съ русской и иностранной литературой, и кажется довольно много читаетъ; онъ хорошо рисовалъ, былъ хорошимъ музыкантомъ и проч.

Его наружность и внѣшнюю манеру за это время описываютъ обыкновенно со словъ г-жи Хвостовой: это былъ будто-бы «неуклюжій, косолапый шестнадцатилѣтній мальчикъ, съ красными (?), но умными, выразительными глазами, съ вздернутымъ (?) носомъ и язвительною усмѣшкою». Люди, хорошо помнящіе Лермонтова за эту пору, находятъ это описаніе довольно страннымъ,—

и вѣроятно справедливо. По словамъ ихъ, въ наружности Лермонтова, если была нѣкоторая неловкость,—онъ былъ сутуловатъ, смотрѣлъ въ землю,—но ничего не было неуклюжаго и каррикатурнаго. «Какъ теперь смотрю я на милаго моего питомца,—говоритъ его учитель,—отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія, онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» *), и заслужилъ громкія рукоплесканія. Онъ прекрасно рисовалъ, любилъ фехтованье, верховую ѣзду, танцы, и ничего въ немъ не было неуклюжаго: это былъ коренастый юноша, обѣщавшій сильнаго и крѣпкаго мужа въ зрѣлыхъ лѣтахъ.» Этотъ свидѣтель возражаетъ и противъ того замѣчанія **), что его грызло честолюбіе, мысль, что онъ дуренъ, незнатнаго происхожденія, желаніе попасть въ люди и быть обязаннымъ въ этомъ только самому себѣ; по словамъ учителя Лермонтова, къ этому заключенію не было тогда ни достаточнаго повода, ни малѣйшаго признака.

Едвали однако сомнительно, что черты этого послѣдняго рода были въ характерѣ Лермонтова. Можно только думать, что болѣе опредѣленнымъ образомъ онѣ сложились нѣсколько позднѣе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ новую среду, въ Петербургъ, въ кругъ товарищескаго и свѣтскаго соревнованія, въ періодъ броженія, который потомъ долго, почти до конца отражался въ характерѣ и манерѣ Лермонтова. Повидимому, у Лермонтова рано сталъ складываться тотъ сложный характеръ, который развился у него впослѣдствіи въ извѣстныя противорѣчащія, часто непріятныя свойства. Онъ еще мальчикомъ былъ «мало разговорчивъ», «несообщителенъ». Таковъ онъ былъ и послѣ во всемъ, что̀ бродило въ его головѣ и сердцѣ и что̀ было его серьезнымъ интересомъ; со-

*) Можетъ быть, пьесу Пушкина: «къ Морю», или Жуковскаго элегію: «Море»?

**) Сдѣланнаго Дудышкинымъ, въ статьѣ 1863 года.

*

средоточиваясь въ самомъ себѣ, онъ самъ передумывалъ свои мысли, самъ опредѣлялъ свой взглядъ на людей и на жизнь. Трудно поэтому сказать, на сколько занимали или не занимали его извѣстныя мысли въ его юности; самые близкіе свидѣтели могли этого не замѣчать....

А что въ немъ бродило многое, это видно уже изъ его первыхъ поэтическихъ опытовъ, которые хотя и не замѣняютъ отсутствія точныхъ фактовъ, но даютъ нѣсколько намековъ и общихъ указаній на тогдашнее направленіе его мыслей и поэтическихъ влеченій.

Эти первые опыты свидѣтельствуютъ о чрезвычайно раннемъ развитіи Лермонтова, о чемъ упоминаютъ и люди, близко его знавшіе. Въ немъ, еще мальчикѣ, сказывалась талантливая, сильная и порывистая натура: такимъ является онъ и въ сохранившихся разсказахъ объ этомъ времени, и въ его стихотвореніяхъ и собственныхъ біографическихъ замѣткахъ. Въ немъ рано пробудилось чувство, и рано открылись поэтическіе инстинкты. Когда ему было лѣтъ десять, бабушка брала его съ собою на Кавказъ, гдѣ они были большимъ семействомъ на водахъ. Въ ученическихъ тетрадяхъ Лермонтова сохранилась замѣтка объ этомъ времени, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ онъ тогда, десяти лѣтъ, страстно влюбился въ одну дѣвочку лѣтъ девяти: «горы кавказскія для меня священны», замѣчаетъ 16-лѣтній Лермонтовъ, записывая это воспоминаніе. Кавказъ съ этого времени поразилъ его своей дивной красотой и силой, и это впечатлѣніе укрѣпилось потомъ, когда Лермонтову еще не разъ случалось жить въ томъ краѣ. Понятно, что Кавказъ оставилъ свои слѣды и въ первыхъ поэтическихъ начинаніяхъ Лермонтова—случайное обстоятельство, которое однако соотвѣтствовало тону его мыслей и мечтаній: грандіозно-дикія картины шли въ параллель съ настроеніемъ его чувства и фантазіи. Это былъ также край и жизнь, воспѣтыя и любимымъ его русскимъ поэ-

томъ, который увлекалъ его въ пору его молодости: живыя впечатлѣнія сливались съ очарованіями Пушкинской поэзіи.

Читатель можетъ видѣть, какъ уже въ первыхъ произведеніяхъ Лермонтова обнаруживалось пониманіе жизни, вовсе не дѣтское; у него уже возникали тѣ вопросы, которые тревожили его впослѣдствіи; въ раннихъ опытахъ были уже наброски, которые потомъ въ новой переработкѣ стали въ числѣ лучшихъ его произведеній. Въ своихъ біографическихъ замѣткахъ онъ даетъ, къ сожалѣнію, только крайне отрывочныя, бѣглыя указанія, по которымъ можно только дѣлать догадки и предположенія. Онъ рано узнаетъ страстныя увлеченія. Десяти лѣтъ онъ влюбляется; потомъ, еще въ отрочествѣ, онъ влюбляется еще нѣсколько разъ и его чувство высказывается въ стихотвореніяхъ замѣчательнаго достоинства. Онъ начинаетъ сознавать въ себѣ силу таланта и мечтаетъ о своей будущей дѣятельности, о своемъ назначеніи, о славѣ. Рядомъ съ этимъ очень рано являются въ его поэзіи и въ его мысляхъ тѣ печальные и мрачные мотивы, которые потомъ заняли такъ много мѣста въ его произведеніяхъ.

Вопросъ о происхожденіи этого настроенія не однажды занималъ критиковъ Лермонтова, и справедливо, потому что рѣчь идетъ здѣсь объ источникахъ цѣлаго направленія Лермонтовской поэзіи. Одинъ изъ критиковъ, недоумѣвая, какъ объяснить въ Лермонтовѣ, еще молодомъ, развитіе мрачнаго взгляда на жизнь и человѣческую природу, дѣлалъ предположеніе, что въ жизни его, или по крайней мѣрѣ въ жизни близкихъ ему людей, были случаи, которые предрасположили его къ такому настроенію *). Другой критикъ, подробно разби-

*) Шестаковъ, «Юнош. произведенія Лермонтова», въ Р. Вѣстн. 1857, № 10, стр. 260.

равшій ученическія тетради Лермонтова, замѣчалъ на это, что не нашелъ и слѣда такихъ «случаевъ», что они и не нужны дѣлаются для объясненія Печорина, Арбенина и Демона потому, что это была просто подражательность, сначала Пушкину, а потомъ Байрону и проч. *). Очень возможно и вѣроятно, что до извѣстной степени и въ первую пору это было направленіе вычитанное изъ книгъ. Умственное воспитаніе Лермонтова было по преимуществу литературное. Владѣя нѣсколькими языками, онъ, кажется, много читалъ. Вѣроятно, что собственное чтеніе, мало направляемое и мало объясняемое, поставило его лицомъ къ лицу съ мрачной и энергической поэзіей, которая была ему еще не подъ силу по теоретическому содержанію, но не смотря на то, или именно поэтому, могла произвести на него впечатлѣніе, оставшееся на всю жизнь. Увлеченный ею, онъ старается постигнуть ея мысль, осуществить ея идеалы; подъ ея вліяніемъ, мало по малу составлялось его собственное міровоззрѣніе. Но едвали можно оспаривать, что это вліяніе—въ такой степени, какъ это было у Лермонтова—возможно было только потому, что находило себѣ почву въ его личныхъ наклонностяхъ, въ его собственныхъ впечатлѣніяхъ и опытахъ. Въ подтвержденіе того, что въ жизни Лермонтова были случаи, располагавшіе его къ подобному настроенію, уже было указано, что самъ Лермонтовъ заставляетъ это предполагать въ небольшомъ предисловіи къ драмѣ «Странный человѣкъ». Онъ говоритъ здѣсь, что въ его драмѣ описывается «истинное происшествіе», что всѣ характеры «списаны съ натуры», что онъ желалъ бы, чтобъ они «были узнаны», что онъ хотѣлъ и долженъ былъ оправдать «несчастнаго». «Справедливо ли описано у меня общество»?—

*) Дудышкинъ, От. Зап. 1859, № 7, стр. 33.

говоритъ онъ далѣе:—«не знаю. По крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня» *)...

Доскажемъ исторію воспитанія Лермонтова. Изъ благороднаго пансіона Лермонтовъ перешелъ въ университетъ. Но здѣсь онъ оставался не долго. Онъ былъ исключенъ изъ университета за шалость, состоявшую въ томъ, что вмѣстѣ съ товарищами поднялъ на смѣхъ странности одного профессора. Это было въ 1831 году. Дудышкинъ такъ разсказываетъ эту исторію. У профессора Ц. былъ адъюнктъ М., читавшій теорію уголовнаго права. Любимою темою лекцій М. было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи М. начиналъ словами: «человѣкъ, который»... М. заставлялъ и студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: «человѣкъ, который»... Студенты не полюбили профессора. Однажды, едва М. взошелъ на каѳедру и началъ обычное: «человѣкъ, который»..., студенты зааплодировали и крикнули: «fora!» «прекрасно!». Это повторялось каждый разъ, какъ только М. раскрывалъ ротъ. М., обращаясь къ студентамъ, говоритъ: «Гг.! Я долженъ буду уйти», а ему кричатъ: «прекрасно!» М. идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: «человѣкъ, который»... «bis!» «прекрасно!» и проводили его такимъ образомъ довольно далеко. По жалобѣ М., въ числѣ исключенныхъ былъ и Лермонтовъ **).

---

*) Шестаковъ, тамъ-же.

**) Дудышкинъ приводитъ также относящееся къ этому случаю письмо одного изъ близкихъ къ Лермонтову лицъ: «A. S. écrit à P. que vous avez un désagrement a l'université et que ma tante en est malade; de grâce écrivez-moi ce que c'est. У насъ все дѣлаютъ

Упомянутый здѣсь Ц. былъ Цвѣтаевъ, М.—Маловъ. Если мы не очень ошибаемся, исторія, за которую былъ, какъ говорятъ, исключенъ Лермонтовъ, была та самая, за которую поплатился арестомъ въ карцерѣ и авторъ «Былаго и Думъ». Послѣдній разсказываетъ ее иначе, но характеристика профессора объясняетъ и свойство шалости, вслѣдствіе которой Лермонтовъ не могъ дослушать университетскаго курса.

«Маловъ былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. «Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?» спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. «Безъ Малова девять», отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надо было *вычесть* для того, чтобы осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ; студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше (математическое) отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая придти съ вспомогательнымъ войскомъ...

«У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ, ну какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія. Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади, ногами», замѣтилъ Маловъ, воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ или рысью, и буря поднялась—свистъ, шиканье, крикъ:

изъ мухи слона: tranquilisez-moi de grâce—pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille; je sais que vous êtes capable de vous couper la gorge avec le premier venu, et pour la première sottise—fi! C'est une honte: vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractère.»

«вонъ его, вонъ его, pereat!» Маловъ, блѣдный какъ полотно, сдѣлалъ страшное усиліе овладѣть шумомъ, и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и съежившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши. Послѣднее обстоятельство было важно, на улицѣ дѣло получало совсѣмъ иной характеръ; но будто есть на свѣтѣ молодые люди 17, 18 лѣтъ, которые думаютъ объ этомъ» *)...

Оставивши университетъ такъ или иначе, Лермонтовъ кажется еще въ 1831 году переѣхалъ въ Петербургъ **) и сталъ готовиться къ экзамену для поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Какія соображенія побудили его вступить на военную карьеру,—что̀, говорятъ, было совершенно противъ желанія его бабушки,—и дѣйствительно ли это было только случайностью, пока еще трудно сказать. Въ

---

*) Замѣтимъ впрочемъ, что другія указанія совершенно отвергаютъ фактъ исключенія изъ университета. Г-жа Е. А. Ладыженская, разбирая записки г-жи Хвостовой, положительно утверждаетъ, что Лермонтовъ *не былъ* исключенъ изъ университета. «Лермонтовъ—по ея словамъ—былъ на 2-мъ или на 3-мъ курсѣ, когда ему захотѣлось перейти въ Петербургъ. Снесшись съ тамошнимъ университетомъ, который дозволилъ переходъ не иначе какъ съ условіемъ, чтобы проситель началъ сызнова, то есть выдержалъ вступительный экзаменъ. Такое требованіе разсердило Лермонтова; онъ *съ досады* вступилъ въ юнкерскую школу. Шумъ, произведенный этимъ дѣломъ, совершенно извратившимъ карьеру молодаго человѣка, который преимущественно отличался умственными способностями (?), вызвалъ начальство установить съ той поры, что студенты могутъ переходить изъ одного университета въ другой, ничего не теряя изъ своихъ ученыхъ годовъ». (Р. Вѣстн. 1872, февр. стр. 660). Г-жа Ладыженская ссылается въ этомъ на госпожъ С. и Д. (??); но ея показаніе ещѐ очень нуждается въ подтвержденіи.

**) По указанію г. Меринскаго; съ этимъ можетъ согласоваться и показаніе г. Лонгинова, который говоритъ, что видѣлъ Лермонтова въ Петербургѣ въ 1830 или 1831 году.

одномъ письмѣ, писанномъ около этого времени, онъ говоритъ о своемъ рѣшеніи идти въ военную службу: «До сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ *столько жертвъ* (?) своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля провидѣнія, быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если не ведетъ меня къ моей *первой цѣли*, то, можетъ быть, по немъ я дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: лучше же умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія старости». Въ этомъ письмѣ уже высказывается мрачное настроеніе которое съ тѣхъ поръ его не покидало: «все прошло; я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ», и за этими словами слѣдуетъ стихотвореніе, въ которомъ уже набросаны мотивы позднѣйшей «Думы» *).

Такимъ образомъ, выборъ новаго пути дѣлался уже въ ту пору, когда разочарованіе сильно овладѣвало имъ; но выборъ дороги сдѣланъ былъ едва ли случайно. Въ письмѣ немного раньше предыдущаго,—по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ, разсказывая о своей скукѣ, о томившихъ его сомнѣніяхъ, говоритъ между прочимъ: «тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ». Онъ мечталъ конечно и о славѣ поэтической, и вообще о роли и значеніи въ обществѣ. Честолюбивыя мысли, которыхъ не замѣчалъ его учитель, были вовсе не такъ ему чужды. Люди, довольно его знавшіе, указываютъ не одинъ разъ эту черту его характера, чрезвычайное самолюбіе, желаніе первенствовать въ томъ кругу, гдѣ онъ являлся, самолюбіе, которое имѣло естественное основаніе въ сознаніи собственнаго превосходства. Лермонтовъ желалъ безъ сомнѣнія

*) Есть даже нѣсколько стиховъ, почти цѣликомъ перешедшихъ въ «Думу»: въ послѣдней развито въ изображеніи цѣлаго поколѣнія то, что здѣсь является только личнымъ сомнѣніемъ самого поэта.

стоять въ первыхъ рядахъ общества, къ которому онъ долженъ былъ принадлежать. Въ то время, самая популярная и всего скорѣе приводившая въ эти ряды профессія была военная,—таковъ былъ господствующій вкусъ, таковъ примѣръ, подаваемый самыми высшими сферами. На эту дорогу направлялась масса аристократической молодежи, между прочимъ близкіе пріятели Лермонтова. Его вѣроятно завлекала и перспектива веселой, беззаботной, разгульной жизни, которую вело большинство этой молодежи, и къ которой Лермонтова тянула его подвижная и страстная натура *).

Лермонтовъ пробылъ въ юнкерской школѣ два года. (X) Юнкера, находившіеся въ школѣ, въ тоже время числились въ полкахъ, въ которые предназначались, и носили мундиръ этихъ полковъ. Лермонтовъ поступилъ въ школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ; поступленіе его на службу, унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, считалось съ 13 ноября 1832 года. Въ концѣ 1834 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты, и оставилъ школу. Съ этихъ поръ онъ «на службѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ разсѣянную жизнь въ свѣтскомъ кругу и въ своей военной компаніи.

О времени пребыванія Лермонтова въ юнкерской школѣ сохранилось довольно воспоминаній его товарищей, осталось также нѣсколько стихотвореній самого Лермонтова, которыя даютъ понятіе о господствовавшихъ тамъ

---

*) Не сюда ли именно, къ этому выбору жизненной дороги, относятся слова, сказанныя Лермонтовымъ впослѣдствіи, въ стихотвореніи «Гр. Ростопчиной»:

Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣже сны.
Но чтожъ!—отъ *цѣли благородной*
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей....

нравахъ *). Въ этихъ воспоминаніяхъ ничего не говорится о томъ, научались ли чему-нибудь въ школѣ кромѣ фрунтовой службы, были ли какіе-нибудь умственные интересы; повидимому, эти интересы не были особенно сильны. Разсказы наполнены анекдотами объ юнкерскихъ подвигахъ, въ которыхъ и Лермонтовъ игралъ не послѣднюю роль, о томъ, какъ юнкера любили «пошкольничать», какія школьничества производили.

«Между товарищами своими,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ,—Лермонтовъ ничѣмъ особенно не отличался отъ другихъ **). Въ школѣ Лермонтовъ имѣлъ страсть приставать съ своими острыми и часто даже злыми насмѣшками къ тѣмъ изъ товарищей, съ которыми онъ былъ болѣе друженъ. Разумѣется, такіе платили ему тѣмъ же, и это его очень забавляло». Объ этой привычкѣ упоминаютъ и другіе, добавляя, что здѣсь было какое-то злое желаніе надоѣсть, вывести изъ терпѣнія, какая-то назойливость въ преслѣдованіи; что эта привычка осталась у него и послѣ. Въ школѣ у всѣхъ были свои прозвища, и Лермонтовъ носилъ названіе «Маёшки» ***), съ которымъ онъ является въ стихотвореніи «Монго», написанномъ нѣсколько позднѣе: имя «Монго» носилъ его родственникъ, товарищъ по школѣ Столыпинъ.

«Лермонтовъ былъ довольно силенъ,—разсказываетъ тотъ же его товарищъ,—въ особенности имѣлъ большую силу въ рукахъ, и любилъ состязаться въ томъ съ юн-

---

*) См. напр. воспоминанія г. Меринскаго, разсказы товарищей, упоминаемые у Панаева, статью въ «Русскомъ Мірѣ» 1872, № 205.

**) Авторъ конечно не имѣетъ въ виду его ума и таланта,—а вѣроятно только разумѣетъ школьные нравы.

***) Это названіе взято отъ имени одного лица въ романѣ «Notre Dame de Paris» которое изображено уродливымъ и горбатымъ. Это намекало, конечно преувеличеннымъ образомъ, на сутуловатость Лермонтова. Имя «Монго» взято было также изъ какого-то французскаго романа.

керомъ Карачинскимъ, который извѣстенъ былъ по всей школѣ какъ замѣчательный силачъ—онъ гнулъ шомпола и дѣлалъ узлы, какъ изъ веревокъ. Много пришлось за испорченные шомпола гусарскихъ карабиновъ переплатить ему денегъ унтеръ-офицерамъ, которымъ поручено было сбереженіе казеннаго оружія. Однажды оба они въ залѣ забавлялись подобными tours de force; вдругъ вошелъ туда директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ. Каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ подобныя занятія юнкеровъ. Разгорячась, онъ началъ дѣлать имъ замѣчанія:—«Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! дѣти что-ли вы, чтобы такъ шалить!... Ступайте подъ арестъ». Ихъ арестовали на одни сутки. Послѣ того, Лермонтовъ презабавно разсказывалъ намъ про выговоръ, полученный имъ и Карачинскимъ. «Хороши дѣти,—повторилъ онъ,—которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы»...

Въ школѣ издавался нѣсколько времени журналъ, для котораго Лермонтовъ поставлялъ не мало стихотвореній. Вообще онъ не любилъ давать читать свои стихотворенія, кромѣ тѣхъ особенныхъ, которыя онъ между прочими отдавалъ для журнала—«шутливыхъ и не совсѣмъ скромныхъ», по выраженіи его товарища, а вѣрнѣе, совершенно, черезъ мѣру нескромныхъ, какъ «Петергофскій праздникъ», или «Уланша».

«По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ нашъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами».

Въ воспоминаніяхъ г. Меринскаго, напечатанныхъ въ «Атенеѣ» 1859 г. *), назойливый характеръ Лермонтова

*) Они перепечатаны при запискахъ г-жи Хвостовой.

поясняется такими чертами. Въ школѣ Лермонтовъ былъ хорошъ съ товарищами, говоритъ г. Меринскій, но нѣкоторые «не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впослѣдствіи и въ свѣтѣ онъ не оставилъ этой привычки, хотя имѣлъ за то много непріятностей и враговъ. Въ школѣ онъ писалъ не однѣ шуточныя стихотворенія; но написанное онъ показывалъ немногимъ...» «Въ обществѣ Лермонтовъ былъ очень злорѣчивъ, но душу имѣлъ добрую: какъ его товарищъ, знавшій его близко,—говоритъ г. Меринскій,—я въ томъ убѣжденъ».

Пребыванію въ юнкерской школѣ надо особенно приписать эти новыя черты его въ характерѣ — какое-то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость. Повидимому, на него именно подѣйствовалъ духъ школы, вліяніе товарищества. Въ то время въ военномъ, особенно начинающемъ, и особенно аристократическомъ кругу (какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова) былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность: отсюда его манера, производившая и потомъ такое непріятное впечатлѣніе на людей, которымъ хотѣлось бы видѣть въ великомъ талантѣ болѣе серьезнаго достоинства. Эта манера слишкомъ отзывалась свойствами особеннаго слоя общества, въ средѣ котораго тяжело было видѣть высокій талантъ, готовившійся стать въ первыхъ рядахъ литературы. То, что̀ отражалось теперь на Лермонтовѣ, была прямая противоположность тому, въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія,—какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко, съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу на-

чался для него «періодъ броженія», переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось «укоренившимися обычаями», и они не оправдывали этого настроенія *).

Но внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполнѣ подчиниться этимъ вліяніямъ, которыя способны были-бы совершенно загубить его талантъ. Лермонтовъ, съ дѣтства «мало сообщительный», не былъ сообщителенъ и теперь. Онъ предоставлялъ товарищамъ своимъ «шуточныя» стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что̀ высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя работы. У него было два рода интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень непохожія одна на другую,—и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ конечно говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли сказать кромѣ того, что̀ мы сейчасъ упоминали—ни у кого не было въ мысли затронуть эту, болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями,—объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы. «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ,—говоритъ онъ въ письмѣ 19-го іюня 1834, —со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости? Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы

*) Записки А. З.

станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*». Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ конца своего ученья: «Еслибъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести,—пишетъ онъ мѣсяца черезъ два послѣ приведеннаго письма—это будетъ прелестно! Во первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода, и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше *вѣры*; мнѣ нужны наслажденія матеріальныя, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку *); которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи». Онъ говоритъ, что въ эти года много перемѣнился: замѣтивъ, что его мечты разлетаются, онъ сказалъ себѣ, что хлопотать о новыхъ не стоитъ и гораздо лучше выучиться обходиться безъ нихъ. «Я началъ пробовать и похожъ былъ въ это время на пьяницу, старающагося по немногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ приключеній... Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года **). До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для на-

*) Этой послѣдней фразы не было въ первоначальномъ французскомъ текстѣ «Р. Архива»; но читатель найдетъ ее въ болѣе полномъ текстѣ настоящаго изданія.

**) Остававшагося до выхода изъ юнкерской школы.

слажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ»....

Съ выходомъ изъ юнкерской школы окончилось воспитаніе Лермонтова. Начинается военная служба и свѣтская жизнь.

Что же дало ему воспитаніе? Если исключить короткій промежутокъ университетской жизни,—именно въ то время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) чрезвычайно одушевленной и, быть можетъ, успѣвшей подѣйствовать на умъ Лермонтова *),—условія этого воспитанія едва ли были благопріятны для правильнаго, гуманнаго развитія. Одинъ изъ біографовъ Лермонтова, чтобы рѣзче очертить свойства его перваго воспитанія, назвалъ его французско-татарскимъ, и въ этомъ не было конечно недостатка въ нравахъ помѣщичьей аристократіи, которые издавна мирились у насъ съ французской утонченностью, нисколько не теряя отъ нея татарской дикости. Даже при мягкихъ формахъ крѣпостнаго права, воспитаніе барича рѣдко могло освободиться отъ извращающихъ вліяній, которыя вносило это пренебреженіе къ человѣческому достоинству, возведенное въ принципъ и каждодневно выполняемое. Воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, въ родѣ юнкерской школы, соединявшихъ извѣстный классъ дворянскаго юнаго поколѣнія, имѣло свою атмосферу, столько же, если еще не болѣе, неблагопріятную для здороваго нравственнаго развитія. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа тѣхъ временъ очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ; напротивъ, строго слѣдила за усвоеніемъ военной рутины, и снисходительно, сквозь пальцы, смотрѣла на тѣ нѣсколько буйныя развлеченія, въ какія

*) Это была именно пора университетской жизни цѣлаго ряда людей, ставшихъ потомъ во главѣ литературы: Станкевича, Герцена, Бѣлинскаго, К. Аксакова и проч.

вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь, и которыя умѣрялись только фрунтовой дисциплиной. Молодежь послушно усвоивала духъ касты, грубо льстившій неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшій ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества.

Жизнь въ этой средѣ повидимому не много прибавила къ образованію Лермонтова, но привила ему недостатки ея нравовъ и обычаевъ. Эта жизнь удовлетворяла юношеской жаждѣ шумливой дѣятельности и удовольствій,—немудрено, что Лермонтовъ увлекся господствовавшими здѣсь нравами, извѣстнаго рода заносчивымъ удальствомъ, которое считалось достоинствомъ касты, и наконецъ пріобрѣлъ ту манеру держать себя, которая непріятно поражала людей обыкновеннаго общества, даже вполнѣ расположенныхъ относиться къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ *). Люди, близко его знавшіе, утверждаютъ, что эта манера была наружная, напускная оболочка; что на самомъ дѣлѣ душа его была добрая, что когда онъ былъ самъ собою, его личность была высоко интересна и увлекательна, и т. д. Въ этомъ послѣднемъ можно не сомнѣваться уже потому, что Лермонтовъ былъ авторомъ многихъ стихотвореній этого мягкаго, возвышеннаго и привлекательнаго характера; но тѣмъ не менѣе извѣстно и то, что упомянутая манера слишкомъ часто имъ выказывалась, стала его всегдашней манерой въ обыкновенныхъ отношеніяхъ и, быть можетъ, имѣла какое нибудь основаніе въ самой природѣ Лермонтова.

Если въ этой природѣ были элементы эгоистическаго свойства, то въ подобныхъ условіяхъ они легко могли развиться въ самыя непривлекательныя формы въ ущербъ другимъ, болѣе мягкимъ сердечнымъ инстинктамъ. Эле-

---

*) См. напр. разсказъ Боденштедта.

менты этого рода несомнѣнно были въ Лермонтовѣ, но они опирались въ немъ на дѣйствительныя силы, на предчувствіе собственнаго превосходства, и если они принимали превратное направленіе, то Лермонтову нужно было переработывать себя въ болѣе зрѣломъ періодѣ, чтобы найти потерянную дорогу, чтобы личность его могла явиться въ своемъ лучшемъ характерѣ, въ полнотѣ своего нравственнаго достоинства. Ему предстояла борьба съ «пошлостью жизни»—въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Вопросъ біографіи имѣетъ существенную важность для опредѣленія Лермонтовской поэзіи. Еслибы всѣ тѣ грустные мотивы, мрачные характеры, какими переполнена эта поэзія, были чисто слѣдствіемъ подражательности, и поэтъ увлекался ими изъ вычитанной и фальшивой мизантропіи,— произведенія его поэзіи потеряли бы все наше довѣріе, и личность поэта тяжело поражала бы недодуманностью его непривлекательныхъ идеаловъ. Совсѣмъ напротивъ, если самая жизнь, личная и общественная, давала поэту впечатлѣнія и отражалась въ его поэзіи. Къ сожалѣнію, и внѣшняя, и внутренняя біографія Лермонтова до сихъ норъ еще слишкомъ мало извѣстна... Мы упоминали, что одинъ изъ его критиковъ, все байроническое направленіе Лермонтова считалъ однимъ подражаніемъ. Байроновское вліяніе не подлежитъ конечно сомнѣнію, но оно имѣло свою границу, или имѣло свою подготовленную почву. Поэзія Лермонтова въ особенности отличается субъективностью; его чувство было слишкомъ глубокое,—даже въ раннихъ произведеніяхъ, о которыхъ мы здѣсь говоримъ,—чтобы въ нихъ можно было видѣть только отголосокъ чужой поэзіи. По замѣчанію Боденштедта, и «всѣ произведенія Лермонтова могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheitsgedichte, въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гете». Общій тонъ поэзіи Лермонтова отличается замѣчательнымъ единствомъ лирическаго настроенія, и

объясняя развитіе ея, критика едва ли можетъ ограничиться однимъ указаніемъ на байроновское вліяніе.

Для исторіи развитія Лермонтовской поэзіи существуетъ очень любопытный, хотя и не богатый матеріалъ. Это—ученическія тетради Лермонтова, идущія отъ 1827 до 1831, когда ему было 13—17 лѣтъ, гдѣ его стихотворенія являются въ хронологической послѣдовательности *). По этимъ тетрадямъ видно, какъ рано въ Лермонтовѣ пробудилась потребность поэтической дѣятельности, на какихъ мотивахъ онъ останавливался съ самаго начала, какіе идеалы его занимали, съ какой любовью онъ отдавался своей поэзіи; можно слѣдить за его поэтическимъ ростомъ, хотя все-таки было преувеличеніемъ сказать, будто эти тетради «наглядиѣе всякой біографіи рисуютъ человѣка и его постепенное образованіе».

Отъ 1827-го года сохранился альбомъ, гдѣ между прочимъ переписаны «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина и «Шильонскій узникъ» Жуковскаго, конечно какъ вещи, которыя особенно нравились. Къ тому же или слѣдующему году относится первая поэма «Черкесы» **).

Къ 1828 году относится тетрадь, въ которой начисто переписаны двѣ поэмы: «Кавказскій Плѣнникъ» и «Корсаръ». Первый названъ уже сочиненіемъ Лермонтова и представляетъ близкое подражаніе поэмѣ Пушкина, между прочимъ съ заимствованными цѣликомъ стихами.

Другая тетрадь, набѣло переписанная, заключаетъ въ себѣ: «Мелкія стихотворенія. Москва въ 1829 году».

---

*) Нѣсколько этихъ тетрадей было описано Дудышкинымъ; другія юношескія произведенія Лермонтова были изложены Шестаковымъ. Г. Ефремовъ вновь пересмотрѣлъ ихъ для настоящаго изданія, и извлекъ изъ нихъ нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ стихотвореній.

**) У Дудышкина она отнесена къ 1826 г. Ср. Отеч. Зап. 1859, № 7, стр. 5, и № 11, стр. 245.

Къ стихотвореніямъ прибавлены иногда замѣтки Лермонтова съ біографическими указаніями, впрочемъ очень короткими и неясными. Между прочимъ, въ стихотвореніяхъ начинаютъ появляться переводы изъ Шиллера («Три вѣдьмы изъ Макбета», «Къ Нинѣ» и друг.).—Къ тому же году относится поэма «Преступникъ» и вѣроятно та тетрадь, гдѣ помѣщено нѣсколько мелкихъ стихотвореній, новые переводы изъ Шиллера (въ томъ числѣ «Перчатка», пьеса, которая, по словамъ г. А. З., была первымъ стихотворнымъ опытомъ Лермонтова) и первый очеркъ «Демона»; наконецъ, двѣ начатыя повѣсти въ стихахъ: «Олегъ» и «Два брата». Ни та, ни другая изъ этихъ повѣстей не были кончены, но сюжетъ послѣдней послужилъ впослѣдствіи для драмы того же названія.

Къ 1830 году относятся нѣсколько тетрадей, гдѣ находится второй очеркъ «Демона», помѣченный началомъ этого года («писано въ пансіонѣ», т. е. въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ). Въ началѣ выписано нѣсколько стиховъ изъ «Каина» Байрона, и поэма уже раздѣляется на строфы. Далѣе, здѣсь много мелкихъ стихотвореній, нѣсколько прозаическихъ переводовъ изъ Байрона. Къ тому же году относится и трагедія въ стихахъ «Испанцы».

Въ 1831 году написанъ третій очеркъ «Демона», романтическая драма «Странный человѣкъ», восточная повѣсть въ стихахъ «Ангелъ смерти», много мелкихъ пьесъ и въ томъ числѣ первый очеркъ стихотворенія «Бородино», окончательно отдѣланнаго уже въ 1837 году. Наконецъ, въ тетради этого года записано много сюжетовъ и плановъ для предполагавшихся поэмъ, драмъ и трагедій; только немногое изъ этихъ плановъ было выполнено.

Въ 1832 году былъ написанъ «Измаилъ-Бей», и затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ и повѣстей въ стихахъ. Въ юнкерской школѣ былъ написанъ «Хаджи-Аб-

рекъ», первая напечатанная поэма Лермонтова. При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ этими первыми произведеніями Лермонтова, нельзя не видѣть, подъ какими вліяніями совершались его первые труды. Когда онъ самъ брался писать «Кавказскаго Плѣнника», то одно сохраненіе названія, быть можетъ, показывало, что въ глазахъ самого поэта это и было именно только упражненіе въ стихѣ, варіація на данную тему. Въ «Корсарѣ» нельзя не замѣтить вліянія «Шильонскаго узника» и «Корсара» Байрона. Поэма «Преступникъ» написана подъ вліяніемъ «Братьевъ-Разбойниковъ». Въ поэмѣ «Два брата» есть подражаніе 6-й главѣ «Онѣгина». Вліяніе Пушкина очевидно и въ мелкихъ стихотвореніяхъ, напр. «Два Сокола», «Мой Демонъ» («Собранье золъ его стихія») и др. Въ первыхъ стихотвореніяхъ сохраняется и романтическая терминологія пушкинской школы, вскорѣ однако имъ брошенная. Чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится возрастающее вліяніе Байрона. Съ 1829 года Лермонтовъ уже носится съ сюжетомъ «Демона»; до 1832 года сохранилось въ его рукописяхъ до четырехъ очерковъ этой поэмы, написанной уже непосредственно подъ вліяніемъ байроновской поэзіи.

Байронъ рано попалъ въ руки Лермонтова и, очевидно, съ первой минуты произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ Байронѣ онъ находилъ что-то родственное и близкое; ему казалось, что у него есть сходство съ самой личностью, свойствами и судьбой англійскаго поэта.

Въ одной изъ тетрадей 1830 года находится слѣдующая замѣтка: «Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ; они еще и теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ тоже: *это сходство меня поразило*!» Въ другомъ мѣстѣ, разсказавъ о своей первой любви, когда ему было десять лѣтъ, Лермонтовъ прибав-

ляетъ: «Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки». Далѣе, еще сближеніе съ Байрономъ: «Есть сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ. Его матери, въ Шотландіи, предсказала старуха, что онъ, будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ* (слова подчеркнуты самимъ Лермонтовымъ), про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотябъ я былъ такъ же несчастливъ какъ Байронъ». Понятно, что прельстившись этимъ сходствомъ, онъ тѣмъ больше долженъ былъ видѣть въ Байронѣ готовый образецъ и тѣмъ больше стараться понять и усвоить себѣ содержаніе байроновской поэзіи.

Въ тетрадяхъ 1830—1831 года записано, какъ мы сказали, нѣсколько сюжетовъ (большей частью оставшихся неисполненными) и нѣсколько замѣчаній Лермонтова, не лишенныхъ интереса. Ему хотѣлось написать трагедію изъ французскаго романа «Атала», Шатобріана,—трагедія должна была изображать дикихъ, угнетенныхъ испанцами,—или трагедію «Марій» изъ Плутарха. Изъ русской жизни ему представлялся такой сюжетъ: «молодой человѣкъ, образованный въ университетѣ, но изъ поповичей или мѣщанъ, отвергается обществомъ.—Онъ застрѣливается». Или другой сюжетъ: «Написать записки молодаго монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ. Кромѣ священныхъ книгъ не читалъ (ничего). Страстная душа томится. Идеалы». Лермонтову хотѣлось написать драму изъ временъ татарскаго нашествія, гдѣ основнымъ мотивомъ является любовь къ свободѣ. Сюжеты, какъ видимъ, отчасти совершенно отвлеченные, въ чисто романтическомъ стилѣ; но уже замѣтно желаніе привязать ихъ къ русскому міру и къ настоящей дѣйствительности.

Нѣкоторыя замѣтки Лермонтова въ этихъ тетрадяхъ довольно любопытны. Такъ, излагая сюжетъ трагедіи

«Испанцы», потомъ имъ написанной, Лермонтовъ говоритъ: «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу любовницы своей, что *благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его*»,— и самъ подчеркиваетъ послѣднія слова *). Въ одной замѣткѣ (1830 г.) онъ говоритъ о русской литературѣ: «Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать, въ 15 лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однакожъ, если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ *въ русскихъ пѣсняхъ*. Какъ жалко, что у меня была мамушкой *нѣмка*, а не русская! Я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности». Не знаемъ, было ли это замѣчаніе собственной мыслью Лермонтова; но если собственное, оно очень характерно. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о Руссо: «Я читаю Новую Элоизу. Признаюсь, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много; идеалы.... что въ нихъ? Они прекрасны, чудесны, но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы. Вертеръ лучше: тамъ человѣкъ—болѣе человѣкъ. А Жанъ-Жака даже пороки не таковы, какіе они есть. У него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи. Но краснорѣчіе удивительное!»... Слова эти не вполнѣ ясны, но замѣчаніе о Вертерѣ обнаруживаетъ значительную тонкость художественнаго пониманія.

---

*) Эти слова находятся въ первой сценѣ, въ разговорѣ Фернанда съ Альваресомъ. Въ изложеніи Шестакова эта сцена передана не вполнѣ. Вотъ эти строки, по рукописи Лермонтова:

Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали.

Тетради Лермонтова открываютъ иногда возможность наблюдать и за процессомъ его поэтической работы. Тутъ записано нѣсколько случаевъ, которые послужили ему сюжетами стихотвореній; эти замѣтки самого Лермонтова и нѣсколько подобнаго рода указаній въ запискахъ г-жи Хвостовой, показываютъ въ немъ чрезвычайное обиліе поэтической фантазіи и быстроту воспроизведенія. Онъ записываетъ себѣ на память какое нибудь личное ощущеніе, мысль, случай, и рядомъ изъ этого мотива уже развита цѣлая картина. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно видѣть, что Лермонтовъ внимательно работалъ надъ мыслью и формой своихъ стихотвореній: поэтическая тема, разъ имъ затронутая, иногда повторяется черезъ нѣсколько лѣтъ, и уже въ несравненно болѣе яркой и законченной отдѣлкѣ.

Такъ «Демона» онъ передѣлывалъ не менѣе пяти разъ. Въ тетрадяхъ 1828—1831 года мы находимъ первые очерки нѣкоторыхъ стихотвореній, явившихся въ печати долго спустя и въ значительно переработанномъ видѣ: «Бородино», первый очеркъ «Думы».

Пребываніе въ юнкерской школѣ произвело «Петергофскій праздникъ», «Уланшу», позднѣе «Монго»—особый разрядъ стихотвореній, параллель которымъ можно найти и у Пушкина. Эти стихотворенія могли быть весьма естественнымъ результатомъ шутки, молодаго веселья и разгула; но шутка и разгулъ носятъ здѣсь особый, именно юнкерскій отпечатокъ—слѣдъ того, что и въ дѣйствительности Лермонтовъ слишкомъ вошелъ въ эти вкусы, которые, надо къ сожалѣнію замѣтить, были очень мало приличны его высокому таланту, а также и уму.

Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Лермонтова былъ «Хаджи-Абрекъ», написанный въ 1833 году. По словамъ г. Меринскаго и другихъ, эта пьеса напечатана была безъ вѣдома автора. Осенью 1834, родствен-

ликъ и товарищъ Лермонтова по школѣ, Н. Д. Юрьевъ, тайкомъ отъ него свезъ эту поэму къ Смирдину, въ «Библіотеку для чтенія», гдѣ она и была помѣщена въ слѣдующемъ 1835 году. Съ этого начинается литературная извѣстность Лермонтова. Поэма была замѣчена, произвела впечатлѣніе, возбудила ожиданія.

Лермонтовъ остался въ военной службѣ до конца своей жизни. Таже «воля небесъ», о которой говоритъ Пушкинъ по поводу Чаадаева, сдѣлала гусарскимъ офицеромъ и первостепеннаго русскаго поэта. Но въ этой судьбѣ былъ и добровольный выборъ. Лермонтовъ самъ пошелъ въ ту колею, которая считалась лучшимъ и почетнѣйшимъ занятіемъ для дворянина. Быть можетъ, и на него дѣйствовало соображеніе, что военная служба была тогда лучшимъ путемъ для удовлетворенія честолюбія; успѣшная военная служба и сообщаемыя ею свойства—безусловная дисциплина, неразсуждающая исполнительность и т. п.—открывали тогда человѣку какую угодно карьеру; въ свѣтской жизни гвардейскій мундиръ разныхъ наименованій имѣлъ свое общепризнанное значеніе... Говорятъ впрочемъ, что Лермонтовъ не былъ хорошимъ фрунтовымъ офицеромъ...

Въ «свѣтѣ» Лермонтовъ съ самаго начала имѣлъ успѣхъ: такъ можно судить по разсказамъ г-жи Хвостовой, встрѣтившей Лермонтова (во второй разъ) въ 1834 году въ кругу высшаго петербургскаго общества,—такъ можно судить и по словамъ самого Лермонтова. Но разсѣянная жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, въ безцеремонномъ кругу товарищества не заглушала въ немъ внутренняго разлада, и теперь недовольство его высказывается снова, въ тѣхъ любопытныхъ письмахъ, къ которымъ мы разъ обращались. Укажемъ здѣсь письмо отъ декабря 1835 года, гдѣ странно перемежаются обѣ стороны его внутренней жизни, и лучшія черты его личности, и та свѣтская порча, которую онъ

успѣлъ уже пріобрѣсти. Лермонтовъ дорожитъ воспоминаніями прошедшаго, и думаетъ, что его «будущность, блистательная по видимому, есть въ сущности пошлая и пустая». «Нужно вамъ признаться,—говоритъ онъ,—съ каждымъ днемъ я все болѣе убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ недостаетъ либо случая, либо рѣшимости. Мнѣ говорятъ, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезъ чуръ не кстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданія, что наконецъ я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія?» Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о своей свѣтской жизни: «Я бываю теперь въ свѣтѣ, для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ хорошемъ обществѣ... Я волочусь, и вслѣдъ за объясненіемъ въ любви говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это не совсѣмъ ново, за то не всѣ такъ дѣлаютъ... Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: женщины уже такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность», и проч.

Вскорѣ завязались и различныя литературныя отношенія. Хотя Лермонтовъ неохотно сообщалъ свои стихотворенія даже пріятелямъ, но еще въ школѣ знали, что у него есть и другія стихотворенія, кромѣ тѣхъ скабрезныхъ поэмъ, которыя ходили по рукамъ въ юнкерской компаніи. Ему, кажется, трудно было завязывать литературныя знакомства,—на первый разъ дѣло устроивали обыкновенно его друзья. Его родственникъ, Юрь-

евъ, какъ мы упоминали, доставилъ «Хаджи-Абрека» въ «Библіотеку для чтенія»; другой родственникъ, С. А. Р., познакомилъ Лермонтова съ г. Краевскимъ, издававшимъ тогда «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» и т. п. Впослѣдствіи, Лермонтовъ имѣлъ довольно обширныя знакомства въ кругу писателей, особенно вліятельныхъ и аристократическихъ: онъ знакомъ былъ съ Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, авторомъ «Путешествія ко св. мѣстамъ» и др.

Послѣдній, въ изданной недавно книжкѣ *), разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ въ эти годы. «Однажды его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта, и не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова «Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться.... Лермонтовъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство... Часто читалъ мнѣ молодой гусаръ свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: «отъ чего не изберетъ болѣе высокаго предмета для столь блистательнаго таланта?» Пришло ему на мысль написать комедію, въ родѣ «Горя отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ

*) Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ, 1871, стр. 21 и слѣд.

Грибоѣдова *). Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что̀ ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ».

Въ январѣ 1837 г., произошла дуэль и смерть Пушкина. Извѣстно, что эти событія произвели въ Петербургѣ чрезвычайное впечатлѣніе и показали всю мѣру глубокаго чувства, которое питало общество къ великому поэту; передъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, съ утра до ночи стояли толпы, ожидавшія извѣстій о положеніи Пушкина; люди всѣхъ званій тѣснились потомъ въ его квартирѣ, чтобы поклониться ему въ послѣдній разъ. Власти какъ будто опасались волненія; полиція принимала свои предосторожности; опасались взрыва народной ненависти противъ убійцы; все, касавшееся до погребенія, поручено было извѣстному генералу Дубельту. Извѣстно, какъ произошло это погребеніе...

Молодая часть публики была естественно всего больше взволнована и поражена, и на Лермонтова несчастное событіе подѣйствовало очень сильно. Говорятъ, что Лермонтовъ незадолго до того имѣлъ случай лично познакомиться съ Пушкинымъ, поэзіи котораго онъ былъ поклонникомъ. Подъ впечатлѣніемъ событія Лермонтовъ высказалъ общественное раздраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи на смерть Пушкина, которое въ прекрасныхъ, исполненныхъ скорби, стихахъ отражало чувства всей лучшей части общества и быстро рас-

*) Дѣло идетъ вѣроятно о «Маскарадѣ».

пространилось во множествѣ списковъ. «Ходила молва,—разсказываетъ близкій современникъ,—что Пушкинъ палъ жертвою тайной интриги, по личной враждѣ, умышленно возбудившей его ревность; дѣятелями же были люди высшаго слоя общества» *). Эта молва была вовсе не лишена основанія. Дѣйствительно, была гнусная великосвѣтская интрига, которая повидимому и послѣ смерти Пушкина имѣла въ этомъ кругу своихъ партизановъ.

Среди высшаго петербургскаго общества было много людей, которые очень холодно относились къ Пушкину, винили его самого и оправдывали Дантеса, имѣвшаго тогда въ свѣтѣ большой успѣхъ. Стихотвореніе Лермонтова, не щадившее Дантеса, не нравилось въ этомъ кругу, хотя въ стихотвореніи еще не было послѣднихъ заключительныхъ стиховъ.

Лермонтова всѣ эти толки глубоко возмущали. Въ этомъ настроеніи онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, Н. А. С-мъ, свѣтскимъ человѣкомъ высшаго круга. Въ разговорѣ съ Лермонтовымъ тотъ сталъ защищать Дантеса; они горячо поспорили, и взволнованный Лермонтовъ тутъ-же набросалъ шестнадцать заключительныхъ строкъ своего стихотворенія, написанныхъ съ энергіей, какая очень рѣдко встрѣчалась въ русской поэзіи и раньше и послѣ. Эти стихи также быстро распространились въ публикѣ.

Въ тѣ времена малѣйшія проявленія общественнаго и частныхъ мнѣній вызывали самое ревнивое вниманіе властей. Стихотвореніе Лермонтова было извѣстно и III-му отдѣленію, но въ первой своей редакціи не представляло въ его глазахъ ничего такого, что̀ требовало бы преслѣдованія. Между тѣмъ пошелъ по городу

*) Знак. съ русскими поэтами, стр. 23. Теперь извѣстно довольно много подробностей объ этой исторіи, хотя все-таки едва-ли можно считать интригу достаточно разъясненной.

другой списокъ, и дѣло приняло вскорѣ оборотъ, нѣсколько опасный для Лермонтова. Послѣдній обратился за содѣйствіемъ къ упомянутому знакомцу, А. Н. Муравьеву,—хотя было уже поздно. «Лермонтовъ просилъ меня поговорить въ его пользу Мордвинову, и на другой день я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ. «Ты всегда съ старыми вѣстями,—сказалъ онъ,—я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго» *). Обрадовавшись такою вѣстью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и не заставъ дома, написалъ ему отъ слова до слова то, что̀ сказалъ мнѣ Мордвиновъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозитъ опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи «Вѣтка Палестины», которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ востока...

«...Каково было мое изумленіе вечеромъ, когда флигель-адъютантъ Столыпинъ сообщилъ мнѣ, что Лермонтовъ уже подъ арестомъ».

По другимъ разсказамъ, такой поворотъ дѣла объяснялся слѣдующимъ образомъ. Заключительные стихи озлобили противъ Лермонтова людей, которые узнавали себя въ этихъ стихахъ, и гр. Бенкендорфъ, когда въ обществѣ ему заговорила о нихъ одна озлобленная старуха-сплетница изъ высшаго круга, счелъ нужнымъ доложить о нихъ императору. Вслѣдствіе доклада, начальнику гвардейскаго штаба Веймарну велѣно было произвести обыскъ у Лермонтова въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ

*) Дальше объясняется, что на этотъ разъ шла рѣчь еще только о первой редакціи стихотворенія.

лейбъ-гусарскій полкъ; но въ Царскомъ Селѣ Лермонтова не оказалось, потому что онъ жилъ обыкновенно въ Петербургѣ. Наконецъ, онъ былъ арестованъ и бумаги его задержаны,—въ томъ числѣ и упомянутая записка А. Н. Муравьева, который въ дальнѣйшемъ разсказѣ приводитъ такія подробности:

«Случилось мнѣ на другой день (послѣ разсказаннаго выше) обѣдать у Мордвинова; за столомъ потребовали его къ гр. Бенкендорфу; черезъ часъ онъ возвратился и съ крайнимъ раздраженіемъ сказалъ мнѣ: «что ты на насъ выдумалъ? ты самъ будешь отвѣчать за свою записку». Оказалось, что когда Лермонтовъ былъ взятъ подъ арестъ, генералъ Веймарнъ, исполнявшій должность гр. Бенкендорфа за его болѣзнію (?), поѣхалъ опечатать бумаги поэта, и между ними нашелъ мою записку. *При тогдашней строгости* это могло дурно для меня кончиться; но меня выручилъ изъ бѣды бывшій начальникъ штаба жандармскаго корпуса генералъ Дубельтъ. Когда Веймарнъ показалъ ему мою записку, уже *пришитую къ дѣлу*, Дубельтъ очень спокойно у него спросилъ: «что онъ думаетъ о стихахъ Лермонтова безъ конечнаго къ нимъ прибавленія?» Тотъ отвѣчалъ: «что въ четырехъ послѣднихъ стихахъ и заключается *весь ядъ*» *). «А если Муравьевъ ихъ не читалъ, точно также какъ и Мордвиновъ, который ввелъ его въ такой промахъ?» возразилъ Дубельтъ. Веймарнъ одумался и оторвалъ мою записку отъ дѣла. Это меня *спасло* (!)» и пр.

По другимъ разсказамъ, ареста на этотъ разъ не было, и Лермонтову было только велѣно жить, впредь до повелѣнія, въ Царскомъ, занимаясь службой, а не «сумазбродными стихами». Такъ или иначе, но въ заключеніе состоялся приказъ, по которому Лермонтовъ изъ

*) Рѣчь должна идти не о четырехъ, а о шестнадцати послѣднихъ стихахъ.

лейбъ-гвардіи гусарскаго полка переведенъ былъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Этотъ полкъ находился на Кавказѣ. Лермонтову позволено было только пробыть еще нѣсколько времени въ Петербургѣ, откуда онъ выѣхалъ, кажется, около пасхи.

«Ссылка Лермонтова на Кавказъ,—говоритъ А. Н. Муравьевъ,—надѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностію читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія» *). Въ немъ начинали видѣть преемника Пушкина. Но съ другой стороны, за Лермонтовымъ стала утверждаться репутація «безпокойнаго человѣка»; власти повидимому съ этихъ поръ его не взлюбили, какъ человѣка, у котораго молодая пылкость не ограничивалась тѣми взбалмошными (и собственно говоря, не особенно привлекательными) подвигами, на которые тогдашнія начальства смотрѣли вообще сквозь пальцы,—но была способна на смѣлую мысль и независимое общественное чувство.

Первая ссылка Лермонтова была непродолжительна. Вслѣдствіе хлопотъ своей бабушки, имѣвшей связи въ петербургскомъ свѣтѣ, Лермонтовъ, въ концѣ 1837 или въ началѣ 1838 года **), былъ возвращенъ въ гвардію, сначала въ гродненскій гусарскій полкъ, а послѣ въ тотъ, гдѣ онъ служилъ прежде.

Вернувшись съ Кавказа, Лермонтовъ имѣлъ, кажется, серьезное намѣреніе оставить службу, которую уже успѣли покинуть нѣкоторые изъ его прежнихъ товарищей по юнкерской школѣ; но родные старались удержать его отъ этого. Высшее начальство не было расположено

*) Знакомство съ русскими поэтами, стр. 25.

**) 1837 годъ указанъ у Меринскаго, другіе ставятъ 1838 годъ. Въ перепискѣ Лермонтова есть письмо, помѣченное февралемъ 1838, изъ Петербурга.

къ нему; онъ разсказываетъ по крайней мѣрѣ, что ему упорно отказывали въ отпускѣ, когда онъ просилъ его сначала на годъ, потомъ на двадцать восемь дней, наконецъ даже на четырнадцать дней. Между прочимъ, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ повидимому особенно къ нему не расположенъ. Кажется, въ это время, съ 1838 года, Лермонтовъ въ особенности предался свѣтскимъ удовольствіямъ. Имя Лермонтова тогда уже разнеслось по всей Россіи; его «исторія» дѣлала его въ свѣтѣ оригинальной новостью; онъ самъ говоритъ въ письмахъ, что въ первое время онъ былъ рѣшительно въ модѣ и его вырывали другъ у друга. Близкій свидѣтель, г. Муравьевъ, подтверждаетъ слова Лермонтова, объясняя, какъ пребываніе на Кавказѣ прибавляло новый поводъ къ интересу публики. «Лермонтовъ, возвращенный съ Кавказа и преисполненный его вдохновеніями, принятъ былъ съ большимъ участіемъ въ столицѣ, какъ бы преемникъ славы Пушкина, которому принесъ себя въ жертву. На Кавказѣ было дѣйствительно гдѣ искать вдохновенія: не только чудная красота исполинской его природы, но и дикіе нравы его горцевъ, съ которыми кипѣла жестокая борьба, могли воодушевить всякаго поэта, даже и съ меньшимъ талантомъ, нежели Лермонтовъ, ибо въ то время это было единственное мѣсто ратныхъ подвиговъ нашей гвардейской молодежи, и туда устремлены были взоры и мысли высшаго свѣтскаго общества. Юные воители, возвращаясь съ Кавказа, были принимаемы какъ герои. Помню, что конногвардеецъ Глѣбовъ, выкупленный изъ плѣна горцевъ, сдѣлался предметомъ любопытства всей столицы. Одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали Кавказъ въ самомъ поэтическомъ видѣ; пѣсни и поэмы Лермонтова гремѣли повсюду»... Вотъ еще слова Лермонтова въ письмѣ отъ 1838 г. Онъ описываетъ свои успѣхи въ большомъ свѣтѣ, гдѣ—говоритъ онъ—«въ те-

ченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали на перерывъ,... весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами». Это льстило его самолюбію, потому что онъ взялъ съ бою мѣсто въ аристократическомъ свѣтѣ, двери котораго были прежде для него заперты; но тѣмъ не менѣе онъ скучалъ, и свѣтъ ему надоѣлъ. «Эта новая опытность полезна; она дала мнѣ оружіе противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ преслѣдовать меня своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; потому что нигдѣ конечно не встрѣчается столько низостей и столько смѣшнаго».

До сихъ поръ въ печати еще не было достаточно опредѣлительныхъ разсказовъ объ этой порѣ жизни Лермонтова. Но сколько извѣстно отъ людей, тогда его знавшихъ, онъ велъ жизнь чрезвычайно разсѣянную и испорченно-свѣтскую, и иногда такую, что оружіе, которое онъ хотѣлъ направить противъ общества, нетрудно было-бы обратить и противъ него самого.

Мы упоминали о его литературныхъ связяхъ. Послѣ «Хаджи-Абрека», напечатаннаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835, болѣе крупныя произведенія помѣщены были: «Бородино» и «Казначейша»—въ «Современникѣ» 1837 и 1838 года; «Пѣсня о Калашниковѣ»—въ «Литер. Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1838, «Споръ»—въ «Москвитянинѣ» 1841; остальное, напечатанное имъ при жизни, появилось въ «Отеч. Запискахъ». Въ 1840 году сдѣлано было первое и единственное при его жизни изданіе «Стихотвореній»; въ 1840 и 1841 вышли два изданія «Героя нашего времени».

Въ первое время послѣ ссылки на Кавказъ, имя Лермонтова стало именемъ опальнымъ, и одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній его, Пѣсня о Калашниковѣ, могло увидѣть свѣтъ только благодаря особому заступничеству. «Пѣсня» была первое стихотвореніе, при-

сланное Лермонтовымъ съ Кавказа въ 1837 г. Краевскому, издававшему тогда «Литературныя Прибавленія». Когда оно отправлено было обыкновеннымъ порядкомъ къ цензору изданія, то цензоръ нашелъ совершенно невозможнымъ дѣломъ напечатать стихотвореніе человѣка, только-что сосланнаго на Кавказъ за свой либерализмъ. Издатель «Прибавленій» выручилъ стихотвореніе только тѣмъ, что обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія Лермонтова, находилъ, что его непремѣнно надо напечатать и далъ г. Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ нашелъ, что цензоръ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но разрѣшилъ печатаніе на своей отвѣтственности, не позволивъ однако ставить имени Лермонтова, которое было замѣнено случайными буквами *).

Разсказъ Панаева о негодованіи Лермонтова на напечатаніе «Казначейши» въ «Современникѣ» безъ его вѣдома, оказывается не совсѣмъ достовѣрнымъ или не точнымъ; изъ писемъ Лермонтова видно, что онъ самъ отдавалъ эту пьесу Жуковскому,—но онъ могъ быть недоволенъ какими-нибудь редакторскими иди цензорскими сокращеніями, такъ какъ поэма явилась тамъ съ очень многими пропусками.

О литературныхъ отношеніяхъ Лермонтова трудно сказать что нибудь опредѣленное,—кромѣ того развѣ, что близкихъ отношеній этого рода у него не было вѣроятно никакихъ. Панаевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу, и былъ знакомъ только съ интересами, принадлежащими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и зна-

*) По разсказу г. Краевскаго, которому мы обязаны и нѣсколькими другими указаніями. «Литерат. Прибавл.» 1838, № 18, стр. 344; подписано:«—въ».

менитостями». Дѣйствительно, у Лермонтова были знакомства этого рода *), но повидимому, они не представляли для него никакого особеннаго интереса; къ авторитетамъ онъ былъ почтителенъ, но холоденъ. У него не было никакихъ особенныхъ связей и въ остальной литературѣ; онъ стоялъ особнякомъ, не сближаясь съ нею. Панаевъ разсказываетъ, что Лермонтовъ, какъ Пушкинъ, прежде всего желалъ слыть за свѣтскаго человѣка, и не любилъ, когда на него смотрѣли какъ на литератора; и объясняетъ это тѣмъ, что свѣтъ вообще дѣйствовалъ на Лермонтова обаятельно и онъ, хотя желалъ бросать въ него «желѣзный стихъ, облитый горечью и и злостью», но самъ не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ. Объ этомъ послѣднемъ современники разсказываютъ иначе, и повидимому ближе къ истинѣ,— что, собственно говоря, Лермонтовъ предпочиталъ просто свою офицерскую компанію съ ея препровожденіями времени, а въ большомъ свѣтѣ интересовался только свѣтскими женщинами, и обыкновенно велъ интригу по крайней мѣрѣ съ двумя изъ нихъ, а иногда и больше,— что̀ его очень занимало. Изъ его писемъ, которыя мы имѣли случай приводить, можно видѣть, что «обаяніе» большаго свѣта для Лермонтова было не инаго рода **).

---

*) Онъ бывалъ у кн. Одоевскаго, Жуковскаго, кн. Вяземскаго, А. Н. Муравьева. Въ Москвѣ его давнишней пріятельницей была гр. Ростопчина (урожденная Сушкова, «Додо», къ которой онъ обращался въ юношескихъ стихотвореніяхъ).

**) Далѣе Панаевъ разсказываетъ, что Бѣлинскій «часто» видѣлъ Лермонтова у редактора От. Записокъ, но никогда не могъ завязать съ нимъ серьезнаго разговора, и только однажды, посѣтивши его во время ареста въ ордонансъ-гаузѣ, имѣлъ съ нимъ подобный разговоръ и пришелъ въ восторгъ отъ его глубокаго пониманія искусства и т. д. По другимъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣли, этотъ разсказъ не отличается точностью. Свиданіе въ ордонансъ-гаузѣ было первымъ знакомствомъ Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ, и *часто* видѣться они не могли, такъ какъ вскорѣ Лермонтовъ отправился на Кавказъ, да и самый разговоръ не былъ такого свойства, чтобы произвести столь полное впечатлѣніе, какъ разсказываетъ Панаевъ.

Повидимому, въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ Лермонтовъ не измѣнялъ своей обыкновенной манерѣ,— не сближался съ литературнымъ кругомъ, отчасти изъ нѣсколько высокомѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказываться, отчасти вѣроятно увлекаясь тономъ своего товарищества, довольно беззаботнаго на счетъ литературы...

Въ февралѣ 1840 года произошла дуэль Лермонтова съ Барантомъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ Лермонтова, сыномъ извѣстнаго историка и французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Столкновеніе, поведшее къ дуэли, произошло на балѣ у гр. Лаваль, гдѣ Лермонтовъ былъ вызванъ Барантомъ за какія-то имъ будто сказанныя слова, въ которыхъ Лермонтовъ не хотѣлъ извиниться. «Особа», по поводу которой произошла ссора и имени которой Лермонтовъ не хотѣлъ назвать при слѣдствіи, была, говорятъ, одна великосвѣтская дама, къ которой относится одно изъ самыхъ граціозныхъ стихотвореній Лермонтова.... Дуэль была сначала на шпагахъ, потомъ на пистолетахъ и кончилась для Лермонтова небольшой царапиной; самъ онъ выстрѣлилъ на воздухъ *).

Началось разслѣдованіе, во время котораго Лермонтовъ былъ арестованъ въ ордонансъ-гаузѣ, потомъ на арсенальной гауптвахтѣ (гдѣ нынѣ зданіе суда, на Литейной). На слѣдствіи Лермонтовъ показалъ, и секундантъ его подтвердилъ, что на дуэли онъ сдѣлалъ свой выстрѣлъ въ сторону—обстоятельство, которое могло имѣть вліяніе на мѣру взысканія, и было справедливо. Между тѣмъ Барантъ, услышавъ объ этомъ объясненіи, изъ котораго слѣдовало, что онъ не потерпѣлъ на дуэли только по великодушію Лермонтова, выражалъ свое неудовольствіе этимъ показаніемъ; и Лермонтовъ, услышавъ

*) Послѣ дуэли,—по разсказу г. Краевскаго,—Лермонтовъ заѣхалъ къ нему и былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ. Кажется, ему дѣйствительно доставляли удовольствіе «сильныя ощущенія» или чувство побѣжденной опасности.

объ этомъ, пригласилъ Баранта, черезъ одного своего пріятеля, видѣться съ нимъ на гауптвахтѣ. Онъ успѣлъ тайкомъ устроить это свиданіе, и подтвердилъ при этомъ Баранту справедливость своего показанія и, если тотъ былъ этимъ недоволенъ, предложилъ ему другую дуэль по окончаніи своего ареста, за границею, куда Лермонтовъ хотѣлъ ѣхать съ наступленіемъ весны. Барантъ удовольствовался объясненіемъ; но Лермонтову это свиданіе было также поставлено въ вину при разборѣ дѣла.

Оно прошло нѣсколько инстанцій различныхъ военныхъ начальствъ (полковой и бригадный командиръ, начальникъ гвардейской кавалеріи, корпусный командиръ, генералъ-аудиторіатъ), которыя опредѣляли болѣе или менѣе строгія наказанія, но по высочайшей резолюціи 13 апрѣля Лермонтовъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ тенгинскій пѣхотный полкъ: другими словами, кромѣ перевода въ армейскій полкъ, это означало новую ссылку на Кавказъ. Прибывъ на Кавказъ къ мѣсту своего назначенія, Лермонтовъ отправился въ горы, въ экспедицію противъ чеченцевъ. Въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ участвовалъ и прежде: во время первой ссылки, онъ, въ 1837 году, находился въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генерала Вельяминова *). Къ этой новой экспедиціи 1840 года, въ которой Лермонтовъ принималъ участіе, относится сраженіе подъ Валерикомъ, описанное въ поэмѣ этого названія.

Въ концѣ 1840 года ему разрѣшено было пріѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. Весной 1841 г., передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Москвѣ: къ этому времени должно

*) Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка, напечатаннаго въ газетѣ «Вѣкъ» 1862, № 3.

относиться знакомство съ нимъ Боденштедта, который сталъ впослѣдствіи столь извѣстнымъ переводчикомъ его стихотвореній на нѣмецкій языкъ и оставилъ о немъ любопытныя воспоминанія. Кажется въ апрѣлѣ 1841 г., Лермонтовъ отправился изъ Москвы въ послѣдній путь на Кавказъ, съ своимъ родственникомъ и давнишнимъ пріятелемъ Столыпинымъ *).

По пріѣздѣ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Здѣсь у него составился кружокъ близкихъ пріятелей, гдѣ кромѣ Столыпина, были М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, кн. Васильчиковъ; послѣднему принадлежитъ, кажется, наиболѣе достовѣрный разсказъ объ этомъ времени жизни Лермонтова и его послѣдней дуэли. «Мы жили дружно, весело, и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ,— говоритъ кн. Васильчиковъ.—Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать наша дружба, были искренни, чистосердечны». Въ объясненіе характера поэта, какъ онъ образовался къ этому времени, кн. Васильчиковъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой— заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всѣхъ Столыпинъ (прозванный имъ-же Монго), Глѣбовъ, бывшій его товарищъ по гусарскому полку, впослѣдствіи тоже убитый на дуэли, кн. Алекс. Ник. Долгорукій, декабристъ М.

*) Онъ умеръ въ 1858 или 1859 г. во Флоренціи.

А. Назимовъ, и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ по его понятіямъ весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками.—Но кромѣ того,—прибавляетъ авторъ этихъ воспоминаній,—въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно соглашается съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, *какъ его называютъ* восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился въ краткой и бурной своей жизни. Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-лѣтнему школьному мальчику».... И авторъ приводитъ нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, гдѣ дѣйствительно была ребяческая, забавная, довольно невинная шутка *). Упомянувъ затѣмъ, что мысли Лермонтова имѣли и свое серьезное направленіе, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ:... «Отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя однако не сознаться, что это (вышеуказанное) настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность».... **).

---

*) Можно бы замѣтить автору, что *такая* шутка вовсе не «трудно соглашается» съ понятіемъ о геніальномъ поэтѣ,—она только показывала бы живость характера и остроумную изобрѣтательность. Но дѣйствительно трудно соглашаются съ этимъ другаго рода шалости, въ которыхъ нарушалось достоинство характера.

**) Р. Архивъ, 1872 №1, стр. 206 и слѣд.

Какъ и многое въ біографіи Лермонтова, послѣдняя дуэль его еще не разъяснена вполнѣ. Изъ напечатанныхъ разсказовъ и данныхъ военно-суднаго дѣла извѣстно въ общихъ чертахъ, что причиной дуэли была ссора Лермонтова съ отставнымъ майоромъ Мартыновымъ, однимъ изъ его знакомыхъ; но опредѣлительныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ именно послужило предметомъ ссоры, кто изъ двухъ былъ не правъ, до сихъ поръ напечатано еще не было. Когда въ послѣднее время снова заговорили объ этой дуэли, то г. Мартыновъ отказался высказаться; кн. Васильчиковъ, на котораго онъ сослался,—одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей дѣла,—отвергаетъ разсказы, обвинявшіе Мартынова, и приступая самъ къ изложенію дѣла, говоритъ: «глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцею Лермонтова».

Живя въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ встрѣчался съ Мартыновымъ въ домѣ генеральши Верзилиной, которая жила тамъ во время минеральнаго сезона, съ тремя дочерьми; въ ихъ домѣ собиралась военная молодежь изъ посѣтителей водъ. На одномъ изъ вечеровъ, Лермонтовъ, вообще не сдерживавшій своего остроумія, сказалъ какую-то шутку, болѣе или менѣе острую, на счетъ Мартынова, въ присутствіи дамъ *). Это было уже не въ пер-

*) По одному позднѣйшему разсказу, изъ слуховъ, собранныхъ на мѣстѣ, въ ссорѣ было замѣшано личное соперничество. Одна изъ дочерей г-жи Верзилиной, большая красавица, интересовала, говорятъ, обоихъ, кокетничала съ Лермонтовымъ, но отдавала предпочтеніе Мартынову. Объ этомъ послѣднемъ говорятъ, что «онъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Онъ носилъ бѣлый шелковый бешметъ и суконную черкеску, рукава которой любилъ засучивать. Взглядъ его былъ смѣлъ, вся фигура, манеры и жесты полны самой беззавѣтной удали и молодечества». «Нисколько не удивитель-

вый разъ, и Мартыновъ наконецъ долженъ былъ предупредить Лермонтова, что эти шутки ему не нравятся. По разсказу кн. Васильчикова, другіе, въ томъ числѣ и онъ, не разслышали, что̀ сказалъ Лермонтовъ; но выходя изъ дома на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему, очень тихимъ и ровнымъ голосомъ, по французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ», на что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «*а если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія*», и затѣмъ между ними ничего больше не было ни въ этотъ вечеръ, ни въ послѣдующіе дни. Кн. Васильчиковъ увѣряетъ, что ближайшіе друзья Лермонтова считали эту ссору совершенно пустою и ничтожною, и до послѣдней минуты думали, что она кончится примиреніемъ.

Прибавляютъ къ этому, что Мартыновъ былъ уже прежде знакомъ Лермонтову, который зналъ также семейство Мартынова въ Петербургѣ, гдѣ видѣлъ его передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Былъ слухъ, что недоразумѣніе между ними шло и съ этой стороны, и повидимому не въ пользу Лермонтова... *)

Въ своемъ показаніи на судѣ, Мартыновъ говорилъ, что еще ранѣе, недѣли за три, онъ высказалъ откро-

---

но,—говоритъ тотъ же разсказчикъ,—если Лермонтовъ, при всемъ дружественномъ къ нему расположеніи, всей силой своего сарказма нещадно бичевалъ его невыносимую заносчивость... Мартыновъ, говорятъ, долго искалъ случая придраться къ Лермонтову—и случай выпалъ: сказанная послѣднимъ на роковомъ вечерѣ у Верзилиныхъ острота, по поводу пристрастія Мартынова къ засученнымъ рукавамъ, была признана имъ за casus belli» (Разсказъ г. Мартьянова, Всем. Трудъ, 1870, № 10, стр. 592).

*) Ср. слова Боденштедта, въ «Матеріалахъ», стр. 225. До сихъ поръ, кромѣ разсказовъ вышеприведенныхъ, извѣстны по слухамъ и другія подробности этой исторіи; со временемъ они вѣроятно разъяснятся...

венно Лермонтову, какъ непріятны ему шутки и насмѣшки Лермонтова. Теперь,—«при выходѣ изъ того дома, онъ удержалъ Лермонтова за руку и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему тонъ этой проповѣди не нравится, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говоритъ про него то, что онъ хочетъ, и, въ заключеніе, сказалъ: «вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно ты никого этимъ не испугаешь.» Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлетъ къ нему своего секунданта.

Хозяйка дома показала, подъ присягою, что непріятностей между Лермонтовымъ и Мартыновымъ у нея въ домѣ не слыхала и не замѣтила. Тоже самое показали кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ, которые тамъ же провели этотъ вечеръ, и которые были потомъ секундантами.

Всѣ усилія кн. Васильчикова и Глѣбова помирить противниковъ остались напрасны и дуэль произошла черезъ два дня, 15 іюля *). Она была назначена въ $6^1/_2$

*) «Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова,—говоритъ кн. Васильчиковъ,—но всякій согласится, что вышеприведенныя слова Лермонтова: «потребуйте отъ меня удовлетворенія», заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію. На этомъ сокрушились всѣ наши усилія... но и тутъ, въ послѣднюю минуту мы, и я думаю, самъ Лермонтовъ, были убѣждены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись для соблюденія чести двумя пулями, противники подадутъ себѣ руки и поѣдутъ... ужинать». Р. Арх. 1872, стр. 210. Другой современникъ,

часовъ вечера. По показанію Мартынова, на слѣдствіи подтвержденному и секундантами, дуэль происходила такъ: по прибытіи на мѣсто (всѣ они отправлялись верхомъ, Глѣбовъ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ), барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Мартыновъ и Лермонтовъ стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Мартыновъ первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ.—Лермонтовъ былъ пораженъ на смерть; пуля ударила въ правый бокъ на вылетъ, самъ Лермонтовъ не успѣлъ сдѣлать выстрѣла. Разсказываютъ, что въ этотъ день еще съ утра надъ Пятигорскомъ и горою Машукомъ собиралась туча и, какъ нарочно, сильная гроза разразилась ударомъ грома въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю.

Когда секунданты скомандовали сходиться,—разсказываетъ кн. Васильчиковъ,—«Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его

лично знавшій Лермонтова, такъ передаетъ ходившіе тогда разсказы: «Онъ палъ отъ руки пріятеля, который *всячески старался избѣжать дуэли*, но былъ *вынужденъ* драться назойливостью самого Лермонтова, потому что онъ не давалъ ему нигдѣ покоя колкими своими шутками. *Розно* разсказываетъ причину столь страннаго поведенія пылкаго поэта и трудно теперь узнать истину»... (Знакомство съ русскими поэтами, стр. 27—28).

скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія» *). Лермонтовъ умеръ на мѣстѣ.

Послѣ дуэли,—разсказываетъ по мѣстнымъ преданіямъ г. Мартьяновъ,—Глѣбовъ явился къ пятигорскому коменданту, полковнику Ильяшенкову, чтобы разсказать ему о происшествіи **). Ильяшенковъ, человѣкъ добрый, но очень ограниченный, совершенно растерялся. Приказавъ наконецъ арестовать Мартынова, онъ велѣлъ будто-бы отвезти тѣло Лермонтова, привезенное къ его дому, на гауптвахту; вскорѣ сообразили, что тѣлу тамъ вовсе не мѣсто; его повезли къ церкви Всѣхъ Скорбящихъ и положили на паперти; наконецъ уже подъ вечеръ тѣло было, по чьему-то внушенію, отвезено на квартиру, гдѣ оно и было подвергнуто медицинскому свидѣтельству ***).

Пятигорское духовенство затруднилось относительно погребенія Лермонтова по христіанскому обряду,—какъ говорятъ потому, что нѣсколько вліятельныхъ личностей, находившихся тогда въ Пятигорскѣ и не любившихъ Лермонтова за его злой языкъ, внушали, что убитый на дуэли тотъ же самоубійца и что едва ли высшее начальство взглянетъ благопріятно на похороны такого чело-

---

*) Разные другіе пересказы о смерти Лермонтова см. въ «Матеріалахъ», и въ статьѣ г. Мартьянова во «Всем. Трудѣ». Послѣдній собралъ (мало, кажется, достовѣрные) разсказы старожиловъ Пятигорска объ обстоятельствахъ дуэли и смерти Лермонтова.

**) По разсказу кн. Васильчикова, Глѣбовъ оставался при убитомъ, Васильчиковъ поѣхалъ въ городъ за докторомъ (и ни одного не могъ добыть—всѣ ссылались на дурную погоду), а Мартыновъ самъ, съ мѣста дуэли, отправился къ коменданту объявить о случившемся.

***) Кн. Васильчиковъ не говоритъ объ этомъ и упоминаетъ просто, что они всѣ проводили тѣло до общей ихъ квартиры.

вѣка. Только настоянія друзей Лермонтова сдѣлали то, что надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ.

Разсказываютъ, что когда въ день дуэли позднимъ вечеромъ привезли тѣло Лермонтова на квартиру, домъ и дворъ переполнился народомъ; все, что̀ называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебывало здѣсь въ теченіе трехъ дней. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, болѣе многочисленная, оправдывала Лермонтова. Было слышно даже нѣсколько такихъ озлобленныхъ голосовъ противъ Мартынова, что не будь онъ арестованъ, ему грозила бы опасность.

Лермонтовъ былъ похороненъ на кладбищѣ въ Пятигорскѣ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ гробъ его перевезенъ былъ въ деревню Тарханы (Пенз. губ.), гдѣ и былъ воздвигнутъ ему памятникъ. Мѣсто его временнаго погребенія на пятигорскомъ кладбищѣ забылось; кажется, оно отошло подъ выстроенную впослѣдствіи церковь; камень, лежавшій на этой могилѣ, также исчезъ.

Имуществу, оставшемуся послѣ Лермонтова, сдѣлана была опись. Оно было взято его другомъ и родственникомъ А. А. Столыпинымъ и передано его бабушкѣ. Въ этой описи упомянуты слѣдующія бумаги Лермонтова: «*собственныхъ сочиненій покойнаго* на разныхъ лоскуткахъ бумаги, *кусковъ*—7; *писемъ* разныхъ лицъ и отъ родныхъ—17; *книга на черновыя сочиненія*, подаренная покойному княземъ Одоевскимъ въ кожанномъ переплетѣ—1, и *карманная книжка* маленькая—1».

Разсказываютъ еще, что у Лермонтова было предчувствіе близкой его смерти; что 8-го іюля, одинъ изъ его прежнихъ товарищей по школѣ встрѣтилъ его довольно поздно на пятигорскомъ бульварѣ; ночь была тихая и теплая; они пошли гулять. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа, то грустенъ, то вдругъ становился желчнымъ и съ сарказмомъ говорилъ о жизни и обо всемъ его окружавшемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ онъ

сказалъ: «чувствую,—мнѣ очень мало осталось жить» *). Что-же касается до извѣстія, будто за недѣлю передъ смертью Лермонтовъ написалъ подъ вліяніемъ этого предчувствія извѣстное стихотвореніе «Завѣщаніе», проникнутое грустью и меланхоліей, то указаніе это вовсе не вѣрно **).

Извѣстіе о смерти Лермонтова было тогда сообщено въ формѣ такого свѣдѣнія изъ Пятигорска: «15 іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался—лечившійся въ Пятигорскѣ, М. Ю. Лермонтовъ»... ***).

Въ сороковыхъ годахъ біографія Лермонтова была невозможна. Кромѣ того, что литературѣ вообще не разрѣшалось касаться слишкомъ близкихъ интересовъ настоящаго, на Лермонтовѣ лежала репутація опальнаго человѣка; наконецъ, тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Лермонтовъ, не слишкомъ заботится и до сихъ поръ объясненіемъ этой біографіи,—находя вѣроятно въ этомъ мало любопытнаго. Въ послѣднее время эта біографія начинаетъ всплывать, но люди, близко знавшіе Лермонтова, до сихъ поръ ограничились только немногими отрывочными разсказами. Естественно, что въ томъ, что̀ писалось о Лермонтовѣ другими, встрѣчались ошибки; нѣкоторые друзья Лермонтова строго ихъ обличали,—но должно сказать, что сами они больше виноваты, не собравшись до сихъ поръ дать сколько нибудь обстоятельнаго разсказа о Лермонтовѣ.

---

*) Разсказано у Меринскаго, «Матеріалы», стр. 205.

**) Тамъ же, стр. 252. Это показаніе опровергается тѣмъ, что означенное стихотвореніе *было напечатано* за полгода до смерти Лермонтова.

***) Одесскій Вѣстникъ, 1841, № 63. Соч. Бѣлинскаго V, стр. 347.

Словомъ, матеріала не много; и мы почти истощимъ его, прибавивъ еще нѣсколько свѣдѣній, не вошедшихъ въ предъидущее изложеніе.

По словамъ г. Меринскаго,—который былъ товарищемъ Лермонтова по юнкерской школѣ и, кажется, былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ,—Лермонтовъ былъ брюнетъ, съ блѣдножелтоватымъ лицомъ, съ черными какъ уголь глазами, «взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ» *). Не высокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но невольно останавливалъ на себѣ вниманіе, даже не знавшихъ его. «Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу».

«Разъ, въ откровенномъ разговорѣ со мной,—говоритъ тотъ же авторъ,—онъ мнѣ разсказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по разсказамъ его бабушки». Между прочимъ въ романѣ описывалась первая любовь, не вполнѣ раздѣленная, и «встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ, что разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его ранней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ разсказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина».

«Какое имѣло вліяніе на поэзію Лермонтова чтеніе Байрона—всѣмъ извѣстно; но не одно это,—и характеръ его, отчасти схожій съ Байроновымъ, былъ причиной,

---

*) По словамъ Панаева, у Лермонтова были «глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ».

что Лермонтовъ, не смотря на свою самобытность, невольно иногда подражалъ британскому поэту.

«Лермонтовъ былъ далеко не красивъ собою и, въ первой юности, даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это, и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ небольшой свой недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди, легко этого достигали» *).

Другой разсказчикъ о Лермонтовѣ, Панаевъ, близко его не зналъ, но видывалъ его и много слышалъ о немъ отъ его школьныхъ и полковыхъ товарищей; онъ конечно высоко цѣнилъ Лермонтова какъ писателя, и старался понять его мудреный характеръ, какъ человѣка. По разсказамъ товарищей, передаваемымъ у Панаева, Лермонтовъ былъ любимъ очень немногими, только тѣми, съ кѣмъ онъ былъ близокъ, но и съ близкими людьми онъ не былъ сообщителенъ. У него была страсть отыскивать у каждаго изъ своихъ знакомыхъ какую нибудь смѣшную сторону или слабость, и отыскавъ ее, онъ упорно преслѣдовалъ такого человѣка, пока наконецъ выводилъ его изъ терпѣнія своими насмѣшками: тогда онъ былъ очень доволенъ. Съ товарищами онъ былъ вообще хорошъ,—«но у него не было ни малѣйшаго добродушія (по словамъ одного изъ товарищей его), и ему непремѣнно нужна была жертва, безъ этого онъ не могъ быть покоенъ,—и выбравъ ее, онъ уже безпощадно преслѣдовалъ ее. Онъ непремѣнно долженъ былъ кончить

*) Въ «Матеріалахъ» стр. 191 и слѣд.

такъ трагически:—не Мартыновъ, такъ кто нибудь другой убилъ бы его».

Не иной смыслъ имѣетъ и приведенное выше замѣчаніе кн. Васильчикова объ этой чертѣ характера Лермонтова.

Далѣе, упоминая слова Бѣлинскаго, что Лермонтовъ какъ будто нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотой, Панаевъ замѣчаетъ:—«И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бреттёра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить». Упоминая о томъ мнѣніи, которое, признавая въ Лермонтовѣ замѣчательный талантъ, считало его пустымъ человѣкомъ и притомъ недобраго сердца,—Панаевъ задаетъ вопросъ, почему могло возникнуть у большинства его знакомыхъ такое мнѣніе о его характерѣ, и отвѣчаетъ на вопросъ тѣмъ, что это большинство состояло или изъ поверхностныхъ людей свѣтскаго круга или изъ тѣхъ мелкихъ моралистовъ, которые судятъ по однимъ внѣшнимъ явленіямъ и по нимъ только произносятъ свои рѣшительные приговоры: Лермонтовъ былъ несравненно выше своей среды и не могъ серьезно относиться къ этимъ людямъ, и къ послѣднимъ въ особенности, и для него, кажется, именно было удовольствіемъ казаться передъ ними человѣкомъ совершенно пустымъ. «Онъ не отыскивалъ людей равныхъ себѣ по уму и по мысли внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого; онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ». Конечно предразсудки среды, въ которой онъ росъ и жилъ, увлеченія молодости и желаніе

драпироваться въ байроновскій плащъ не могли нравиться людямъ дѣйствительно серьезнымъ, и придавали Лермонтову неестественный и непріятный характеръ,—но онъ былъ еще очень молодъ, и смерть поразила его въ то время, когда въ немъ происходила внутренняя переработка, изъ которой онъ конечно вышелъ бы побѣдителемъ... *)

Записки г-жи Хвостовой, составленныя еще въ 1837 г. изображаютъ Лермонтова сначала 16-лѣтнимъ мальчикомъ, потомъ свѣтскимъ человѣкомъ, среди его успѣховъ въ обществѣ. Составительница—тогда блестящая свѣтская дѣвушка, годами двумя старше Лермонтова, которою онъ увлекался. Въ первое знакомство, г-жа Сушкова (какъ называлась она до замужства) мало занималась мальчикомъ, уже обнаруживавшимъ замѣчательный талантъ, подшучивала надъ нимъ—хотя это раздражало его, подтрунивала надъ его стихотворствомъ—хотя не видно, что бы она могла тогда возражать противъ него. Отношенія измѣняются, когда черезъ нѣсколько лѣтъ они снова встрѣтились въ Петербургѣ. Лермонтовъ уже не былъ неувѣренный въ себѣ мальчикъ; напротивъ, былъ слишкомъ, можетъ быть, самоувѣренный свѣтскій человѣкъ, въ которомъ общество уже начинало интересоваться начинающейся поэтической славой. У г-жи Сушковой былъ тогда женихъ, получившій ея слово; но она такъ увлеклась теперь Лермонтовымъ, что шла будто бы рѣчь о томъ, что Лермонтовъ «увезетъ» ее отъ родныхъ, ее стѣснявшихъ, и обвѣнчается съ ней,—какъ вдругъ все это перемѣнилось вслѣдствіе обстоятельствъ, очень мало разъясненныхъ въ запискахъ. При новыхъ встрѣчахъ Лермонтовъ показывалъ ей такую холодность и пренебреженіе, что въ полномъ разрывѣ не могло быть сомнѣнія.

---

*) Воспоминанія Панаева, въ «Современникѣ» 1861, кн. 2.

Эти записки, хорошо написанныя и не лишенныя нѣкотораго интереса, даютъ однако очень мало для его біографіи. Героиней ихъ остается сама составительница, а Лермонтову удѣлено лишь столько мѣста, на сколько онъ заслуживалъ по отношенію къ ея особѣ. Почти единственное, что можно извлечь отсюда, это—объясненіе нѣкоторыхъ стихотвореній, два-три анекдота и bons mots Лермонтова. Романъ, разсказанный въ запискахъ г-жи Хвостовой, къ сожалѣнію очень неясенъ и жалобы на коварство и вѣроломство Лермонтова остаются бездоказательны. Общее впечатлѣніе для него очень неблагопріятно: къ исторіи самой героини, гдѣ Лермонтовъ является безсердечнымъ ловеласомъ, присоединяются намеки на какія-то другія исторіи, гдѣ онъ является въ той-же роли *), и такъ какъ все это говорится въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, то читатель лишенъ всякой возможности судить о дѣлѣ.

Эти недостатки записокъ г-жи Хвостовой уже вскорѣ вызвали, между прочимъ, и крайне недовѣрчивый и недружелюбный отзывъ **), который трудно было принять по его голословности, и не менѣе трудно отвергнуть, потому что многое въ запискахъ подавало къ тому поводъ. Но затѣмъ явились и доказательства. Г-жа Ѳадѣева, близкая родственница г-жи Хвостовой, указала нѣсколько довольно странныхъ ошибокъ въ ея семейной лѣтописи и заподозрила также и разсказы о Лермонтовѣ ***). Еще рѣшительнѣе новыя опроверженія

---

*) Упоминаются какія-то «Любенька Б.», «хорошенькая дурочка Т.», «бѣдная Лиза», которая отъ него погибла. См. стр. 158, 167, 178.

**) Въ упомянутой статьѣ г. Мартьянова, во «Всем. Трудѣ».

***) Г-жа Ѳадѣева, дѣлавшая свои замѣчанія на записки г-жи Хвостовой въ «Современной лѣтописи», 1869, № 46, и 1871, № 41, говоритъ по поводу ея романа съ Лермонтовымъ: «Исторію похожденій Лермонтова съ Е. А. я слышала отъ его родственниковъ не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ она передана въ запискахъ, но ду-

г-жи Ладыженской, родной сестры г-жи Хвостовой *). И здѣсь, разсказъ г-жи Хвостовой объ ея отношеніяхъ къ Лермонтову во многихъ пунктахъ опровергается и заподозривается,—такъ что вообще эти записки являются мало достовѣрными. «Романъ» съ Лермонтовымъ (по крайней мѣрѣ конецъ его) въ разсказѣ г-жи Ладыженской нѣсколько яснѣе, хотя еще не вполнѣ ясенъ; но способъ дѣйствій Лермонтова въ этомъ романѣ, и вообще его личность, изображаются и здѣсь въ довольно непривлекательномъ видѣ. Исторія нѣсколько любопытна какъ одинъ изъ случаевъ и примѣровъ свѣтской жизни и развлеченій Лермонтова.

Скудость свѣдѣній о Лермонтовѣ заставляла наконецъ его біографовъ прибѣгать къ нѣмецкой литературѣ: у насъ не однажды была повторена характеристика, написанная Боденштедтомъ **). Это не есть точный трудъ, основанный на достаточныхъ данныхъ; фактическій матеріалъ не богатъ;—но общая мысль очень опре-

---

маю, что истина на сторонѣ записокъ». Въ другой разъ она повторяетъ, что все-таки «вовсе не вполнѣ въ этомъ увѣрена»,—и «именно по той причинѣ, что журналъ г-жи Хвостовой, который она вела въ продолженіи 10 лѣтъ, и ея завѣтная тетрадка съ разговорами Лермонтова, о которыхъ она упоминаетъ въ *запискахъ* и полагаетъ, что ихъ зачиталъ одинъ родственникъ,—находятся у меня« (г-жи Өадѣевой). «Этотъ родственникъ подарилъ ихъ мнѣ много лѣтъ тому назадъ, и увѣрялъ, что получилъ ихъ въ подарокъ отъ Е. А. во дни ея молодости.... Изъ сличенія журнала съ *записками* хотя и видно, что сущность справедлива, но иныя подробности мало между собою сходятся. Да и весь этотъ послѣдній эпизодъ съ Лермонтовымъ продолжался, судя по журналу, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и достойно удивленія, какъ это въ такой маленькій срокъ времени могла произойти такая большая исторія! Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ».

*) Р. Вѣстн. 1872, февраль: «Замѣчанія на Воспоминанія Е. А. Хвостовой»; сюда относятся стр. 650—662.

**) Статья Боденштедта, въ его книгѣ: «M. Lermontow's Poetischer Nachlass, была переведена М. Михайловымъ въ «Современникѣ».

дѣленна. Боденштедтъ, ставя очень высоко, даже отчасти поэтизируя личность Лермонтова, находитъ полное объясненіе мрачныхъ сторонъ его поэзіи въ его жизни и страданіяхъ, въ окружавшей дѣйствительности. Какъ попытка цѣльнаго изображенія человѣка и поэта, очеркъ Боденштедта имѣетъ несомнѣнную цѣну,—хотя еще не рѣшаетъ вопроса. Главная мысль этой характеристики состоитъ въ слѣдующемъ.

Лермонтовъ,—говоритъ Боденштедтъ,—какъ немногіе поэты, оставался всегда вѣренъ искусству и самому себѣ. Выросши среди общества, полнаго лжи и лицемѣрія, онъ остался чуждъ всякой лжи и притворства. Онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, но онъ былъ вѣренъ друзьямъ и въ счастіи, и въ несчастіи, но за то былъ непримиримъ въ ненависти,—«а онъ имѣлъ право ненавидѣть, имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо».

Это послѣднее Боденштедтъ такъ объясняетъ обстоятельствами жизни Лермонтова. «То, что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ,—говоритъ Боденштедтъ. Но онъ не переставалъ чтить Бога, жившаго въ его сердцѣ... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи... Случайности жизни Лермонтова многое объясняютъ и многое оправдываютъ въ его произведеніяхъ.... Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ, но въ тоже время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя. Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ

стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ при свѣтѣ молній—и небо и земля. Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ, въ своей жизни, часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ».... Авторъ признаетъ недостатки и противорѣчія въ характерѣ Лермонтова, отразившіеся и въ его поэзіи—и относитъ ихъ опять къ обстоятельствамъ его жизни: «Всѣ подобныя странности проистекаютъ изъ одного источника—изъ его страданій, и большей частью могутъ быть оправданы ими». Далѣе: «Лермонтовъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы выказывать свое несчастіе, и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ»....

Напомнимъ еще извѣстный разсказъ Панаева о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ однажды,—единственный разъ,—Лермонтовъ на Бѣлинскаго, при свиданіи во время ареста: Лермонтовъ, обыкновенно избѣгавшій серьезнаго разговора, на этотъ разъ увлекся и сильно подѣйствовалъ на Бѣлинскаго своимъ истиннымъ характеромъ—своимъ блестящимъ умомъ и въ особенности глубокимъ художественнымъ чувствомъ. Къ сожалѣнію, и этотъ разсказъ не имѣетъ полной достовѣрности или, можетъ быть, нѣсколько преувеличенъ,—судя по отзывамъ одного лица, которое было свидѣтелемъ разговора.

Наконецъ, еще одинъ матеріалъ, который бываетъ часто драгоцѣннымъ указателемъ внутренней жизни человѣка, письма Лермонтова—слишкомъ малочисленны. Почти всѣ, кажется, писанныя къ одному другу-женщинѣ,—даже неизвѣстно кому именно,—онѣ касаются только съ одной стороны внутренняго развитія Лермонтова, и факты упоминаемые вскользь въ этой интимной бесѣдѣ, еще нуждаются въ объясненіяхъ....

Мы указали почти всѣ біографическія данныя, какія до сихъ поръ извѣстны о Лермонтовѣ. Но характеръ его все еще остается двойственнымъ и загадочнымъ. Поэтъ, съ удивительнымъ талантомъ и художественнымъ пониманіемъ, способный къ самому мягкому и нѣжному чувству, проникнутый мрачнымъ разочарованіемъ, презрѣніемъ къ жизни и къ людямъ, и иногда находившій энергическое выраженіе для своихъ общественныхъ мнѣній,—и въ тоже время гвардейскій офицеръ, увлекающійся великосвѣтскостью, исполненный мелочнымъ тщеславіемъ и предразсудками, питающій свое самолюбіе свѣтскими похожденіями,—эти два характера, нераздѣльно сливавшіеся въ Лермонтовѣ, и по сущности своей такъ далекіе одинъ отъ другаго, приводили въ недоумѣніе современниковъ, которые, высоко цѣня могущественное дарованіе, недоумѣвали передъ пустотой свѣтскаго человѣка; новѣйшіе критики почти только указывали эту двойственность, или становились обличителями.

Изъ людей, лично знавшихъ Лермонтова и чувствовавшихъ потребность опредѣлить его личность, одинъ Боденштедтъ даетъ цѣльный очеркъ этого характера и его положенія въ жизни. Сейчасъ приведены были его слова о страданіяхъ и борьбѣ, вынесенныхъ Лермонтовымъ. Но въ чемъ же именно они состояли? Біографія можетъ указывать напротивъ, что Лермонтовъ очень мирится съ жизнью, легко мѣняетъ литературное поприще на военную карьеру, тогда очень выгодную и поощряемую, на свѣтскую жизнь и ея успѣхи,—не какъ человѣкъ, увлекаемый «жаждою жизни во что бы ни стало» (какъ говоритъ одинъ его біографъ)—чтобы отнять у нея хоть что-нибудь, въ замѣнъ высшихъ цѣлей, на достиженіе которыхъ онъ теряетъ надежду,—но какъ человѣкъ избалованный: онъ думаетъ, что «оскорбляетъ это общество въ своихъ стихахъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ усвоиваетъ себѣ самыя несимпатическія свойства

этого общества.—Почти только разъ онъ дѣйствительно возстаетъ противъ этого общества—въ стихотвореніи на смерть Пушкина. Ссылка на Кавказъ и потомъ служебныя притѣсненія въ Петербургѣ могутъ конечно считаться преслѣдованіемъ;—но ссылка была очень кратковременная и не могла назваться слишкомъ тяжелой; служебная карьера была его собственнымъ выборомъ. Вторая ссылка была обыкновеннымъ дѣломъ тогдашней юстиціи, которому самъ Лермонтовъ конечно не могъ удивиться. Относительно послѣдней дуэли люди довольно компетентные говорятъ, что къ ней не было никакого серьезнаго повода; въ литературѣ высказалось обвиненіе противъ г. Мартынова, но—если и былъ виноватъ тотъ, кто могъ понять «на что онъ руку подымалъ», то едвали правъ и тотъ, кто слишкомъ мало дорожилъ своей жизнью, т. е., своимъ высокимъ призваніемъ и дѣятельностью, чтобы рисковать ими въ предметахъ мелочнаго личнаго самолюбія.

Нѣтъ сомнѣнія, что условія русской общественной жизни въ тѣ годы могли дать, и давали, достаточный поводъ для нравственнаго страданія людямъ, проникнутымъ лучшими стремленіями,—какъ это и хочетъ сказать Боденштедтъ о Лермонтовѣ. Другой его біографъ прямо изображаетъ внутренній разладъ Лермонтова происходящимъ изъ этого мотива:—«негодованіе за то, что мысль преслѣдуется, что истинному чувству нѣтъ простора, что гражданской дѣятельности нѣтъ мѣста, что право сильнаго живетъ еще въ обществѣ, какъ звѣрь въ лѣсу (?)» и т. д.,—но эти заключенія трудно соглашаются съ разсказомъ, изъ котораго выведены.

Съ другой стороны, въ новѣйшей литературѣ не разъ высказывались самыя строгія сужденія о Лермонтовѣ. Критики,—останавливаясь преимущественно на извѣстнѣйшихъ идеалахъ Лермонтова,—находили въ его отрицаніи только мало понимаемаго Байрона, въ «Де-

монѣ»—слабую копію Люцифера, въ Печоринѣ—баловаинаго свѣтскаго франта, напрасно старающагося прикрыть свою пустоту и бездушіе притязаніями на байроновское разочарованіе. Въ идеалахъ Лермонтова, въ его отрицаніи они находили непослѣдовательность, которая свидѣтельствовала, что въ нихъ не было содержанія серьезнаго, или достаточно продуманнаго.

Насколько справедливы эти обвиненія? Поворотъ, который произошелъ во взглядѣ нашей критики на Лермонтова, со временъ Бѣлинскаго, есть конечно слѣдствіе поворота въ общественно-литературныхъ мнѣніяхъ. Для Бѣлинскаго *), который въ свое время всего полнѣе выразилъ взгляды мыслящаго общества,—какъ Лермонтовъ вообще есть писатель необыкновенной силы, такъ и его главное типическое созданіе, Печоринъ, есть дѣйствительный герой своего времени, высокое, хотя не вполнѣ опредѣленное созданіе. Выставляя великія общія достоинства Лермонтовской поэзіи, Бѣлинскій разъяснялъ и глубокое значеніе типа, изображеннаго Лермонтовымъ въ Печоринѣ: это была, по его мнѣнію, дальнѣйшая ступень Онѣгина. Печоринъ—могущественная натура, противъ которой могутъ сколько угодно спорить рутинные моралисты, но которая изображаетъ собой извѣстный моментъ человѣческаго духа—состояніе рефлексіи, знакомое каждому, кто жилъ внутренней жизнью и чувствовалъ подобный нравственный разладъ. Это—слѣдствіе неудовлетворенной потребности дѣятельности, столкновеніе идеальныхъ стремленій и дѣйствительности.—«Герой нашего времени» явился въ ту пору, когда въ руководящемъ литературномъ кругу, представителемъ котораго былъ Бѣлинскій, господствовало извѣстное философско-идеалистическое направленіе. Оно развивало выс-

*) Его статьи о Лермонтовѣ, въ «От. Запискахъ» 1840—1844.

шіе интересы «духа», требованія человѣческой личности, ея чувства и разума, объясняло высокое значеніе науки и поэзіи: общественныя противорѣчія еще не бросались рѣзко въ глаза во всемъ ихъ реальномъ объемѣ, но они уже порождали нравственное недовольство «прозой» и «ограниченностью» жизни. Недовольство это разумѣлось въ отвлеченномъ смыслѣ, какъ процессъ въ развитіи духа, и примиреніе для него отыскивалось въ новой, высшей ступени философскаго развитія. Съ этой точки зрѣнія, «Герой нашего времени» казался Бѣлинскому, и вообще тому литературному кругу, дѣйствительнымъ типомъ времени,—какъ сильная личность, заявлявшая свои права, личность, борющаяся съ ограниченностью и стѣсненіями жизни, личность въ періодѣ «рефлексіи». То, что̀ было въ ней туманнаго и неяснаго, отвѣчало отвлеченности въ воззрѣніяхъ самой критики... Наконецъ критика увлекалась художественными красотами романа, отдѣльными, мастерски нарисованными, живыми характерами, — какъ вообще взглядъ на «Героя нашего времени» подкупался удивленіемъ къ цѣлой поэзіи Лермонтова.

Новая критика приступала къ опредѣленію этого содержанія съ другой точки зрѣнія. Она, во первыхъ, обращала вниманіе на то, что̀ было въ Лермонтовскомъ отрицаніи и разочарованіи навѣяннаго европейской литературой, всего больше Байрономъ, и опредѣляла значеніе этого міровоззрѣнія относительно русскаго общества. Выводъ былъ менѣе удовлетворяющій. Отрицаніе Лермонтова было неясное, и въ примѣненіи къ русской жизни его герой, очевидно ему сочувственный, могъ скорѣе возбуждать антипатію, чѣмъ сочувствіе: читатель не видѣлъ, откуда шло его разочарованіе, какую борьбу онъ выносилъ, какія несчастія дали ему право на его раздраженіе, на его вражду къ обществу; въ чемъ состояли «необъятныя силы», которыя онъ въ себѣ чувство-

валъ и чего же собственно онъ желалъ? Разборъ характера Печорина показывалъ, что герой отличался весьма не симпатичными свойствами; и напримѣръ соперничество съ Грушницкимъ не совсѣмъ отвѣчало «необъятнымъ силамъ», а желаніе заставить Грушницкаго сознаваться въ «клеветѣ», которая была очень похожа на правду, не уступало пожалуй поступкамъ Грушницкаго и его друга, драгунскаго капитана... Если «демоническія натуры» въ наше время становятся вообще сомнительны или не возбуждаютъ сочувствія, когда весь демонизмъ заключается въ чистомъ себялюбіи, то и «Герой нашего времени» при ближайшемъ разсмотрѣніи терялъ привилегіи своего демонизма и оставался только типомъ великосвѣтской испорченности и пустоты. Критика, искавшая въ немъ отраженій общественнаго развитія, какъ оно высказывалось въ лучшихъ людяхъ сороковыхъ годовъ, не находила ихъ и охладѣвала къ «Герою», а затѣмъ и къ Лермонтову...

Но есть-ли это охлажденіе новыхъ поколѣній къ Лермонтову окончательный выводъ исторической критики относительно его поэзіи? Нѣкоторые думали такъ и полагали, что такой выводъ и есть проба времени; но, если этой пробы и не выдерживаютъ извѣстныя стороны дѣятельности Лермонтова, дѣйствительно слабыя, то ими значеніе Лермонтова далеко не исчерпывается, и не опредѣляется его поэтическій характеръ.

Лермонтовъ, какъ мы уже видѣли, не любилъ дѣлиться своими задушевными мыслями, какъ будто намѣренно избѣгалъ разговора о серьезныхъ предметахъ, не хотѣлъ искать общества людей равныхъ умственныхъ силъ и понятій, оставался самъ съ собой. Причиной этого нравственнаго уединенія было, кажется, гордое желаніе самому выработать свои идеи, рѣшить сомнѣнія, создать идеалы,—но въ этомъ уединеніи и должна была быть причина многихъ теоретическихъ ошибокъ въ его понятіяхъ и идеалахъ;

при всей силѣ ума, онъ, въ своей исключительной средѣ, могъ не увидѣть истиннаго положенія нравственныхъ интересовъ общества, и не угадать настоящихъ его потребностей....

Критика сороковыхъ годовъ, именно Бѣлинскій, вѣроятно самый пламенный изъ почитателей Лермонтова, уже видѣла теоретическіе недостатки Лермонтова. Таковы неоднократныя замѣчанія Бѣлинскаго, въ статьѣ о «Героѣ нашего времени», что въ характерѣ Печорина есть «ложное самолюбіе», «непониманіе самого себя», что «Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя», что «онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ объясняетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя или приписываетъ себѣ разныя нечеловѣческія свойства и пороки» *). Впослѣдствіи Бѣлинскій яснѣе видѣлъ недостатки романа Лермонтова или недостатки во взглядѣ автора на вещи, но онъ понималъ ихъ и въ 1841 году. Бѣлинскій восхищается стихотвореніями Лермонтова, выражавшими мрачный взглядъ поэта на современную дѣйствительность, въ особенности стихотвореніемъ «Дума», по словамъ его—«изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостію стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти»,—но тутъже замѣчаетъ, что Лермонтовъ ошибается, приписывая современному поколѣнію «бремя познанья» и полагая, что оно «изсушило умъ наукою безплодной»: характеристика, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ ошибочная относительно русскаго общества. О стихотвореніи «Поэтъ» Бѣлинскій опять замѣчаетъ, что «мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ» **),—которая однако бывала у поэтовъ болѣе стояв-

*) Сочин. Бѣл. III, стр. 597, 677, 624.
**) Сочин. IV, стр. 310—333.

шихъ на высотѣ своего времени: Шиллеръ, и самый Байронъ понимали свои идеи не только въ свѣтѣ поэтическаго влеченія и фантазіи, но и въ ихъ философскомъ, даже политическомъ смыслѣ.

Нѣкоторые изъ новыхъ критиковъ вообще считали взглядъ Лермонтова очень узкимъ, указывали, какъ странно его скептицизмъ мѣшался съ его свѣтскими и офицерскими вкусами, указывали, какъ при этомъ скептицизмѣ онъ не выходилъ изъ рутины ходячихъ понятій и т. д.

Чтобы справедливо оцѣнить Лермонтова, необходимо однако сопоставить его личность съ условіями времени, и настоящее значеніе его произведеній обнаружится для насъ тогда, когда мы обратимъ вниманіе на смыслъ, который онѣ имѣли для своего времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ понятіяхъ Лермонтова было много недоконченнаго. Онъ начиналъ знакомство съ жизнью—юношей, въ которомъ рано пробудились и инстинкты поэтическаго творчества и потребность мысли; одаренный порывистой, нервной природой, сосредоточеннымъ характеромъ, онъ въ окружавшемъ его обществѣ мало находилъ отвѣта на свои задушевныя стремленія, и рано сталъ къ нему въ отчужденное, какъ будто оборонительное положеніе. Въ немъ рано пробудилось, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы, и желаніе сдѣлать что-нибудь замѣчательное, достойное этой силы, не затеряться въ толпѣ,—въ минуту недовѣрія къ себѣ, онъ, еще юноша, пишетъ: «тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ». Эти слова были искренни, и это недовѣріе нерѣдко посѣщало его... Понятно, что въ этомъ настроеніи онъ сближался не легко, не довѣряя другимъ своихъ мыслей и надеждъ. Но источникъ его нравственнаго уединенія и источникъ его честолюбія въ самомъ началѣ былъ, такимъ образомъ, весьма понятный и чистый.

Такимъ юношей вступалъ онъ въ жизнь. Къ сожалѣнію, та сфера, въ которой заканчивалось его воспитаніе и начиналась самостоятельность, была всего менѣе способна отвѣчать его нравственнымъ потребностямъ. Этой сферѣ надо приписать главнѣйшимъ образомъ ту порчу, которая легла на его характеръ и понятія. Мы о ней достаточно говорили выше....

Съ этими неясно-широкими порывами, и закравшимся сомнѣніемъ, Лермонтовъ очень рано увлекся Байроновской поэзіей. Свои первые поэтическіе опыты онъ началъ подъ вліяніемъ Пушкина; затѣмъ, въ его тетрадяхъ сохранились переводы изъ Шиллера; наконецъ онъ останавливается съ особенной любовью и окончательно на поэзіи и на личности Байрона. Это вліяніе, которому помогали безъ сомнѣнія и другія однородныя явленія тогдашней литературы, оставило самый сильный слѣдъ на поэзіи Лермонтова. Справедливо было замѣчено, что Лермонтовъ долго носился съ этими идеалами и стремился выразить ихъ, но что—въ тѣ годы—ему осталось не посильно все значеніе Байроновскаго отрицанія;—но несправедливо было мнѣніе, что это было *внѣшнее* вліяніе, которое отразилось въ его произведеніяхъ чистою подражательностью.

Вліяніе Байрона потому такъ сильно и овладѣвало нашимъ поэтомъ, что въ его собственной натурѣ было предрасположеніе къ тому настроенію, которое изображала и внушала поэзія Байрона: это настроеніе сказывается не только въ раннихъ пьесахъ Лермонтова, гдѣ критики находили чистую подражательность, но и въ самыхъ зрѣлыхъ его стихотвореніяхъ, отмѣченныхъ тѣмъ глубоко-грустнымъ чувствомъ, которое вообще отличало его поэзію. Съ другой стороны вліяніе Байрона было чертой цѣлаго литературнаго періода. Байронъ вообще былъ писатель по преимуществу космополитическій; онъ имѣлъ гораздо больше вліянія на континентѣ, чѣмъ въ

самой Англіи. Въ нашей литературѣ онъ былъ замѣченъ почти съ первыхъ своихъ произведеній, и начиная съ извѣстныхъ поэмъ Пушкина, Байроновское разочарованіе долго владѣло русскими поэтами... Это явленіе было весьма естественное. Съ двадцатыхъ годовъ въ особенности наша литература ближе знакомится съ умственной жизнью Европы и воспринимаетъ ея основныя стремленія. Здѣсь, послѣ великаго политическаго переворота, совершалось усиленное броженіе идей, которое, при возвореніи реставраціи, разрѣшается съ одной стороны романтической мистикой, съ другой скептицизмомъ, который всего рѣзче и могущественнѣе высказался въ мрачной поэзіи и безпощадной сатирѣ Байрона. Нашъ образованный кругъ въ ту пору, послѣ дѣятельнаго участія Россіи въ дѣлахъ и тревогахъ Европы, съ особенной живостью увлекался европейскими идеями и естественно подчинялся имъ. Со многимъ, въ этомъ порядкѣ идей, наша литература знакомилась впервые, многое воспринималось неполно и неясно, но этотъ новый міръ понятій становился необходимымъ элементомъ ея развитія,—сюда примыкали и опыты собственной общественной мысли. Таково было у насъ вліяніе нѣмецкаго и французскаго романтизма, нѣмецкой философіи; таково было и вліяніе Байрона.

Старыя понятія, спокойное преданіе отживали свой вѣкъ и въ нашемъ обществѣ, и для новыхъ поколѣній были особенно привлекательны новые горизонты мысли и поэзіи, открывавшіеся въ европейской литературѣ. Въ умахъ возникали новые вопросы; мысль научалась сомнѣнію, и оно стало обнимать предметы, до тѣхъ поръ имъ не тронутые; не всегда оно имѣло всю необходимую логическую силу, но оно возбуждало работу мысли и было достаточно для того, чтобы удалить многое изъ старыхъ привычныхъ понятій.

Къ молодости Лермонтова эти возбужденія были уже подготовлены. Въ его перепискѣ, и въ стихотворе-

ніяхъ перваго времени уже очевидна борьба пылкаго, вѣрующаго чувства и тревожнаго сомнѣнія. Его мысль съ безпокойствомъ останавливается на общихъ вопросахъ жизни, задѣтыхъ неодолимымъ для него сомнѣніемъ; сознаніе своей силы и желаніе заявить ее смущаются окружающей дѣйствительностью и обществомъ, къ которому онъ уже возъимѣлъ сильную антипатію, такъ, что ее можно прослѣдить въ очень раннихъ его стихотвореніяхъ, драмахъ и поэмахъ... Онъ усиленно работаетъ надъ нѣкоторыми сюжетами, въ особенности надъ «Демономъ», который былъ писанъ подъ явнымъ вліяніемъ Байроновскаго «Каина». Эти произведенія конечно очень незрѣлы; но критика едвали справедливо произносила такой суровый приговоръ надъ этимъ «Демономъ», котораго самъ Лермонтовъ (писавшій его въ 15—18 лѣтъ!) вовсе не думалъ печатать, о которомъ самъ онъ говорилъ какъ о юношескомъ бредѣ; тогдашніе почитатели Лермонтова не думали видѣть въ этой поэмѣ что нибудь кромѣ юношескаго опыта *)....

Эти увлеченія не были однако въ Лермонтовѣ, какъ вообще въ тогдашней литературѣ, пустымъ фантазированьемъ или резонерствомъ, какъ это можетъ теперь казаться и нѣкоторымъ казалось: въ умы западала потребность сознанія, стремленіе опредѣлить себѣ требованія разумной жизни, и отрицательные идеалы прививались и были законны, потому, что положительныя свойства жизни уже не удовлетворяли; отрицаніе было еще слишкомъ отвлеченное, какъ первый его приступъ, но оно было дѣйствительно «историческимъ моментомъ» (какъ говорилъ о немъ Бѣлинскій), потому что все-таки устраняло рутину старыхъ понятій, вносило извѣстное освобожденіе. Прямаго интереса общественнаго, какъ мы его

*) Соч. Бѣлинскаго.

понимаемъ, тутъ еще не было; освобожденіе, котораго искали, было чисто личное—стремленіе достигнуть свободнаго развитія личности, какъ о немъ говорила романтическая философія и романтическая поэзія.

Въ этомъ отношеніи Лермонтовъ близко связанъ не только съ общими тенденціями своего времени *), но и съ тѣми частными мнѣніями, какія ходили въ литературѣ. Неудивительно, напримѣръ, что онъ увлекается внѣшнею силою **),—это было почти всеобщее представленіе. Таково было опять удивленіе передъ Наполеономъ, которое вообще стало тогда смѣнять прежнюю ненависть, и уже высказывалось въ нашей литературѣ. Презрѣніе къ французскому народу, которое Лермонтовъ высказалъ при этомъ въ «Послѣднемъ Новосельѣ», было совершенно въ духѣ извѣстной части тогдашней литературы, которая, увлекаясь нѣмецкимъ романтизмомъ и Гегелевой философіей, питала высокомѣрное пренебреженіе къ «духовному развращенію» Франціи ***).

Если перейти къ собственно общественнымъ взглядамъ Лермонтова, то и здѣсь горизонтъ и свойство его мнѣній былъ очень близокъ съ тѣмъ, какой существовалъ въ литературѣ тридцатыхъ годовъ. Она вообще была еще далека отъ той общественной точки зрѣнія, которая все болѣе и болѣе опредѣленно выступаетъ въ литературѣ слѣдующаго десятилѣтія. Удаленная давними нравами и цензурой отъ всякаго приближенія къ насущ-

---

*) Подробный разборъ вліяній европейской литературы, какія были *возможны* тогда въ этомъ направленіи, и сближеніе съ ними поэтическихъ идеаловъ Лермонтова, сдѣланы были въ статьѣ г. Галахова, Р. Вѣстн., 1858, № 13, 14 и 16.

**) Дудышкинъ, стр. XXXII.

***) Въ статьяхъ о «Гоголевскомъ періодѣ» сдѣлано любопытное сближеніе «Послѣдняго Новоселья» съ одной статьей «Московскаго Наблюдателя» 1838 года. См. Современникъ, 1856, № 9, Крит., стр. 16, примѣч.

нымъ вопросамъ общественной жизни, литература вообще устремлялась тогда на теоретическіе и идеальные интересы и мало занималась дѣйствительностью, иногда почти находила ее нормальной, или же пренебрегала ею какъ пошлымъ «филистерствомъ», которымъ не стоитъ заниматься. Первыя обращенія къ дѣйствительности были еще шатки и неопредѣленны. Бѣлинскій, на первыхъ порахъ своей публицистики въ «Отеч. Запискахъ», написалъ одну извѣстную статью въ такомъ смыслѣ, что послѣ (впрочемъ, очень скоро) не зналъ, какъ вычеркнуть ее изъ своей памяти... Не мудрено, что и Лермонтовъ въ то время—это было все-таки время первой молодости—не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда, что̀ теперь такъ удивляло нѣкоторыхъ изъ его новѣйшихъ критиковъ... Одинъ изъ его близкихъ пріятелей такъ говоритъ объ этомъ предметѣ:

«Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запрещеннымъ плодомъ; онъ былъ вполнѣ человѣкъ своего вѣка, герой своего времени: вѣка и времени самыхъ пустыхъ въ исторіи русской гражданственности *). Но живя этою жизнію, къ коей всѣ мы, юноши 30-хъ годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленнаго и кассированнаго послѣ катастрофы 14-го декабря, онъ глубоко и горько сознавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ: «Печально я гляжу на наше поколѣнье», но и въ *ежедневныхъ*, свѣтскихъ и товарищескихъ своихъ *сношеніяхъ*. Отъ этого онъ былъ, вообще, не любимъ въ кругу своихъ знакомыхъ въ гвардіи и въ петербургскихъ салонахъ, при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и притомъ, по фрунту, дурнымъ офи-

*) Авторъ разумѣетъ конечно характеръ господствовавшей общественности.

церомъ, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, что «*туда ему и дорога*». Все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово...»*).

Сколько можно судить по другимъ разсказамъ, это «глубокое отвращеніе отъ современнаго общества», указываемое кн. Васильчиковымъ, едва ли успѣло развиться у Лермонтова въ какой-нибудь опредѣленный принципъ. Другими словами, Лермонтовъ еще не выработалъ себѣ политическаго образа мыслей; это было скорѣе простое впечатлѣніе, еще не вполнѣ ясный выводъ изъ наблюденія надъ жизнью. Таково было его отношеніе къ обществу, «кассированному» въ двадцатыхъ годахъ; такое же отношеніе было тогда у всѣхъ, нѣсколько образованныхъ людей....

Но если общественное направленіе Лермонтова и былъ инстинктъ, а не строго сознанный и опредѣленный взглядъ, то для тѣхъ временъ это не уничтожало его значенія и вліянія. Направленіе Лермонтова, хотя и неясное, выражало протестъ противъ существующаго характера жизни, и это понимали обѣ стороны общества. Одна восторгалась его поэзіей, другая не могла его терпѣть. Мнѣнія первой высказались всего рельефнѣе въ отзывахъ Бѣлинскаго. Другой современникъ, не менѣе пылко относившійся къ интересамъ общественнаго развитія, говоритъ (долго спустя) объ идеальномъ героѣ Лермонтова:... «Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ *лишняго*, потеряннаго человѣка—только потому, что онъ развился въ *человѣка*,—явился тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостин-

*) Разсказъ кн. Васильчикова, Р. Архивъ, 1872, стр. 208—209.

ныхъ, въ деревняхъ и городахъ».... «Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло,—продолжаетъ тотъ же авторъ;—кто *теперь* не найдетъ дѣла, тому пѣнять не на кого» *). Но если и теперь въ сущности довольно мудрено бываетъ если не найти, то вести дѣло, то въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бывало дѣйствительно невозможно даже найти его, и типъ Печорина, который, при «необъятныхъ силахъ», имъ въ себѣ чувствуемыхъ, не могъ отыскать себѣ никакой дѣятельности и возненавидѣлъ общество,—этотъ типъ казался выраженіемъ той самой скорби, какую чувствовали люди, гораздо болѣе Печорина серьезные или успѣвшіе болѣе и правильнѣе его развить свои идеи....**). Другая сторона высказала только злую радость, когда погибала одна изъ лучшихъ надеждъ русской литературы: «туда ему и дорога!»...

Въ чемъ же заключается дѣйствительный характеръ идеальнаго типа Лермонтова, и содержаніе его оправдываетъ ли увлеченіе современниковъ?

Не разъ было указано, что Печоринъ представляетъ въ сущности послѣднее видоизмѣненіе типа, который вообще господствуетъ въ поэзіи Лермонтова и повторяется въ его поэмахъ, драмахъ и разсказахъ,—что общія черты соединяютъ Печорина, Арбенина, Радина, Арсенія въ «Бояринѣ Оршѣ», Мцыри, даже Демона и т. д. Несомнѣнно, что эта личность глубоко интересовала Лермонтова,—она безпрестанно возвращалась къ его фантазіи; онъ ставитъ и рисуетъ ее въ разные моменты, въ различной обстановкѣ. Главная варіація этой темы, Печоринъ, несомнѣнно пользуется симпатіей пи-

---

*) К. 1859. (Kolosov)

**) Таковы были взгляды Бѣлинскаго, Герцена и другихъ современниковъ. Объясненіе Лермонтова съ романтической стороны см. въ статьяхъ Ап. Григорьева, также человѣка «сороковыхъ годовъ», во «Времени», 1862.

сателя (хотя онъ и отрекался отъ нея въ предисловіи ко второму изданію «Героя нашего времени»), такъ что между ними необходимо должно признать солидарность. Печоринъ не только созданіе фантазіи, но и выраженіе личныхъ понятій Лермонтова.

Печоринъ—сильный, гордый человѣкъ, который чувствуетъ свое превосходство надъ окружающей средой: онъ рано узналъ жизнь и людей и научился презирать испорченное, лицемѣрное и ничтожное общество; изъ «жизненной бури» онъ вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства, «живетъ не сердцемъ, а головой»,—поэтому онъ не вѣритъ въ чувство и мысль, и охладѣлъ къ жизни; къ собственному чувству и страстямъ онъ относится съ любопытствомъ, аналитически разбираетъ ихъ, но не можетъ предаться имъ вполнѣ и жить ими. Его существованіе раздвоилось. Не находя себѣ дѣятельности, Печоринъ занимаетъ себя только тѣмъ, что разрушаетъ и чужія иллюзіи, пробуетъ въ этомъ свою силу надъ людьми: это наполняетъ его время, возбуждаетъ его. Въ разговорѣ съ княжной Мери онъ разсказываетъ, какъ онъ любилъ людей, и какъ жизнь и люди его отталкивали и обманули, какъ они сами наводили его на то невѣріе и вражду, которыя въ немъ остались навсегда. Но онъ самъ дивится и даже жалуется, что судьба заставляетъ его играть роль палача или предателя... Печоринъ говоритъ о себѣ, что чувствуетъ въ себѣ «силы необъятныя», и думаетъ, что ему предстояло вѣроятно высокое назначеніе. «Мало ли людей,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками». «Геній, прикованный къ чиновническому столу, — говоритъ онъ еще, — долженъ умереть, или сойдти съ ума, точно такъ же какъ человѣкъ съ могучимъ тѣ-

лосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара».

Чтобъ вѣрно судить объ этомъ типѣ,—и также, о личномъ развитіи Лермонтова, которое съ нимъ тѣсно связано,—надо принять въ разсчетъ промежутокъ тридцати лѣтъ, насъ отдѣляющій отъ него, и перенестись въ ту эпоху. Въ самомъ Лермонтовѣ нельзя не признать большой силы,—въ родѣ той, какую онъ приписываетъ своему герою,—большой силы ума, энергіи характера, не говоря о могущественномъ талантѣ, и разсказывая исторію Печорина, онъ безъ сомнѣнія вложилъ въ нее черты своей собственной внутренней жизни. Онъ оставилъ много неяснаго въ этой исторіи: какое было «честолюбіе», неудача котораго оказала на него такое вліяніе; что̀ именно возбуждало его вражду къ обществу; куда бы онъ хотѣлъ употребить свои необъятныя силы? Лермонтовъ указываетъ только послѣдній результатъ, выработавшійся характеръ, быть можетъ потому, что не хотѣлъ давать исторіи слишкомъ личный интересъ; но эту близость внутренней исторіи Печорина къ тогдашнему настроенію молодыхъ умовъ чувствовалъ и Бѣлинскій, который всячески старался оправдать характеръ Печорина и объяснить права его на вражду къ обществу. И въ общихъ чертахъ исторія Печорина понятна. Это былъ дѣйствительно герой того времени, личность, выходившая изъ ряда, но тѣмъ сильнѣе чувствовавшая на себѣ дѣйствіе этого времени, и если его исторія, его страданія остаются нѣсколько отвлеченны, это соотвѣтствуетъ отвлеченности, на которую осуждались тѣ поколѣнія въ своей нравственной жизни. Здѣсь именно обнаруживалось одно изъ слѣдствій того положенія, въ которомъ стояла наша образованность,—съ одной стороны по необходимости заемная, съ другой распространенная дома только въ небольшомъ относительно кругу и слишкомъ стѣсненная всякаго рода опекой: силы образован-

наго новаго поколѣнія дѣйствительно не находили себѣ никакого прямаго дѣла, никакого приложенія въ общественной жизни. Отсюда, неизбѣжна была эта рефлексія, сомнѣніе въ жизни, вражда къ обществу.

Съ восемнадцатаго столѣтія весь трудъ нашего образованія состоялъ въ усвоеніи европейскихъ знаній и понятій; съ разу поставленные на эту дорогу, мы должны были и усвоивать пріемы самостоятельной умственной работы и переживать—*въ отвлеченныхъ понятіяхъ*—послѣдовательные періоды европейскаго развитія, начиная съ среднихъ вѣковъ, которые у насъ самихъ кончались еще только при Петрѣ. Это былъ неизбѣжный путь,—только пройдя его, мы могли стать на уровнѣ времени,—но онъ имѣлъ свои неудобства и тяжелыя стороны. Образованнѣйшіе люди нашего общества уже вполнѣ могли раздѣлять интересы европейской мысли, они увлекались ея результатами, дѣлили ея сомнѣнія, проникались ея нравственно-философскими и общественно-политическими идеями, словомъ, могли вести одну умственную жизнь съ европейскимъ обществомъ,—когда, въ практической дѣйствительности нашего домашняго быта, эти отвлеченныя пріобрѣтенія всего чаще не имѣли себѣ никакого мѣста, никакого самаго элементарнаго примѣненія и осуществленія. Въ отвлеченной области, эти люди могли представлять собой вершину русскаго развитія, но въ дѣйствительной жизни они бывали едва терпимы,—иной разъ только потому, что настоящій смыслъ ихъ дѣятельности не былъ даже вразумителенъ для тѣхъ, кто представлялъ собой уровень большинства. Дѣло въ томъ, что масса общества и ея представители отставали отъ движенія, бывали совершенно ему враждебны,—потому что новое направленіе, научаемое исторіей и опытомъ европейской мысли, начинало отвергать различныя обветшавшія формы и начала нашей общественной жизни. Въ такомъ положеніи постоянно оказывались наиболѣе передовые дѣятели

литературы и науки; но его испытывали и вообще образованные люди, имѣвшіе образъ мыслей нѣсколько серьезный. Понятія, ими пріобрѣтаемыя, не имѣли въ нашей жизни права гражданства; свобода мысли, къ которой они привыкали въ европейской книгѣ, была контрабандой и преступленіемъ въ русской; извѣстныя гражданскія учрежденія, которыя сливались съ понятіемъ европейской общественности и предоставляли извѣстную умственную и гражданскую свободу, не существовали у насъ, и на самую мысль о нихъ наложено было запрещеніе. Въ такихъ условіяхъ оказывались проникавшія къ намъ европейскія вліянія, и человѣкъ, которому приходилось попадать въ столкновеніе этихъ противорѣчій, испытывалъ и внѣшнія, иногда очень большія неудобства, и тяжелое нравственное страданіе.

Эти положенія могли быть весьма разнообразны и имѣть различныя степени; одно изъ нихъ испытывалъ на себѣ Лермонтовъ и старался изобразить его въ характерѣ и судьбѣ Печорина. Европейская идея, владѣвшая Лермонтовымъ, была байроновская поэзія; вліяніе этой идеи, по условіямъ нашей образованности, было совершенно законно,—другой вопросъ, вполнѣ ли вѣрно Лермонтовъ понялъ ея истинный смыслъ,—но эта поэзія, встрѣтивши въ его природныхъ склонностяхъ воспріимчивую почву, сообщала ему извѣстное направленіе понятій, мало ладившее съ господствующими нравами и сильно его возбуждавшее. Сомнѣніе затрогивало въ немъ самыя коренныя традиціонныя вѣрованія, онъ чувствовалъ потребность широкой дѣятельности и не находилъ ея возможности въ средѣ общества, котораго ничтожество онъ рано сталъ понимать. Байроновскій скептицизмъ, отвергавшій европейскую жизнь, могъ быть еще сильнѣе, прилагаемый къ жизни этого русскаго общества. Здѣсь окончательно не было мѣста ни для сильныхъ характеровъ, ни даже для сильныхъ умовъ. Сильный харак-

теръ съ стремленіями, выходившими изъ предѣловъ обычной рутины, попадалъ на дорогу Печорина.

Въ изображеніи этого характера, выдававшаго самыя интимныя мысли Лермонтова, была такимъ образомъ и своя правда; но была здѣсь и глубокая ошибка.

Желая изобразить свой типъ цѣльной и здоровой энергической натуры, которая была бы обличеніемъ современнаго испорченнаго общества, Лермонтовъ думалъ найдти подобный типъ въ быту и въ эпохѣ, гдѣ по его представленіямъ еще не было этой порчи. Оттого онъ обращается къ шестнадцатому вѣку, ко временамъ Іоанна Грознаго, къ Кавказу. Нѣкоторые нынѣшніе критики, неблагосклонные къ Лермонтову, видѣли въ этомъ смѣшную романтическую слабость, нѣчто въ родѣ Марлинскаго. Едва-ли нужно говорить, что основаніе этого выбора не было такой пустой страстью къ романтической мишурѣ. Здѣсь было безъ сомнѣнія вліяніе примѣра Байрона, который также бралъ своими героями фантастическія лица; но какъ фантастическіе герои Байрона были носителями его идей, такъ и герои Лермонтова вовсе не были однимъ произвольнымъ порожденіемъ романтической фантазіи. Лермонтовъ именно думалъ, что въ этой средѣ и скрывалось то, чего онъ искалъ: только здѣсь онъ находилъ ту нормальную, свободную жизнь, которой нѣтъ въ нашемъ обществѣ. Въ своихъ, такъ сказать *теоретическихъ*, героевъ онъ именно вноситъ свой идеалъ свободной, независимой личности. Его Измаилъ-бей, Мцыри и т. д. понятны вполнѣ только тогда, когда мы поставимъ ихъ въ связь съ личными стремленіями Лермонтова—и дѣйствительно, эпическій разсказъ этихъ поэмъ нерѣдко становится чисто лирическимъ изліяніемъ самого поэта. Мотивы этихъ изліяній такъ согласно повторяются въ его поэзіи и вездѣ выражаются съ такой силой поэтическаго увлеченія, что въ нихъ нельзя не видѣть задушевной мысли поэта,—и въ энергіи героевъ

Лермонтова нельзя не видѣть отраженія его собственной личности.

Но въ этомъ исканіи идеала, а вмѣстѣ и въ общественныхъ понятіяхъ Лермонтова была крупная ошибка. Онъ видѣлъ слабость и порчу общества, но видѣлъ ее не въ формахъ общественности, а въ упадкѣ характеровъ, и источникъ порчи думалъ видѣть въ *нашей* цивилизаціи! Быть можетъ, онъ извлекъ сначала изъ Байрона слишкомъ поспѣшное заключеніе о ложности европейской цивилизаціи — не понявъ, что окончательный смыслъ поэзіи Байрона есть борьба, а не одно голое отрицаніе,—и потомъ естественно примѣнилъ свое заключеніе и къ русской жизни; но онъ несомнѣнно имѣлъ это представленіе. Онъ не разъ высказываетъ его отъ своего лица, или отъ лица Печорина. Онъ въ «Думѣ» жалуется на «бремя *познанья* и сомнѣнья», и въ «Героѣ нашего времени» заставляетъ однажды Печорина жалѣть, что мы уже не вѣримъ, какъ наши предки, участію небесныхъ свѣтилъ въ нашихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Намъ смѣшно теперь объ этомъ подумать... «но за то, какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!... А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости,... мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію»—та самая тема, какая развитавъ «Думѣ».

Совершенно согласно съ этимъ, взгляды Лермонтова на жизнь развиваются въ фатализмъ: онъ высказываетъ его въ видѣ анекдота о Вуличѣ, записаннаго Печориномъ, и хотя прикрываетъ его замѣчаніемъ Максима Максимыча объ азіатскихъ куркахъ, которые часто осѣкаются, когда дурно смазаны,—но едвали можно сомнѣваться, что у Лермонтова была значительная доля самаго настоящаго

фатализма. Это и было естественно, когда онъ потерялъ простодушную вѣру и на мѣсто ея еще не успѣлъ выработать другаго, болѣе широкаго и свободнаго взгляда.

Наконецъ, разочарованность Печорина имѣла еще черту, которую мы находимъ и въ Лермонтовѣ. Это была разочарованность великосвѣтская, соединявшаяся съ тѣмъ дендизмомъ, примѣръ котораго опять подавалъ Байронъ, но который конечно имѣлъ гораздо меньше смысла и права въ нашемъ обществѣ. Дендизмъ вовсе не такъ много мѣшалъ дѣятельности Байрона, какъ нѣкоторые у насъ полагали; но въ Лермонтовскомъ героѣ (быть можетъ и въ самомъ Лермонтовѣ?) онъ высказался, кажется, главнымъ образомъ только большей степенью свѣтской наглости.

Съ этими различными ограниченіями, типъ, созданный Лермонтовымъ, былъ дѣйствительно широкимъ типомъ того времени; даже исключительныя черты его, нами указанныя, имѣли свое мѣсто въ умственной жизни того поколѣнія, и критика современниковъ не была въ такомъ заблужденіи, какъ думаютъ, когда видѣла въ поэзіи Лермонтова историческій моментъ въ развитіи русскаго общества. Скептицизмъ, составляющій главнѣйшую сущность изображеннаго имъ общественнаго типа, былъ дѣйствительно чертой времени и если въ немъ было слишкомъ много себялюбія, мало положительнаго содержанія или опредѣленно высказанныхъ отрицаній, и въ попыткахъ на такую опредѣленность были даже очевидныя ошибки,—то старыя понятія онъ уже отвергалъ совершенно и открывалъ дорогу для новыхъ, а себялюбіе современники объясняли какъ послѣдній результатъ невозможности дѣйствовать для общества.

«Статистической точности» идей здѣсь дѣйствительно не было. Лермонтовъ, въ своемъ нравственномъ—впрочемъ добровольномъ—уединеніи, не отдавалъ себѣ яснаго отчета и въ отвлеченныхъ идеяхъ, и въ свойствахъ нашей общественности; но поэтическимъ инстинктомъ онъ угадывалъ

смыслъ времени, и среди торжества извѣстнаго порядка жизни, является съ своей поэзіей, мрачной, отрицательной, озлобленной или глубоко меланхолической. Въ этомъ явленіи невозможно отрицать историческаго смысла. Удивительная сила таланта, художественная прелесть его произведеній, необыкновенно тонкая, изящная форма, стихъ, подобнаго которому не всегда можно найти у самого Пушкина, придавали этой поэзіи такую увлекательность, что современники питали величайшія надежды на Лермонтова, видѣли въ немъ прямаго и достойнаго преемника Пушкина. Какое удивленіе и восторгъ возбуждала поэзія Лермонтова, всего лучше можно видѣть въ статьѣ Бѣлинскаго, написанной имъ по поводу «Героя нашего времени» (т. III, стр. 547) и по поводу «Стихотвореній» Лермонтова (т. IV, стр. 252 и слѣд.). Особенно въ послѣдней статьѣ читатель найдетъ лучшую эстетическую оцѣнку произведеній Лермонтова.

Въ Лермонтовѣ русская литература потеряла истиннаго поэта первостепенной силы. Мы указывали недостатки его содержанія, отчасти его личные и недостатки среды, имъ самимъ выбранной, отчасти недостатки времени; но Лермонтовъ кончалъ свое поприще, когда только что начинается пора зрѣлаго развитія; онъ умеръ въ ту самую пору, когда, по словамъ Бѣлинскаго, «кипучая натура его уже начала устанавливаться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни». Для удовлетворительнаго рѣшенія вопросовъ, затронутыхъ Лермонтовымъ, дѣйствительно былъ нуженъ «великій переломъ» въ его жизни, —и то, что̀ успѣлъ онъ сдѣлать, могло ручаться за его будущую дѣятельность.

Читая его, мы чувствуемъ, что поэзія была для него дѣйствительно особый міръ, гдѣ онъ жилъ иною жизнію, былъ инымъ человѣкомъ. Его господствующее настроеніе —скорѣе печальное раздумье; жизнь мало являлась ему

своими веселыми сторонами; имъ овладѣваетъ негодованіе; его смущаетъ сомнѣніе,—но рядомъ съ тѣмъ ему доступны самыя мягкія душевныя движенія; теплое, любящее чувство высказывается въ самыхъ увлекательныхъ формахъ и образахъ. Сколько нѣжности сберегалось въ его душѣ среди его странной, часто слишкомъ несимпатичной жизни, къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ считалъ возможнымъ отдавать свое полное сочувствіе,—можетъ показать напр. стихотвореніе въ память Одоевскаго,—одно изъ лучшихъ произведеній всей русской поэзіи.

Объ его отношеніи къ обществу мы говорили. Его чувство къ національному цѣлому еще не опредѣлилось въ ясную оцѣнку тогдашнихъ отношеній; онъ принималъ сначала пушкинскіе мотивы, какъ они выражались въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи»,—но вообще эти мотивы не увлекали его, или перестали увлекать. Извѣстное стихотвореніе о любви къ родинѣ высказываетъ чувство,—которому еще предстояло ближайшее опредѣленіе: поэтъ не увлекается славой, онъ хотя вѣритъ въ «полный гордаго довѣрія покой», но остается къ нему равнодушенъ; онъ холоденъ къ завѣтнымъ преданьямъ старины,—словомъ прежній взглядъ устраненъ, а новый является еще только какъ чисто непосредственное чувство; это—инстинктивная, сильно влекущая любовь къ народу, въ которой самъ поэтъ еще не отдавалъ себѣ отчета. Но это чувство не оставалось безплоднымъ; съ сочувствія именно къ *народу* и народной жизни начиналось и пониманіе. «Пѣсня про царя Ивана Васильевича и про купца Калашникова», единственная въ своемъ родѣ пьеса Лермонтова, въ ряду литературныхъ изображеній народности занимаетъ мѣсто наряду съ произведеніями Гоголя по своей безъискуственной простотѣ и вѣрному тону.

Наконецъ, Лермонтовъ имѣлъ самое высокое представленіе о значеніи поэзіи. Поэтъ Лермонтова—не высокомѣрный жрецъ Аполлона, ненавидящій «презрѣн-

ную чернь», съ которой не хочетъ дѣлиться своими вдохновеніями и не хочетъ имѣть ничего общаго. Если и онъ не ужился съ толпой, то потому только, что толпа не хотѣла слышать «любви и правды чистыя ученья». Его высшая цѣль—быть нравственной силой общества: онъ нуженъ толпѣ, «какъ чаша для пировъ, какъ ѳиміамъ въ часы молитвы»; онъ внушаетъ ей великодушныя и благородныя стремленья; его стихъ звучитъ какъ «колоколъ на башнѣ вѣчевой во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ». Превосходное стихотвореніе «Пророкъ» было послѣднимъ произведеніемъ Лермонтова.

Поэзія Лермонтова произвела глубокое и сильное впечатлѣніе на современниковъ—фактъ, котораго не должна забыть вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности. Нѣсколько десятилѣтій измѣнили очень многое въ понятіяхъ, и нѣкоторыя стороны этой дѣятельности потеряли для насъ живое непосредственное значеніе, но въ свое время и эти стороны были понятны,—Лермонтовъ угадывалъ стремленія времени и далъ имъ поэтическое выраженіе. Въ немъ чувствовался поэтъ, близко принимавшій къ сердцу интересы общественнаго развитія, и по праву онъ привлекалъ къ себѣ самое глубокое сочувствіе свѣжихъ умовъ своего поколѣнія. Но эти особенности времени не составляютъ всего содержанія лермонтовской поэзіи; внѣ ихъ, онъ еще надолго останется однимъ изъ любимѣйшихъ представителей русской поэзіи, по энергіи чувства, богатству поэтическихъ мотивовъ и необыкновенной прелести формы.

А. Пыпинъ.

СОЧИНЕНІЯ

ЛЕРМОНТОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1831

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

*

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

*

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

*

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

1829—1834

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,—
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его *
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

---

* Варіантъ: И не грозилъ душѣ его.

II.

Давно, отверженный, блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта. *
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ

---

* Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.

*

Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ, но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплотной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени;
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ. *

---

* На этомъ стихѣ кончалась строфа и начинались слѣдующіе зачеркнутые стихи:

И вотъ невѣста молодая
Беретъ свой бубенъ росписной,
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна,
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
И жаждой страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокій.

Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая,—
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка,
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цаловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою
Не брызгалъ на подобный станъ; *
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

* Не омывалъ подобный станъ.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала... *
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понынѣ
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнье
Темнило свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что еслибъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братьевъ вспоминая,
Онъ отвернулся-бъ — и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался, — и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,

* Первыми десятью стихами этой строфы замѣнены написанные первоначально слѣдующіе семь стиховъ:

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отлившъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то полуземное,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.

Какъ-будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ-ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.
Забыть? — Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ-бы забвенья.
. . . . . *

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливо.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи;** кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;

* Точки въ рукописи.
** Верхняя одежда съ откидными рукавами.

Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушьми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ, всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ-тѣхъ-поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда-бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ молодой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ; —
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цаловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?...
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,*
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,

* Шапка въ родѣ эриванки.

Нагайка щёлкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся, — и выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины!

XII.

И стихло все... Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ. Порой
Ихъ колокольчики звенѣли.*
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты длинными чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За-то усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани,

* Затихло все... Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли.

То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена,—
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...
Скакунъ лихой, ты господина
Изъ боя вынесъ какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала!

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запаленный,
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззаботную семью

Какъ громъ слетѣла божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдая, бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высокò и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ-будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далекò, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы ..
Что̀ жизни мѣлочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой!»

«На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни

Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!»
«Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...»

XVI.

Слова умолкли... Въ отдаленьи
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ...
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,

Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ-будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?
Уже не первыя они. *
Не буду я ни чьей женою —
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею —
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый

---

* Потомъ написаны были слѣдующіе стихи:

Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ!
А мнѣ не быть ни чьей женою...
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну—жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну—сжалься надо мной!

Мы схоронили подъ горой,
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня тревожитъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня.»

II.

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчь,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами,
Онъ окруженъ былъ — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущелья,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущелья,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы.
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая;
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой, —
Вершины цѣпи снѣговой,
Свѣтло-лиловою стѣной,
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,

Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ — предлогъ мученью,
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ,
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье, *
И мыслитъ онъ: «то горный духъ
Прикованный въ пещерѣ стонетъ!»
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ
И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,

---

* И трель живую соловья
Сквозь шумъ далекаго ручья.
Порою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста.
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ ей рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта!

106730.

И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: «онъ придетъ!»
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ-ли молиться,
А сердце молится *ему;*
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится-ли на ложе сна —
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она:
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи, *
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . . . .
. . . . . **

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить. — И была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;

* Пылаютъ грудь ея и плечи.
** Точки въ рукописи.

Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ средь общаго молчанья
Чингара * стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ-будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ-ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?...
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,—
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный видѣнъ камень,
Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой!...

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ-будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,

* Чингаръ, чингура—родъ гитары.

Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
«Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
«Зло не дышало здѣсь понынѣ!
«Къ моей любви, къ моей святынѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!
«Кто звалъ тебя?»

Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя», сказалъ онъ грозно,
«Оставь ее, она моя!
«Явился ты, защитникъ, поздно,
«И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
«На сердце, полное гордыни,
«Я наложилъ печать мою;
«Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
«Здѣсь я владѣю и люблю!»—
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...
. . . . . *

* Точки въ рукописи.

X.

ТАМАРА.

О, кто ты? рѣчь твоя ужасна! *
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ.

Ты прекрасна!

ТАМАРА.

Но кто ты, кто ты?... отвѣчай! **

ДЕМОНЪ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ,
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь—я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла-бы словомъ;

---

* Опасна.

** Но молви, кто ты?... отвѣчай!

Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ-бы тамъ,
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ.
О! только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ— *
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася какъ змѣй.
Что̀ безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?—
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!... увы, я не могу
Молиться; гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

---

* Вмѣсто этихъ семи стиховъ прежде были слѣдующіе:

Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей.

ДЕМОНЪ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатленъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О! еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья,
И наслаждаться и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро—вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все, противъ воли, ненавидѣть, *
И все на свѣтѣ презирать!...
Лишь только божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья

* Стараться все возненавидѣть.

На вѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что-же? — прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы! я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ, я, взмахнувъ крылами,
Помчался... Но куда? зачѣмъ?—
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отвергнутъ; какъ эдемъ
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой,
Отрывокъ тучи громовой
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
Но я людьми недолго правилъ,
Грѣху недолго ихъ училъ,
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ,
Недолго... Пламень чистой вѣры
Легко на вѣкъ я залилъ въ нихъ...
И стоили-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы, да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой.
И мчался путникъ одинокой,

Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И въ бездну падая съ конемъ
Напрасно звалъ—и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Недолго нравилися мнѣ. *
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто, подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что̀ повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что̀ люди? что̀ ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя-жъ печаль безсмѣнно тутъ
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она—то ластится какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ будто пламень,
То давитъ мысль мою какъ камень —

---

* Здѣсь вычеркнуты слѣдующіе шесть стиховъ:

Какъ часто на вершинѣ льдистой
Одинъ, межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я, мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.

Надеждъ погибшихъ и страстей *
Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя-ли?

ТАМАРА.

Насъ могутъ слышать...

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

А Богъ?

ДЕМОНЪ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что-жъ? ты будешь тамъ со мной!

ТАМАРА.

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,

---

* Мечтаній прежнихъ и страстей.

Страдалецъ слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О! пощади!... Какая слава!...
На что тебѣ душа моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!...
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи,—ты видишь: я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?...

ДЕМОНЪ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,

Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шолковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей, —
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья,
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —

Волненье крови молодое! —
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
И своенравія мечты?
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ;
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О, нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена;
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
Пучину гордаго познанья
Въ замѣнъ открою я тебѣ.
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!

Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное —
Люби меня!...

XI.

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жогъ ее. — Во мракѣ ночи,
Предъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы! злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ...
Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой...
. . . . . *

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской,

* Точки въ рукописи.

И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ и слабый стонъ.
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье—
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святаго
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злаго
Отъ грѣшной мысли отогнать,
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.
. . . . . *

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто-бъ, о небо! не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ

* Точки въ рукописи.

Иль поцалуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цаловали, —
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!*

---

* По другой рукописи это мѣсто читается такъ:

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ-бы прощаются съ землею!
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ;
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ;
Въ ней было хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное *прости*.
Напрасный отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
На вѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ, въ часъ торжественный заката,
Когда, растая въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга Кавказа, на мгновенье
Отливъ пурпурный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ;

И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила, —
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устахъ,
Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? — насмѣшка-ль надъ судьбой,
Непобѣдимое-ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать; для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ лѣтъ —
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Ни разу не блистъ въ дни веселья,
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ-бы прощаются съ землею.

Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной!...

XIV.

Толпой сосѣди и родные
Ужъ собрались въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня —
И поѣздъ тронулся. — Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На высотѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ. —
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоились тамъ.
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ:
Какъ-будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище.
Какъ-будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прежнихъ дней.

XV.*

Въ пространствѣ синяго эѳира

* Вмѣсто этой строфы, была сначала написана слѣдующая:
Едва послѣдній стихъ прочли

Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра

Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ;
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой;
И въ то же время царь порока
Туда примчался издалёка.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя;
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что̀ любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

Сверхъ того, по другой рукописи, это мѣсто читается такъ:

Едва на жосткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася метель;
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ;
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья звукъ послѣдній... и т. д.
И въ то-же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденнаго потока...

Окончаніе то-же, что̀ и въ предыдущемъ варіантѣ.

*

Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ.
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ. —
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносился — какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ. —
Онъ былъ могучъ, какъ вихорь шумный,
Блисталъ, какъ молніи струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: «она моя!»
Къ груди хранителя прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже! кто-бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

— «Исчезни мрачный духъ сомнѣнья!»
Посланникъ неба отвѣчалъ:
«Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь — одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!...

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны....
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною

Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода,
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя,
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою!...
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.

Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака одни
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ!
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

1836

РУСАЛКА.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

«И тамъ, на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

«Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цаловали красавца не разъ.

«Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышетъ, не шепчетъ во снѣ!...»

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Или, божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(ИЗЪ БАЙРОНА)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(ИЗЪ БАЙРОНА)

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена,—

А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ, — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ,—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о, край родной!»

1837

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,

И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ, — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что́ за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что̀ онъ руку подымалъ!

* *
*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой...
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
За чѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!

И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

* *
*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!
Но есть и божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

———

ПѢСНЯ

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго.
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный мòлодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь, —
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя, сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется —
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично-же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ
Царю грозному, въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не запотчивать!

А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебёдушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,

Молвитъ слово — соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.

Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся.»

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому...

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный мо̀лодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;

Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что̀ дѣтки мои любезныя,
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,

*

Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочикъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,

Шелковóй фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюсь Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

«Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе! —

«И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣлòмъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти,
А меньшой мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна.
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшòй нашъ братъ
Что съ тобой случилось, приключилося
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,

Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя,
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются;
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною.
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,

Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.»

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,

Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ, —
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервòй купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;

На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь!
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ монхъ своей милостью...

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запанкой,
Съ большимъ топоромъ, навострёнымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.

Тороватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что̀ толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что̀ значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцалую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далёко,

Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ

Одинокъ я — нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями,
Звучномѣрными шагами
Ходитъ, въ тишинѣ ночной,
Безотвѣтный часовой.

МОЛИТВА.

(1836)

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную;
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ-ли приблизится часу прощальному
Въ утро-ли шумное, въ ночь-ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

**
*

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

СОСѢДЪ.

Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ, —
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь — а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И, опершись на звучное ружьё,
Нашъ часовой, про старое житьё
Мечтая, стоя засыпаетъ, —

Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю — и въ мрачной тишинѣ

Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

***

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню;
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И, новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

1838

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

———

1839

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизустъ.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется
И такъ легко, легко...

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студёный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,

Изрублные были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда-же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора-бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,

Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ.»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

«Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною косой.»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что̀ другіе всѣ дары?
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.

Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

«Осѣдлалъ онъ воронаго,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злаго
Сложитъ голову свою.»

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный, —
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tout les baladins qui dansent sur la phrase?
A. Barbier.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится-ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный, —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ-ли страсть съ грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На-что̀ намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва-ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненый трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что̀ ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

И было-ль то — привѣтъ странѣ родной,
Названье-ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?.... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда? — кто ихъ спроситъ...

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Кровавыя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи —

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ не умолкая.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой

Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

МЦЫРИ.*

Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.
I Книг. Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнья въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой — и о томъ,

---

* *Мцыри* — на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», нѣчто вродѣ «послушника».

Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

*

И божья благодать сошла
На Грузію! — Она цвѣла
Съ-тѣхъ-поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ,
Онъ знàкомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости, одинъ монахъ
Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,

Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ-будто долгій трудъ,
Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь.
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать,—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ-бы, еслибъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,

Одну — но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

IV.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ —
Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ —
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.

Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

V.

«Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что̀ за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что̀ забыть,
Ты жилъ, — я также могъ-бы жить!

VI.

«Ты хочешь знать, что̀ видѣлъ я
На волѣ? — Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,

Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года, —
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ —
Какъ-будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ,—
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ

Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ, —
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ — и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна-ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы

На этотъ свѣтъ родимся мы, —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ-бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли-бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

IX.

«Бѣжалъ я долго — гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ, —
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ молча я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей;
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался, какъ змѣй.

X.

«Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И какъ они, на встрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ:
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой

Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ-будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что̀ я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы, — имъ ужъ нѣтъ слѣда:
Но я-бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить-бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ, — за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной, —
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!

Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла на встрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ, — легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

XIII.

«Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ,
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ, — когда струя

Вливалась медленно въ него, —
И шорохъ... больше ничего.
Когда-же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише, — но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...
Недалеко, въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.
Я вижу, будто-бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
— Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И еслибъ могъ, — мнѣ было-бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV.

«Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя разскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой

Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ, — и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой.
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ-же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой

Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ, — и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынѣче я увѣренъ въ томъ,
Что быть-бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

XVII.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

XVIII.

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я — и въ груди моей

Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

XIX.

«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

XX.

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ,—понять

Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И все зачѣмъ? — Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ — это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ —
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, — будто кто нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохаго сбросивъ сѣдока,

На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ.
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что-жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

«И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался, — и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ божій спалъ,
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя-бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель

Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Бразда разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

XXIII.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Въ дали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать — передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать — языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки — и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,

Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
«Останься здѣсь со мной:
«Въ водѣ привольное житье —
«И холодъ и покой.

*

«Я созову моихъ сестеръ:
«Мы пляской круговой
«Развеселимъ туманный взоръ
«И духъ усталый твой.

*

«Усни! постель твоя мягка,
«Прозраченъ твой покровъ.
«Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
«Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

«О милый мой! не утаю,
«Что я тебя люблю,
«Люблю, какъ вольную струю,
«Люблю, какъ жизнь мою...»

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...

XXIV.

«Такъ я найдёнъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ни чье
На имя темное мое.

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ....
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожогъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,

Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я-бъ рай и вѣчность промѣнялъ!...

XXVI.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубаго дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда видѣнъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ-полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!...»

1840

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окружонъ,
Когда передо мной, какъ будто-бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки, —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, — памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,

Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ нѣзванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

———

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Les poëtes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?...
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что̀ вы пишете? Нельзя-ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;

Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ, —
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу — нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь — сотни опечатокъ!
Стихи — такая пустота;
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ — сказать-ли по секрету?
И въ ритмахъ часто недочетъ.
Возьмешь-ли прозу? — переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда-же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то-же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя-бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту —
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ-бы вовсе не браниться —
Да какъ-же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ — все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги, —
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

За то какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ-нибудь
Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изрядным слогомъ,
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя, —
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...
Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется — и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,

Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ —
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ;
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь, —
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою

Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(ИЗЪ ЗЕЙДЛИЦА)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;

На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ;

Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ, —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого-же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя-ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти?—вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь — какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка...

РЕБЕНКУ.

О грѣзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!

Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ! — Не правда-ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ? — Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили;
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь-ли меня?
Не скучны-ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цалую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его, — ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я-же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто-же васъ гонитъ: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

СОСНА.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ)

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

---

*
* *

(КН. М. А. ЩЕРБАТОВОЙ)

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга роднаго
На ней сохранились примѣты
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ —
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ пламя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ,
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки —
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Что мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:

Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется-ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится-ль — шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ!

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ ДЕМОНЪ.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои,
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На Сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.

Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ,
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изганнику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

А. О. СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго —
И я, въ смущеніи, молчу.
Что-жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было-бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ А. К. ВОРОНЦОВОЙ—ДАШКОВОЙ.

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

*

Таитъ молодое чело
По волѣ — и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

М. П. СОЛОМИРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучомъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ».

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.

Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его-бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ.

ИЗЪ АЛЬБОМА

С. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ — тихій разговоръ...

. . . . . .

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ-же сны.
Но что-жъ? — Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,

Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной;
Но ихъ разгонитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный,
И ласки вѣчныя свои.

---

* *
*

Слышу-ли голосъ твой
Звонкій и ласковый —
Сердце, какъ птичка
Въ клѣткѣ, запрыгаетъ.

Встрѣчу-ль глаза твои
Лазурью глубокіе —
Душа къ нимъ на встрѣчу
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся...

1841

* * *

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ-бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри-жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто-бы ни спросилъ, —
Скажи имъ, что на-вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было-бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

ОПРАВДАНІЕ.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей,—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя:—

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни.

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

РОДИНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью:
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой;
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы.
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,

Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча,—
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ,—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,

Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ,—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

*

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

КИНЖАЛЪ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всѣ вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись-же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой:
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ морѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокій
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

СОСѢДКА.

Не дождаться мнѣ видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко̀ надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.

Умереть-бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ насъ, сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшоткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду,—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она, долго вздыхая,
Видно буйную думу тая:
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ.

Но передъ идолами свѣта
Не гну, колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

---

* *
*

Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...

Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между тѣмъ какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

---

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбался лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

---

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стóитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало-ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны —
И что̀-жъ онъ могъ найдти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ,
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

---

* * *

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простаго
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую...—«Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи»—
Такъ она говорила — «мы нашихъ боговъ неотступно

Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Еслибъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила-бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея — молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой,
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
. . . . . .

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я, странникъ свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье —
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,

Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что̀... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу-ли привѣтъ?
Узнаютъ-ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О! если такъ... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

---

* *
*

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что̀ страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья —
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей —
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

***

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной —
Повѣдать, что̀ мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей!
Придетъ-ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?...

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла.
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

---

* *
*

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ — ударъ судьбы меня не обойдетъ,

Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду — и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній.
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый —
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . . . .

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

(ИЗЪ «КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ» МИЦКЕВИЧА)

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ-ли Царяграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель;

Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А!...

БѢГЛЕЦЪ.

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли —
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка,
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.

Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ — дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ.
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что̀ новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
— Два дня мы бились въ тѣснинѣ;
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ! — твоихъ заслугъ,
Я до могилы не забуду. —
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,

Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И склю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцалуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казлось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышетъ...»
И хочетъ онъ войти — и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старцны.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

«Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
«Ввѣряйся ты року.
«Молися Востоку,
«Будь вѣренъ пророку,
«Будь славѣ вѣрнѣй.
«Своимъ измѣнившій
«Измѣной кровавой,
«Врага не сразивши,
«Погибнетъ безъ славы;
«Дожди его ранъ не обмоютъ,
«И звѣри костей не зароютъ.»
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто-бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!»

Главой поникнувъ, съ быстротою

Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ,
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его — не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...»
— Одинъ?
«Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья?
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.»
— Ты отомстилъ?
«Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.»
— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ! —
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И наконецъ ударъ кинжала

Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, по утру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

***
(А. І. Хомутовой).

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли —
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы!

КАЗОТЪ.

. . . . . .

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами.
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «ликуйте, о друзья!
«Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
«Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
«Но что-жъ?... изъ васъ одинъ ее увижу я...

. . . . . .

ВАЛЕРИКЪ.

Я къ вамъ пишу случайно. Право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что̀ скажу вамъ? — Ничего!...
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды,
Гдѣ я? что̀ я? въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ-ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ:
Смѣшно-же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро-бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что̀ пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?
Безумно ждать любви заочной...
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
Но я васъ помню — да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ:
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ — страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ — въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь безплодныхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ.
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ

Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
И то и это — наказанье!...
Не все-ль одно! Я жизнь постигъ:
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все равно я благодаренъ;
У неба счастья не прошу
И молча зло переношу!...
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночью, днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ.
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили,
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ — разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
И какъ дрались, и какъ мы били,
Какъ доставалося и намъ...
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ

Творилъ, не подымая глазъ.
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу! — дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ!...
Вотъ крикъ... и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала,
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой...
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что, вьючить что-ли, капитанъ?»
«Повозки!... Выдвигайте живо!»
«Савельичъ!...» — Ой-ли? — «Дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ;
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой проскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ — два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣдетъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?...
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!...»

«Что, раненъ?» — «Ничего, бездѣлка!...»
И завязалась перестрѣлка.

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...
Разъ — это было подъ горами —
Мы проходили темный лѣсъ;
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій...
Уже въ Чечню на страшный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ —
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживлялися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ полянку — дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Изъ-за кустовъ вотъ ружья носятъ,
За ними тащутъ и людей
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ бросились на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди-же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе,
Пустили нѣсколько гранатъ;

Еще подвинулись... молчатъ!
Но вотъ, подъ бревнами завалы...
Какъ будто ружья заблистали,
Потомъ мелькнули шапки двѣ —
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки!...
«Дружнѣе!» — раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
Ура! — и шашки вонъ... кинжалы...
«Въ приклады!» и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко.
Какъ звѣри, мо̀лча, съ грудью грудь.....
Ручей тѣлами запрудили.....
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,
Но мутная, струясь, волна
Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ; одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ.
Покрытый пылью, на шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть

Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
«Спасите, братцы!... Тащутъ въ горы!...
«Постойте!... Гдѣ-же генералъ?...
«Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ и — душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали; потомъ
Его останки боевые
Покрыли бережно плащомъ
И понесли...

Уже затихло все; тѣла
Изрубленныхъ стащили въ кучу...
. . . . . Кровь потекла
Струей багряной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ какъ-бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной. . . .
Тянулись горы, — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ * прервалъ мое мечтанье,

---

* Собственное имя.

Ударивъ по плечу — онъ былъ
Кунакъ мой — я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «*Валерикъ*, —
«А перевесть на вашъ языкъ,
«Такъ будетъ — *рѣчка смерти*; вѣрно,
«Дано старинными людьми!»
— А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? — «Тысячъ до семи.»
— И много горцы потеряли?
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
— Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый! —
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ. . .

Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва-ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! И такъ тревогъ
Довольно есть; въ самозабвеньи
Не лучше-ль жизни кончить путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте! — Если васъ
Мой безъискусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость —
Я буду счастливъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

---

*

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
(Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ).
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ — смѣшно-жъ терять для звучныхъ строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ рѳмъ, какъ напримѣръ, на *ю*.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что̀ ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона инова:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается-ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно c'est joli!...
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
Но этотъ чортъ совсѣмъ инаго сорта —
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ них,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ-ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ —
Не знаю. Еслибъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ-бы сволочь различить со знатью.
Но духъ — извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла — часто въ видахъ разныхъ
(Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ).

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася — и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался — стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется-ль друзьямъ?

Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ онъ —
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна — вѣдь онъ не даромъ геній!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! Зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула-бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцалуя.

«Когда ты спишь, о, ангелъ мой земной!
И шибко бьется дѣвственною кровью
Младая грудь подъ грезою ночной,
Знай, это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой;
И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались—какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;

Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались—и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

«Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ—гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье!
Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье!

«Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьёй,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;

И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

«Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музы́кой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліянтахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалой,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ—
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы.

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ,
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ, или читалъ Вольтера.
Какъ быть!—сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна —
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали.

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
(То были тѣни предковъ или мыши).

«И что-жъ? — Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивать, невинной груди трепетъ
Слѣдить, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, упиваться... это было
Смѣшно — но мнѣ такъ ново и такъ мило!

«Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша

Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго, казалось, выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе —
И было тёмно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ.

«Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

«Ее смущали странныя мечты.
Порой, она среди пустаго зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей — и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала онъ былъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;

Но подъ конецъ за то какъ милъ и нѣженъ!...
Что̀ дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка.

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

«То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшоткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!...
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднялъ удачный выборъ бала.
Что̀, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ;
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ, перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и доро̀гой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ

Вступила въ залу... Странный шопоть встрѣтилъ
Ея явленье — свѣтъ ее замѣтилъ.

«Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Своихъ друзей я тутъ-бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безъименныхъ чувствъ и мнѣній —
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!...

. . . . . .

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою*
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,

* Эльбрусъ.

Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ —
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»

— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:

«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальйоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёны,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный чорныхъ сновъ,

Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня — но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

---

* * *

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье —
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,

Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары —
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ —

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и жонъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ:
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ....

СВИДАНІЕ.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельи мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Тамъ, за твердыней старою
На сумрачной горѣ,
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ —
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье, въ ночь угрюмую,
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ стòрожи стоятъ;

И поступью несмѣлою
Изъ бань, со всѣхъ сторонъ,
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ жонъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ видѣнъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Окутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...
Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя
Твоя измѣна чорная
Понятна мнѣ, змѣя!

*

Я знаю, чѣмъ утѣшенный,
По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится...
А! это ты, злодѣй!

---

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.

У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочикъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими-же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

— На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

---

* *
*

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю—

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

---

* *
*

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? Жалѣю-ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы —
Я-бъ желалъ на вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава.

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «Добро-же постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

«Что-жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ! — померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;

Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы — даромъ божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ — хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(1839—1840)

ПРЕДИСЛОВІЕ

(ко 2-му изданію).

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ иронiи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался-бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «Герой Нашего Времени»; другіе-же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь ужъ такъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ глупостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва-ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ тра-

гическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего-же вы не вѣруете в дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего-же этотъ характеръ, даже как вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого-ли, что в немъ больше правды, нежели вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортилс желудокъ; нужны горькія лекарства, ѣдкія истины. Но не думайте, одн нако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избав отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современ наго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и къ его и вашему не счастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указа на, а какъ ее излечить — это ужъ Богъ знаетъ!

I.

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Бо́льшая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо по гонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина. Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющомъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по

близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею тележкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что-жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіяты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что̀ они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-свòему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что̀ съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ,* отвѣчалъ онъ, пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальйонѣ. А вы, смѣю спросить?

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ, безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они въ мигъ разбѣжались.— Вѣдь этакій народъ! сказалъ онъ: и хлѣба порусски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку?» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи осталось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни, кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники; но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

Завтра будетъ славная погода! сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не

---

* Ермоловѣ.

твѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, подымавшуюся прямо противъ насъ.

— Что-жъ это? спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

— Ну такъ что-жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? Были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— Не было, господинъ, отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: — а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блѣятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По серединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ

грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? Ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по-крайней-мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода — знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынѣче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторійку — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте* (потому что фельдфебель говоритъ *здравія желаю*). А поболтать было-бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите-ли подбавить рому? сказалъ я моему собесѣднику: —у меня есть бѣлый, изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручи-

комъ; разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь никого не видишь, да какъ тутъ еще водка— пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнòва князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ-же это случилось?

— Вотъ... (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ я его, «переведены сюда изъ Россіи?» — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста — къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.» Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнётъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху... Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!... Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирно́й князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку-ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья-ли стрѣлять. Одно было въ немъ не хорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что-жъ вы думаете: на другую-же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

— Разъ, пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя-же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. «Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ», сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. — Погодите, отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіятовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако-же, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ-же у нихъ празднуютъ свадьбу? спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ, ло-

мается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка брянчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что̀ попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печориномъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ-бы сказать?... въ родѣ комплимента.

— А что-жъ такое она пропѣла, не помните-ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними, только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду». Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу, и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевелъ его отвѣтъ.

— Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: ну что, какова? — Прелесть! отвѣчалъ онъ; а какъ ее зовутъ? — Ее зовутъ Бэлою, отвѣчалъ я.

— И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько изподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомаго Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирно̀й, не то, чтобъ немирно̀й. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что̀ запроситъ, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой

лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

—Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга.—«Не даромъ на немъ эта кольчуга», подумалъ я: «ужъ онъ вѣрно что-нибудь замышляетъ.»

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть-ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня-же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая *якши тхе, чекъ якши!*

— Пробираюсь вдоль забора, и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей-ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— «Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: еслибъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ-бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!»

— А! Казбичъ! — подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да», отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: «въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью.

Лучше было-бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться — и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался — и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не пустился меня искать: они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу,—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться, Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ — и вижу: мой Карагёзъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что-жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.»

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— «Еслибъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, сказалъ Азаматъ: — то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза.»

— «*Йокъ*, не хочу,» отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— «Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ: — ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что́ ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что́ только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твоя, ни почемъ.»

— Казбичъ молчалъ.

— «Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ

Азаматъ: — когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что́-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылило: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся воронóй скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что́-то въ родѣ смѣха.

— «Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? дождись меня завтра ночью, тамъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ — и она твоя. Неужели не сто́итъ Бэла твоего скакуна?»

— Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса:*

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь-же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

— Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— «Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ

---

* Прошу прощенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой, но привычка—вторая натура.

конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.»

— «Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорваномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья — и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло — въ чужомъ пиру похмѣлье», сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «Не лучше-ли намъ поскорѣй убраться?»

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно кончится худо; у этихъ азіятовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая — вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нѣчего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

— Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна, — ну просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

— Засверкали глазёнки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что́ за диво?...

— Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ, онъ ему и скажи: «Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, чтобы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ-бы?»

— Все, что онъ захочетъ, отвѣчалъ Азаматъ.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагёзъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

— Азаматъ молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...

— Азаматъ вспыхнулъ.

— А мой отецъ? сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?...

— Согласенъ, прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть. — Когда-же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное — мое дѣло. Смотри-же, Азаматъ!

— Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ — разбойникъ, котораго надобно было наказать. Сами посудите, что-жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Каз-

бичъ и спрашиваетъ, не нужно-ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. «Азаматъ!» сказалъ Григорій Александровичъ: «завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынѣче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...»

— Хорошо! сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости: какъ они сладили это дѣло — не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперегъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я поподчивалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ.*

— Стали мы болтать о томъ о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье. — «Что съ тобой?» спросилъ я.

— Моя лошадь!... лошадь! сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: — это, вѣрно, какой нибудь казакъ пріѣхалъ...

— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль — Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ, на-бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости — онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали, и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ — онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите-ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь?... Только на другое утро пришелъ онъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скры-

* Кунакъ значитъ пріятель.

вать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— Что-жъ отецъ?

— Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось-ли бы Азамату увезти сестру?

— А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, еслибъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, пристaлъ къ какой нибудь шайкѣ абрековъ, да сложилъ буйную голову за Терекомъ, или за Кубанью; туда и дорога!...

— Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ...Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ,—только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! сказалъ я какъ можно строже:—развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите-ли трубку? отвѣчалъ онъ, не поднимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите-ли чаю? Еслибъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

— Я все знаю, отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не-въ-духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И полноте! что-жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!...

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: «Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо.»

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

— Ну, что̀ прикажите отвѣчать на это?... Я сталъ въ-тупикъ. Однако-жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ въ-тупикъ. — «Послушайте, Максимъ Максимычъ!» сказалъ Печоринъ, приподнявшись: «вѣдь вы добрый человѣкъ, — а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...»

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня,—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться.

— А что? спросилъ я у Максима Максимыча: въ самомъ-ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего-же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ-же горы, что изъ аула, — а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало по малу, она пріучилась на него смотрѣть, сначала изподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ, что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ

нею. «Послушай, моя пери», говорилъ онъ: «вѣдь ты знаешь, что, рано или поздно, ты должна быть моею, — отчего-же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой?» Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой.—«Или», продолжалъ онъ, «я тебѣ совершенно ненавистенъ?» — Она вздохнула. — «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» — Она поблѣднѣла и молчала. — «Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ-же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего-же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?» — Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить: я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй? — Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцаловала; она слабо защищалась и только повторяла: «поджалуста, не нада, не нада». Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала. — «Я твоя плѣнница», говорила она: «твоя раба, конечно, ты можешь меня принудить», — и опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ сложа руки прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. «Что, батюшка?» сказалъ я ему. — «Дьяволъ, а не женщина!» отвѣчалъ онъ: «только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...» Я покачалъ головою. «Хотите пари?» сказалъ онъ: «черезъ недѣлю!» — Извольте! — Мы ударили по рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки: — устоитъ-ли азіятская красавица противъ такой батареи? — Вы черкешенокъ не знаете, отвѣчалъ я; это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки — совсѣмъ не то. У нихъ свои пра-

вила; онѣ иначе воспитаны. Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

— А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе — да и только; такъ, что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней. «Бэла!» сказалъ онъ: «ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь: я ошибся: — прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу — ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду — куда? почему я знаю! Авось, не долго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня.» — Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль — такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и сказать-ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. — Повѣрите-ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ — глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастіе? спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно! воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!... «Да неужели», продолжалъ я: «отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?»

— То есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

— Вниманіе мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ

съ согласія отца укралъ у него лошадь, по-крайней-мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали, — это было въ сумерки, — онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его на земь, схватилъ поводья — и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ, сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, сказалъ штабсъ-капитанъ, — онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-Гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, ко-

торое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-Горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитой въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-Гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я, думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все-же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: что за край!

И точно такую панораму врядъ-ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшуарская Долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебрянными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ-же горы, но хоть-бы двѣ скалы, похожія одна на другую, — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ-бы и остаться жить на вѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней

горы, которую только привычный глазъ могъ-бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ», воскликнулъ онъ, «что нынѣче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извощиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, — а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ-бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые,» — и онъ былъ правъ: мы точно могли-бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали. И еслибъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились-бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?—Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую потому что переѣздъ черезъ Крестовую Гору (или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гутъ-Горы въ Чертову Долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злаго духа между неприступнымп утесами, — не тутъ-то было: названіе Чертовой Долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ», — ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества.

«Вотъ и Крестовая!» сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съ-

ѣхали въ Чертову Долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извощики объявили, что обваловъ еще не было, и сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу тележку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; — налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую Гору — двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію г. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, несмотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница,» думалъ я, «плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшотку желѣзной своей клѣтки.»

— Плохо! говорилъ штабсъ-капитанъ: посмотрите, кругомъ ничего не вилно, только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара

такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки — никакъ нельзя положиться.

Извощики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ. «Ваше благородіе,» сказалъ наконецъ одинъ: «вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ: не прикажете ли, покамѣсть можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется, — вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку;» прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! сказалъ штабсъ-капитанъ. Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, сказалъ я, что безъ нихъ намъ было-бы хуже.

— Все такъ, все такъ, пробормоталъ онъ: — ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою-же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею. — Все къ лучшему, сказалъ я, присѣвъ у огня: — теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу: я увѣренъ, что этимъ не кончилось,

— А почему-жъ вы такъ увѣрены? отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не въ порядкѣ вещей: что началось необыкновеннымъ образомъ, то должно также и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ.

— Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше, — такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу; я и радъ былъ, что нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, иль пляшетъ лезгинку...

А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ, — только куда имъ! совсѣмъ не то!... Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у него такъ похорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!...

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ, кажется, говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами, или козами, — а тутъ хоть-бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однакожъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться, ходить по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять,—цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... «Не хорошо,» подумалъ я: «вѣрно между ними черная кошка проскочила.»

— Одно утро захожу къ нимъ — какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ, шолковомъ бешметѣ, блѣденькая, такая печальная, что я испугался!

— А гдѣ Печоринъ? спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ? — Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера, — наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось-ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала, отвѣчала она сквозь слезы: —придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его — я княжеская дочь!...

*

— Я сталъ ее уговаривать. — Послушай, Бэла, вѣдь нельзя-же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью, — походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.

— Правда, правда! отвѣчала она: — я буду весела. — И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе! смѣшно:

— Наконецъ я ей сказалъ: «хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ? погода славная!» — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и нежаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ, молча; наконецъ она сѣла на деринъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный; съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками,* оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился по ту сторону рѣчки саженяхъ во стѣ отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою, какъ бѣшеный. Что за притча!... «Посмотри-ка, Бэла, сказалъ я: у тебя глаза молодые, что̀ это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?...»

— Она взглянула, и вскрикнула: «это Казбичъ!»

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться, что-ли, пріѣхалъ надъ нами? — Всматриваюсь — точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный какъ всегда. — «Это лошадь отца моего,» сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.

---

* Овраги.

— Ага! подумалъ я: и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда, сказалъ я часовому: осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца, — получишь рубль серебромъ. — «Слушаю, ваше высокоблагородіе: только онъ не стоитъ на мѣстѣ...» — Прикажи! сказалъ я, смѣясь. — «Эй! любезный!» закричалъ часовой, махая ему рукой: «подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?»— Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно, думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры, — какъ не такъ!... Мой гренадеръ приложился... бацъ!... мимо; — только-что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачокъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по своему, погрозилъ нагайкой — и былъ таковъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! сказалъ я часовому.

— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился, отвѣчалъ онъ:— такой проклятый народъ, съ разу не убьешь.

— Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты. Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился. — Помилуйте, говорилъ я: вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкою Казбичъ, и мы по немъ стрѣляли; ну, долго-ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась— онъ мнѣ самъ говорилъ, — и еслибъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно-бы посватался...— Тутъ Печоринъ задумался.— Да, отвѣчалъ онъ: надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.

— Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь: о чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна? «Нѣтъ.» Тебѣ чего нибудь хочется? «Нѣтъ.» Ты тоскуешь по роднымъ? «У меня нѣтъ родныхъ.» Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да «нѣтъ,» отъ нея ничего больше не добьешься.

— Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. «Послушайте,

Максимъ Максимычъ,» отвѣчалъ онъ: «у меня несчастный характеръ: воспитаніе-ли меня сдѣлало такимъ, Богъ-ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе — только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цаловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, — только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я, или злодѣй — не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало; къ печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день отъ дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось гдѣ нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе нескоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ.» — Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что

въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцати-пяти-лѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что̀ за диво! Скажите-ка, пожалуста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ, — вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: не ужъ-то тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ тоже самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынѣче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. — Штабсъ-капитатъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!... отвѣчалъ онъ: — да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!...

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздержаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

— Казбичъ не являлся снова. Только, не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

— Вотъ, разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался: ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однакожъ утащилъ-таки онъ меня съ собою. — Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу — нѣтъ звѣря. «Эй, не воротиться-ли?» говорилъ я. «Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорій Александровичъ, не смотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ — подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана: — пафъ! пафъ!... не тутъ-то было: ушолъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!... Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

— Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости; только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ, — смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучу и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любаго чеченца; ружье изъ чехла — и туда; я за нимъ.

— Къ счастью, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поравнялся съ Печориномъ и кричу ему: — Это Казбичъ! Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою и ударилъ коня плетью.

— Вотъ наконецъ мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена-ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, несмотря на всѣ его старанія, она небольно подвигалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагёза...

— Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... «Не стрѣляйте!» крикнулъ я ему: «берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ.» — Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десятокъ, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бѣдная Бэла! — онъ что-то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно, пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда — да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй! хоть-бы въ сердце ударилъ — ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все-бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цаловалъ ея холодныя губы — ничто не могло привести ее въ себя.

— Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: «Послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую.» — «Правда!» сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. — Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лекаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...

— Выздоровѣла? спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — а ошибся лекарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: не смотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался — цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу. Она, между тѣмъ, успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина.—«Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка» (то есть, понашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—Я умру! сказала она.

— Мы начали ее утѣшать: говорили, что лекарь обѣщалъ ее вылечить непремѣнно. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла; по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также

говорила о Печоринѣ, давала ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку...

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видалъ.

— Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышетъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только вы думаете о чемъ?... Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему!... Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорья Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертью: я это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли; она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

— Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, цаловала его руку, не выпускала ее изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцаловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ей голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцалуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что-бы съ ней сталось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это-бы случилось, рано или поздно...

— Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лекарь припарками и микстурой. — Помилуйте! говорилъ я ему: — вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты? — Все-

таки лучше, Максимъ Максимычъ, отвѣчалъ онъ: — чтобъ совѣсть была покойна. — Хороша совѣсть!

— Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда — признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!... говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

— Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву — не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И вправду молвить: что-жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!...

Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я-бы, на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

— Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ терламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея-же.

— На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка...

— А что Печоринъ? спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только

никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ-же! — Мѣсяца три спустя, его назначили въ е....й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже, вѣроятно, для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и Печоринѣ.

— А не слыхали-ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ? спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и привѣжливо раскланивается, когда пули прожужжатъ близко; да врядъ-ли это тотъ самый!...

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ, по причинѣ тяжелой поклажи, не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однакожъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія?... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ быть, слишкомъ длинный разсказъ.

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ терекское и дарьяльское ущелія, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ, между тѣмъ, некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы, или такъ пьяны, что отъ нихъ никакаго толку нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатериограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!... Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я, для развлеченія, вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звѣномъ длинной цѣпи повѣстей: видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!... А вы, можетъ быть, не знаете, что такое «оказія»? Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы черезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!... Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!...

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось-бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись — я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой кардинальской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извощиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное

устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина — нѣчто въ родѣ русскаго фигаро. — «Скажи, любезный, закричалъ я ему въ окно, что это — оказія пришла, что-ли?» — Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно. — «Слава Богу!» сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. «Экая чудесная коляска!» прибавилъ онъ: «вѣрно какой нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!» — А кто-бы это такое былъ — подойдемте-ка узнать...» Мы вышли въ корридоръ. Въ концѣ корридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извощикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, спросилъ у него штабсъ-капитанъ: чья эта чудесная коляска?... а?... Прекрасная коляска!... Лакей, не обращаясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска!... моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... да не служилъ-ли онъ на Кавказѣ?... воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется, — да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ?... Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели, прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея такъ, что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете, сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!... да знаешь-ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?... Да гдѣ-жъ онъ самъ остался?...

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ-ли онъ вечеромъ сюда? сказалъ Максимъ Максимычъ: — или ты, любезный, не пойдешь-ли къ нему зачѣмъ нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ — такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!... сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: — пойду за ворота его дожидаться... Эхъ! жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Пачорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. «Максимъ Максимычъ, не хотите-ли чаю?» закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку, — да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно, что нибудь задержало.

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчило небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе — онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель; и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ-бы покойно, еслибъ, уже очень

поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы-ли васъ кусаютъ? спросилъ я.

— Да клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. «Мнѣ надо сходить къ коменданту,» сказалъ онъ: «такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...»

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ — я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостинницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ-же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками — вѣрный призракъ нѣкоторой скрытности

характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ-же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я-бы не далъ ему болѣе двадцати-трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ, только по долгомъ наблюденіи, можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва, или душевнаго безпокойства. Не смотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся! — Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злаго нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго, или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ-бы казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другаго видъ его произвелъ-бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то по неволѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ

надъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: «Если вы захотите еще немного подождать», сказалъ я, «то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...»

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: — мнѣ вчера говорили; но гдѣ-же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А... ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: — сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Ѣду въ Персію — и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Столько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько-бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдаемъ», говорилъ онъ: «у меня есть два фазана; а катехинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажите про свое житье въ Петербургѣ... А?...»

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ...

Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забыть!» проворчалъ онъ: «я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...»

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:— неужели я не тотъ-же?... Что дѣлать?... всякому своя дорога... Удастся-ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ и ямщикъ ужъ началъ подбирать возжи.

— Постой, постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: — совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. — Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукою, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ-ли! да и не зачѣмъ!...

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

«Да,» сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:— «конечно, мы были пріятели, — ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи!... и лакей такой гордый!...» Эти слова были произнесены съ ироническою улыбкой. «Скажите, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—ну, что вы объ этомъ думаете?... ну какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей-богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтренный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!...» Тутъ онъ отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить

по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему, а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту-же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ:—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало-ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы-же были у него?

— Былъ, конечно, сказалъ онъ, заминаясь; да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ-же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, сказалъ я ему, очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!...

Вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ! И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею! Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе переходящими, но за то не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? По неволѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ.

ЖУРНАЛЪ ПЕЧОРИНА.

Предисловіе.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро-бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственные слабости и пороки.

Исторія души человѣческой, хотя-бы самой мелкой души, едва-ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она — слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже неимѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. «Да это злая иронія!» скажутъ они. — Не знаю.

I.

ТАМАНЬ.

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ: «кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по го-

роду. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно; я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. — Веди мени куда-нибудь разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту! закричалъ я.— «Есть еще одна фатера», отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ: «только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!» Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышку и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избочась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносинія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. «Суда въ пристани есть, подумалъ я: — завтра отправлюсь въ Геленджикъ.»

При мнѣ исправлялъ должность деньщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извощика, я сталъ звать хозяина — молчатъ; стучу — молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— «Гдѣ хозяинъ?» — Не-ма. — «Какъ! совсѣмъ нѣту?» — Совсимъ? — «А хозяйка?» — Побигла въ слободку. — «Кто-же мнѣ отопретъ дверь?» сказалъ я! ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою; какъ будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпаго: но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка

пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? — я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— «Ты хозяйскій сынъ?» спросилъ я его наконецъ. — Ни. — «Кто же ты?» — Сирота, убогій. — «А у хозяйки есть дѣти?» — Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ. — «Съ какимъ татариномъ?» — А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа — дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно: кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; на встрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. «Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ», подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начинала одѣваться тучами и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка,

судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что, слѣпой? сказалъ женскій голосъ: — буря сильна; Янко не будетъ. — Янко не боится бури, отвѣчалъ тотъ. — Туманъ густѣетъ, возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ, былъ отвѣтъ. — А если онъ утонетъ? — Ну, что-жъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церьковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ, сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши: — Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь, — это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой! сказала она: я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. «Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься чрезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая.» Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; — и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится въ дребезги; — но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою — и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ

былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однакожъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но — увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявшія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться. — «Можетъ быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно, сказалъ комендантъ: — и тогда мы увидимъ.» Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: — Здѣсь нечисто! Я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ — былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: — здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!... Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!... — ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ, и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да что-жъ? по крайней мѣрѣ, показалась-ли хозяйка?...

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери. — А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. — Ну-ка, слѣпой чертёнокъ, сказалъ я, взявъ его за ухо:—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ—

а?—Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ:—Куды я ходивъ?... никуды не ходивъ... Съ узломъ?—Якимъ узломъ?—Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: «Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?» Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ—но откуда?... Прислушиваюсь: напѣвъ стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ—
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка неснащёная,
Двухвесельная.

Буря-ль разъиграется—
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низёхонько.
«Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка.»

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ-же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣньё и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностью останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ-будто-бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и насчетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ—все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума: я вообразилъ, что нашелъ гётеву Миньйону — это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ-же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ-же загадочныя рѣчи, тѣ-же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица, спросилъ я: — что ты дѣлала сегодня на кровлѣ? — А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ. — Зачѣмъ тебѣ? — Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье. — Что-же? развѣ ты пѣснею зазывала счастье? — Гдѣ поётся, тамъ и счастливится. — А какъ неравно напоешь себѣ горе? — Ну что-жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять недалеко. — Кто-жъ тебя выучилъ эту пѣсню? — Никто не выучилъ; вздумается — запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать тотъ не пойметъ. — А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья? — Кто крестилъ, тотъ знаетъ. — А кто крестилъ? — Почему я знаю. — Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло). Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ. — И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло. — Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ. — А еслибъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту?—и тутъ я сдѣлалъ очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не умѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чаю, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся — то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то-есть предложить ей стаканъ

чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный огненный поцалуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ обятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: «нынѣче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ», и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. «Экой бѣсъ-дѣвка!» закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака: — «Если я выстрѣлю изъ пистолета, сказалъ я ему, то бѣги на берегъ». Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: «слушаю, ваше благородіе». Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

— Идите за мной! сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той-же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. «Войдемъ въ лодку», сказала моя спутница. Я колебался — я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. «Что это значитъ?» сказалъ я сердито. — «Это значитъ, отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками: — это значитъ, что я тебя люблю...» И щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хвать за поясъ — пистолета нѣтъ. О! тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь — мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя — она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... «Что ты хочешь!» закричалъ я, крѣпко сжавъ

ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, отвѣчала она: ты донесешь! и сверхъ-естественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночнаго пловца. Луна уже катилась по небу и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка; быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. «Янко, сказала она: все пропало!» Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать. — А гдѣ-же слѣпой? сказалъ наконецъ Янко, возвыся голосъ. «Я его послала», былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой! сказалъ Янко: — ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такаго удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко-бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ! — Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ-же больше не увидитъ.

— А я! сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя? былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукой; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвилъ: «На, купи себѣ пряниковъ.» — Только? сказалъ слѣпой. «Ну, вотъ тебѣ еще» — и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе; слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ *честныхъ контробандистовъ?* Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и пошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ — подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно-ли было-бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восьмнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ — не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, — мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

II.

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, —а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцалуй ребенка; солнце ярко, небо синё — чего-бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору: то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ; объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у

нихъ вся *водяная* молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ-сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерной пуговицей пылкое сердце, и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстухи, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлею надъ ванной, а подальше галерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходили взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лечиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно-ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва-ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производить эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ-скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только-что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остёръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль — сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо несозданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!...

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ — и одному изъ насъ не сдобровать.

*

Пріѣздъ на Кавказъ — также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: «нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете-ли вы меня?...» и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то онъ, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, сказалъ онъ, вздохнувъ: — пьющіе утромъ воду — вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру — несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними не знакомъ. Моя солдатская шинель — какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лицъ за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье *gris de perles*; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки *couleur puce* стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно-бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышетъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская, сказалъ Грушницкій: — и съ нею дочь ея Мери, такъ, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужъ знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ, отвѣчалъ онъ покраснѣвъ. — Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть-ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?

— Бѣдная шинель! сказалъ я, усмѣхаясь. А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа *à la moujik*.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

— Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, сказалъ я ему. — У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто-бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— Mon cher, отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ: je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по виноградным аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между

нихъ кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галереи, чтобъ вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ въ крытой галереѣ, и оба были заняты, кажется, серьёзнымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужъ послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за угломъ галереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобъ его поднять; больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести: потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галерею, и, убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ-же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она уже была далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный, — даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ? сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку: — это просто ангелъ!

— Отчего? спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Еслибъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ-бы то-же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу...

— И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали-бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было — зависть; я говорю смѣло «зависть», потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ-ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно предъ нимъ отличившую другаго, ей равно незнакомаго, врядъ-ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ (разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе), который-бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару, мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?...

—

13-го мая.

Нынѣче по утру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ значительный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ не на шутку — поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда

отличный анатомикъ не умѣетъ вылечить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о мильонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ-бы лишняго шага. Онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило-бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ, — больные взбѣленились: почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то-есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упадшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли-бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной, оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ, и худъ и слабъ какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили-бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстухъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ; изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другаго, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а

повелѣвать въ этомъ случаѣ — трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да притомъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ... сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это? спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ, отвѣчалъ онъ: — что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ, сказалъ я: у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а право изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьёзно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать, и нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи — и мы оба замолчали.

— Замѣтьте, любезный докторъ, сказалъ я, что безъ дураковъ было-бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. И такъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все,

что хотимъ знать; и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите-же мнѣ какую-нибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ подумавши: — Въ вашей галиматьѣ однакожъ есть идея.

— Двѣ, отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.

— Хорошо, начинайте! сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности на-счетъ кого-нибудь изъ пріѣзжихъ на воды, и я ужъ догадываюсь о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ-третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разскащиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?...

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи...

— Разумѣется...

— Завязка есть! закричалъ я въ восхищеніи; объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно.

— Я предчувствую, сказалъ докторъ: — что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что, вѣрно, она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ...

я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шуму... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя, вѣроятно, къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ! сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте! сказалъ я, всплеснувъ руками: — развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?...

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!... Докторъ, наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!... Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ, продолжалъ я послѣ минуты молчанія: — я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. Однакожъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?

— Во-первыхъ, княгиня — женщина сорока-пяти лѣтъ, отвѣчалъ Вернеръ: — у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?... Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лечится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать; она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ нелюбезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣ-

ніемъ — московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужѣ, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили-ль вы ее у колодца? — она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Родинка! пробормоталъ я сквозь зубы. — Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: — она вамъ знакома!... Мое сердце точно билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать! сказалъ я: — только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ встарину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно.

— Пожалуй! сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба-ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?... и какъ мы встрѣтимся?... и потомъ, она-ли это?... Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало-бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали, или радости, болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ-же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю, — ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ; тамъ была толпа: княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ Д... офицеровъ,

и началъ имъ что-то разсказывать; — видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать какъ сумашедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало по малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ разсказывалъ? спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости: — вѣрно очень занимательную исторію — свои подвиги въ сраженіяхъ?... Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. «Ага!» подумалъ я: «вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то-ли еще будетъ!»

Грушницкій слѣдилъ за нею какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

—

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ — и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не ску-

питься: этотъ коверъ такъ украсилъ-бы ея кабинетъ!... Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла: онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими? сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если-бы я носилъ эполеты...

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ! сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ я: — что княжна въ тебя ужъ влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!...

— У тебя все шутки! сказалъ онъ, показывая будто сердится: — во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться: я, просто, хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ; и было бы очень смѣшно, еслибъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло: вы, побѣдители петербургскіе: только посмòтрите — такъ женщины таютъ... А знаешь-ли, Печоринъ, что̀ княжна о тебѣ говорила?...

— Какъ? она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?...

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было: «Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда...» Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку. «Вамъ не нужно сказывать дня, отвѣчалъ я ей: онъ вѣчно мнѣ будетъ памятенъ...» Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю: ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!...

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее *моя Мери*, *моя Sophie*, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьёзный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужствѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно — ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ — никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и, чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить, а потомъ, просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцалуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобою накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хоть подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ... Я сталъ его разсматривать, и что-же?... мелкими буквами имя *Мери* было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные — и тутъ-то я буду наслаждаться!...

. . . . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу — никого ужъ нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя, мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ рòдинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она-ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ! Мало-ли женщинъ съ рòдинками на щекахъ! — Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь, сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами; въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?...

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего втораго мужа?...

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что-жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ? и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ прошептала она: — тебѣ очень весело меня мучить? Я-бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій... Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

«Можетъ быть», подумалъ я: «ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцалуй; ея руки были холодны, какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мѣлькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына: онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ, какъ отца — и будетъ обманывать, какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще, и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы ни мало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!... Да, я ужъ прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было-бы довольно: жалкая привычка сердца!...

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины, напротивъ я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это? — оттого-ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это — магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ, просто, не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я точно не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ-ли это дѣло?...

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами, — и то, можетъ быть, еслибъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались-бы иначе.

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente — болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставила меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ-ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью — и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ-бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ быть, на вѣки; оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость-ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ — на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры

въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая-бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое-бы безпокойство ни томило мысль — все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко; усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго-бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ; при видѣ голубаго неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ *вышкахъ*, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо, вѣрно, по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго, оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темнобурая. Я долго изучалъ горскую посадку: ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ *en piquenique*. Дорога идетъ извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой Горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ враговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи *балками*, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь *черкесскаго съ нижегородскимъ;* впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ

*

этой геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сантиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? говорила княжна.

— Что для меня Россія? отвѣчалъ ея кавалеръ: — страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если-бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ, подобный тому...

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!... вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, — je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Она смутилась — но отчего? отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ-бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, то-есть часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?... «Что́ дѣлаетъ теперь Вѣра?» думалъ я... Я-бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской, сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ!...

— Знаешь-ли что? сказалъ я ему: — я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ быть. Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь-ли, что ты нынѣче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь-ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

«О-го!» подумалъ я: «у него, видно, есть уже надежды.»

— Впрочемъ, для тебя-же хуже, продолжалъ Грушницкій: — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними; — а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.

— Однако признайся, ты раскаяваешься?...

— Какой вздоръ? Если я захочу, то завтра-же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай.

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынѣче сильныя ощущенія....

— Желаю тебѣ проиграться...

Я пошелъ домой.

—

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій, какъ тѣнь, слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда-же онъ ей наскучитъ?... Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ *не женихъ*. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжные взгляда — надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?... Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!... скучно! Но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ рестораціи, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

—

29-го мая.

Зала рестораціи превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократками, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская глазъ съ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просіялъ какъ солнце... Танцы начались польскимъ, потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи — счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская принесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на

меня въ лорнетъ... C'est impayable!... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо-бы проучить...

— За этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ — и мы пустились. Я не знаю таліи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура (она вальсируетъ удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: merci, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ-бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи? отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо́льшую дерзость: просить у васъ прощенія... И, право, я-бы очень желалъ доказать вамъ, что вы на-счетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно...

— Отчего-же?...

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы, вѣроятно, не часто будутъ повторяться.

«Это значитъ», подумалъ я: «что ихъ двери для меня навѣки закрыты.»

— Знаете, княжна, сказалъ я съ нѣкоторой досадой: — никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ, потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ!... просто: ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно? произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что-же? сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками: — развѣ вамъ не угодно?... Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazurc... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться, — потому, прибавилъ я, что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

— Ну, нечего дѣлать!... въ другой разъ! сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

— Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, прибавила она: — но признайтесь, вы этому одни виною;

вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда-ли?

Я сказалъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла музыка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе произведенное на нее непріятною сценою, мало по малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ея почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ! сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, продолжалъ я: — потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись: они всѣ прескучные...

— Всѣ! неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и наконецъ произнесла рѣшительно: *всѣ!*

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ? сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ, сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я-бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Что-жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?... сказала она быстро, и потомъ прибавила: — а я думала...

— Что вы думали?...

— Ничего!... Кто эта дама?

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались — до свиданія. Дамы разъѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— А-га! сказалъ онъ: такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше, отвѣчалъ я ему: — спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? разскажите.

— Нѣтъ отгадайте, — о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

—

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?...

— Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стóитъ благодарности, отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? а вчера? ты развѣ забылъ?... Мери мнѣ все разсказала...

— А что? развѣ у васъ ужъ нынѣче все общее? и благодарность?

— Послушай, сказалъ Грушницкій очень важно: — пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ... Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынѣче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынѣче они тусклы и холодны...

— Это, можетъ быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! прибавилъ онъ презрительно. — Впрочемъ, перемѣнимъ матерію — и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ея не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— Довольна-ли ты моимъ послушаніемъ, Вѣра? сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; всѣ просили ее спѣть что-нибудь; — я молчалъ, и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло — вздоръ...

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ, нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!...

Она запѣла: ея голосъ не дуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. За то Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: charmant! délicieux!

— Послушай, говорила мнѣ Вѣра: — я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?...

Она покраснѣла и продолжала: — Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за то наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя: — ты это знаешь очень хорошо!... О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью: я, можетъ быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, не смотря на это, я не могу думать о будущей

жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины,не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцалуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то на-счетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно, сказала она, что вы меня вовсе не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?...

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ-же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сантиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою-же монетою, кольнуть мое самолюбіе, — вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой наконецъ удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!... Какъ быть! у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ-ли она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и до-сыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ — право не знаю; тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?...

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну что?

«Ты глупъ», хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

—

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сантиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій — на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія! сказала она мнѣ вчера. — Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И моимъ, прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьёзный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только-что завидѣла меня,она стала хохотать (очень не кстати), показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ. Еще два дня не буду съ ней говорить.

—

13-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда нибудь; еслибы она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я-бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ни чуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности — только въ невозможности достигнуть цѣли то есть конца.

Изъ чего-же я хлопочу? — Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить

— Мой другъ, со мною было то-же самое, и ты видишь, однако я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь съумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется на встрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до-сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ, возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха — не есть-ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-ни

будь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права — не самая-ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ-бы счасливъ; еслибъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ-бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другаго. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ фоуму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно такъ-же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца; и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью — лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ зашелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю, сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и при-

знайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите-ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь подойдете подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться. Онъ не знаетъ, прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо: — сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О... эполеты, эполеты! ваши звѣздочки — путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ! я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу? спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не будетъ готовъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать,— и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ-ли она тебя?...

— Любитъ-ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!... какъ можно такъ скоро?... Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?... отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!...

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы опасный человѣкъ! сказала она мнѣ: — я-бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня — я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?...

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко-тронутый видъ;

— Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло — никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ; и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ, — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ — нѣтъ; особенно, когда

вспомню о томъ, что̀ подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе — чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала, — а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу; дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ея не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ея не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора, но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

— Любили-ли вы? спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня; а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда-ли, я была очень любезна сегодня? сказала мнѣ княжна съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество!

Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизустъ — вотъ что скучно.

—

12-го іюня.

Нынѣче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится, говорила мнѣ Вѣра: — лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ея не люблю?

— То зачѣмъ-же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображенье!... О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ; мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того-же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?...

Я обѣщалъ, и въ тотъ-же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ ему мундиръ, какъ-разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь! прибавилъ онъ.

— Когда-же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?...

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ, сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра пріятно удивлены, сказалъ я ей.

— Чѣмъ?...

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ

*

вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?...

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви, — разумѣется, прикрывъ все эти вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

—

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты, неимовѣрной величины, были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ Амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеминутно въ мелкія кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка заставили-бы меня расхохотаться, еслибъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстучникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полъ вершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху, до ушей; отъ этой трудной работы — ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ — лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной? сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

— Гдѣ намъ дуракамъ чай пить! отвѣчалъ я ему повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?... Охъ, проклятый жидъ!... какъ подъ мышками рѣжетъ!... Нѣтъ-ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.

— Ничего. Дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полстклянки за галстукъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать? спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку, — я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда.—Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно.., «Неужели», думалъ я, «мое единственное назначеніе на землѣ — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ-бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разъигрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назначенъ-ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, — или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для Чтенія»?... Почему знать?... Мало-ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла

по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна! говорилъ Грушницкій: — вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились, отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего-же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?...

— Потому-что я не люблю повтореній, отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!... Я думалъ, безумный, что, по крайней мѣрѣ, эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше-бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ; она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда-ли, мсьё Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсьё Грушницкому?...

— Я съ вами не согласенъ, отвѣчалъ я: — въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь, сказалъ я княжнѣ: — что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?...

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась ..

— Ну такъ что-жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки, отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пѣняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ-же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?...

— Зачѣмъ-же подавать надежды?

— Зачѣмъ-же ты надѣялся? Желать и добиваться чего нибудь — понимаю! а кто-жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ, сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня; — тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ, — ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ей руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцаловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали: видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по христіански: они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить

каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣренія, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ — вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шепталсяʼ и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

—

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто-жъ виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь — безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ, грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали-бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ: онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть-же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!...

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. *Я не видалъ ея! Она больна!* Ужъ не влюбился-ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!

—

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра — часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ, — я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала. Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?...

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Что съ вами? сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!... О, оставьте меня!...

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

— Простите меня, княжна: я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте.

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда-ли, спросилъ онъ, что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!

«Это штуки Грушницкаго», подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ словъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...

— И княжна также?

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?...

— Докторъ, докторъ! посмотрите на меня; неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи... прибавилъ онъ, хитро улыбаясь: — въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя по крайней мѣрѣ не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите-ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень

блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе — пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

—

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не-даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключомъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышетъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно — и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами, — и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны, — и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи, — и постоянный сладостно усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно въ запуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ, — а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ рестораціи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ — я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно — несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

—

22-го іюня.

Наконецъ онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты, у меня сердце вздрогнуло... Что-же это такое? Неужто я влюбленъ?... Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходитъ отъ дочери... плохо! За то Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ — добился-же я этого благополучія! Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума; женщинъ трудно убѣдить въ чемъ нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ, — слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужъ ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и, вслѣдъ за ними, сердце, если оное имѣется.

Что если когда нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ? — «Клевета!» закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ-же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ...

Не кстати было-бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, — мнѣ, который, кромѣ ихъ на свѣтѣ ничего не любитъ, — мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе —

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны-бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ-же хорошо знали, какъ я, потому что я люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступи», говорилъ онъ, «на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо; мало по малу чудовища исчезаютъ и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!»

—

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельи, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала называемая *Кольцомъ*; это — ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ, и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о

солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки самыя мелкія опасны, особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется; гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынѣче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что, проѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. «Мнѣ дурно!» проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

— Смотрите на верхъ! шепнулъ я ей: — это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мною дѣлаете?... Боже мой!...

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова — изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете, или очень любите! сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы. — Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было-бы такъ подло, такъ низко, что одно продположеніе... О, нѣтъ! не правда-ли, прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: — не правда-ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что̀ бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому-что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!...

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: — вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...

Я молчалъ.

— Хотите-ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались...

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа! сказалъ онъ, это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскія слѣтки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого, что носитъ всегда чистыя перчатки и вычещенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ, — да, трусъ!

— Я думаю то-же, сказалъ Грушницкій.—Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой-бы меня изрубилъ

на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну, сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то есть Печоринъ, а не Грушницкій, — а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ! сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? тѣмъ лучше! хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...

— Хотимъ; только какъ?

— А вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ,—ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это — вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе — я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ, — на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны-ли, господа?

— Славно придумано!... Согласны!... Почему-же нѣтъ?... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что еслибъ не случай, то я могъ-бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Еслибъ Грушницкій не согласился, я бросился-бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: «Хорошо, я согласенъ!»

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть: за что они всѣ меня ненавидятъ?» думалъ я.—«За что? Обидѣлъ-ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?» И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало по малу напол-

няла мою душу. «Берегитесь, господинъ Грушницкій!» говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ: «со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!...»

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ жолтъ, какъ померанецъ. Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ быть, напрасно? — Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все-ли?...

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите-ли я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе,—сжальтесь... вы меня не презираете, — не правда-ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, отвѣчалъ я княжнѣ: — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня, сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

—

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... Не оттого-ли я презираю и другихъ?... Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой-бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово *жениться*—имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ-бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней

жениться — прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться-ли? Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ *смерть отъ злой жены*; это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

—

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ *Апфельбаумъ*. На дверяхъ ресторація явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія (иначе — въ ресторація); билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынѣче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

«Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой «лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ толь«ко вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ; я имъ «всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини. — Я жду тебя; при«ходи непремѣнно.»

«Ага!» подумалъ я, «наконецъ-таки вышло по-моему.»

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были

тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынѣче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разглядѣть; однако я, изъ осторожности, обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою; человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась, маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ? сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь-ли, что я тебя люблю? О! я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

— Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?... А она думаетъ... знаешь-ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!...

. . . . . .

. . . . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей

постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густыя волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрытая книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и туже страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— Ага! сказалъ грубый голосъ: — попался!... будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ, домовъ были мнѣ извѣстны.

— Воры! караулъ!... кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?... закричалъ капитанъ.

— Сплю, отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте! — воры... черкесы...

— У меня насморкъ, отвѣчалъ я: — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они-бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога, между тѣмъ, сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ — и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что еслибъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались-бы на мѣстѣ.

—

27-го іюня.

Нынѣче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только-что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ-руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. «Какъ она перепугалась нынѣче ночью!» говорилъ онъ: «вѣдь надобно-жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи.» Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ и, слѣдственно, я не могъ подозрѣвать его умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы? сказалъ кто-то: — видѣлъ-ли ихъ кто нибудь?

— Я вамъ разскажу всю истину, отвѣчалъ Грушницкій: — только пожалуйста, не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, еслибъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но, ослѣпленный ревностью, онъ и не подозрѣвалъ ея.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Грушницкій: — мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ — ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что̀ за колонной, — наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна — а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему-же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите? продолжалъ онъ: — даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто-жъ онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы: мое присутствіе избавило-бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ, продолжалъ я тѣмъ-же тономъ: — прошу васъ сейчасъ-же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете жизнью.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю, и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужъ доказали, отвѣчалъ я ему холодно, и, взявъ подъ-руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали, отвѣчалъ онъ: — я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью, прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?...

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секун-

данта, прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторація я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ, сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ: — я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!... Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени, продолжалъ онъ. — Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все — отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ — подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но ни мало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ точно есть заговоръ, сказалъ онъ. — Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... «Ни за что не соглашусь!» говорилъ Грушницкій: «онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...» — «Какое тебѣ дѣло?» отвѣчалъ капитанъ: «я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ, и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Постращать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?...» Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа

утра, и мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ — этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго — на-счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіятской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете: должны-ли мы показать имъ, что догадались!

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что-же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ княгинѣ — я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . . . .

Два часа ночи... не спится... А надо-бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... тогда... что если его счастье перетянетъ? если моя звѣзда наконецъ мнѣ измѣнитъ?... И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что-жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!...

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодар-

ныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья — и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ, въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе!

И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое-бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе — мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ-ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!... Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно! — Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій, и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтера Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то

были «Шотланскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ-будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!...

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ? сказалъ я ему. — Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня, какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть-ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ. Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились, — мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой, и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубаго и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодаго дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ

глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню — въ этотъ разъ, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милльоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали-ли вы свое завѣщаніе? вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?...

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ-бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли-бы оставить что-нибудь на память?...

— Хотите-ли, докторъ, отвѣчалъ я ему, чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите-ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого.— Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другаго, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей — и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?... Посмотрите, докторъ: видите-ли вы на скалѣ, направо, чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники?...

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ-же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ

и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

— Мы давно ужъ васъ ожидаемъ, сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому:

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ: — что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы-бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ, сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія, сказалъ онъ: — и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче-же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?...

— Что-жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?...

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ: — вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?... Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы

знаете ихъ намѣреніе, — и они не посмѣютъ... Что за охота! подстрѣлятъ васъ, какъ птицу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно, сказалъ я имъ громко:—драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться.

— Мы готовы, отвѣчалъ капитанъ. Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь! повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте! сказалъ я: еще одно условіе: такъ-какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны-ли вы?...

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите-ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или, наконецъ оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ-бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ

отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой. — Ты дуракъ! сказалъ онъ Грушницкому довольно громко: ничего не понимаешь!... Отправимтесь-же, господа!

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грущницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь, сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку. — Дайте пощупать пульсъ!... Ого! лихорадочный!... но на лицѣ ничего незамѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился-бы внизъ на спинѣ, еслибъ его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! закричалъ я ему: — не падайте заранѣе: это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ: голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣрили шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія — и тогда все устроилось-бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать!... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, еслибы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

— Рѣшетка! закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

— Орелъ! сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, сказалъ я Грушницкому: вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?... Ему оставалось одно средство — выстрѣлить на воздухъ. Я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ! Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

— Пора! шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ: — если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! отвѣчалъ я, удерживая его за руку: — вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнувъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ...

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ, какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ! отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся! сказалъ капитанъ. Теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся! Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха. — Не бойся, прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: — все вздоръ на свѣтѣ... Натура — дура, судьба — индѣйка, а жизнь — копѣйка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо, раненый въ ногу немного сильнѣе, я-бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смерью помолиться Богу, сказалъ я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?... Подумайте хорошенько: не говоритъ-ли вамъ чего-нибудь совѣсть!

— Господинъ Печоринъ! закричалъ драгунскій капитанъ: — вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе: неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью — и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій, десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ:

— Эти господа, вѣроятно въ торопяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова — и хорошенько!

— Не можетъ быть! кричалъ капитанъ: — не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! — А вы не имѣете права переряжать... никакого права... Это совершенно противъ правилъ; я не позволю...

— Хорошо! сказалъ я капитану: — если такъ, то мы будемъ стрѣляться съ вами на тѣхъ-же условіяхъ...

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ! сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора. — Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки, Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ-же ты, братецъ! сказалъ онъ: — пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По-дѣломъ-же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ: «а все-таки это совершенно противъ правилъ.»

— Грушницкій! сказалъ я, еще есть время: откажись отъ своей клеветы и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стрѣляйте! отвѣчалъ онъ: — я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю оврага.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— Finita la comedia! сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ-бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхахъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

«Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезображен-«ное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его смерти «несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣст-«на ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказатель-«ствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... «если можете... Прощайте.»

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе «не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, «я думала то-же самое; но небу было угодно испытать меня вторич-«но; я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось «снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это — «не правда-ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: «я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ «поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты поступилъ «со мною, какъ поступилъ-бы всякій другой мужчина: ты любилъ «меня какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печа-«лей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и одно-«образна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я «пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою «жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, не-«зависящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много «времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что

«то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь сро-
«слась съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы разстаемся на вѣки; однако ты можешь быть увѣренъ, что
«я никогда не буду любить другаго: моя душа истощила на тебя всѣ
«свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не
«можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ,
«не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей при-
«родѣ есть что-то особенное — тебѣ одному свойственное, что-то гор-
«дое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что-бы ты ни говорилъ,
«есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть
«быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ни
«чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше
«пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ
«истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается
«увѣрить себя въ противномъ.

«Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣшнаго отъ-
«ѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до од-
«ной меня.

«Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою
«ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, по-
«тому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва
«не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться
«и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но
«теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься
«живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой
«мужъ долго ходилъ по комнатѣ; я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ,
«не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя
«люблю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ
«оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала, какъ онъ
«велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, какъ я сижу у
«окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь уме-
«реть!... Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла —
«но что за нужда? Еслибъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня
«будешь помнить — не говорю ужъ любить—нѣтъ, только помнить...
«Прощай; идутъ... я должна спрятать письмо...

« — Не правда-ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на
«ней? — Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя
«потеряла все на свѣтѣ...»

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ея въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!... При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ, — дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ, я все скакалъ, погоняя безпощадно. — И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ — казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было-бы спасено, еслибъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ! Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшаго оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергаю за поводъ — напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ идти пѣшкомъ — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и еслибъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ-бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обыкновенный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно? — ее видѣть — зачѣмъ? не все-ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцалуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

*

Мнѣ однако пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, еслибъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и въ эту ночь сонъ не сомкнулъ-бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ — и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали, за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеніяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ; лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ, противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна — разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынѣче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичокъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ рестораціи. Я пришелъ васъ предупредить. — Прощайте. Можетъ быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и еслибъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился-бы мнѣ на шею; но я остался холоденъ, какъ камень — и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другаго средства, — а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тяжесть отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные...

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю-ли я ей сказать что-нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьёзно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсьё Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена, продолжала она: — хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ-то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее — слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ (она перекрестилась). Богъ ему проститъ — и, надѣюсь, вамъ также!... Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю, все; вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей (тутъ княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признаётся, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства — разувѣрьтесь: я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состояніе; васъ любитъ дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что̀ васъ удерживаетъ?... Видите, я не должна была-бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; — вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, сказалъ я: — мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда! воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Какъ хотите, отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно-ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна, сказалъ я: — вы знаете, что я надъ вами смѣялся?... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: — слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута — и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— И такъ, вы сами видите, сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Еслибъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро-бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь — вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое-бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите-ли, я передъ вами низокъ?... Не правда-ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ; только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трупъ мо-

его лихаго коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ, и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я-бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ-себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ-ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало по малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

III.

ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ-же стоялъ батальйонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ, сказалъ старый майоръ, — вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

— Конечно, никто, сказали многіе: — но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ! сказалъ кто-то: — гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?... И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ-же намъ дана воля, разсудокъ? почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ — принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его, — все это какъ будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, спорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками — которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ — онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ — страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. «Поставь вабанкъ!» кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтёровъ. — Идетъ семерка, отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Не смотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтёра.

— Семерка дана! закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, не смотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ,

увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! сказалъ онъ (голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго): — господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать на себѣ; можетъ-ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ. — Вотъ чудакъ! придетъ-же въ голову!...

— Предлагаю пари, сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ — все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Майоръ, вы будете судьею: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо, сказалъ майоръ; только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?...

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе! закричали ему.

— Господа! сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку: — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, не смотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ, — и многіе старые воины подтверждали мое

замѣчаніе, — что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ-что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынѣче умрете! сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... Потомъ, обратясь къ майору, спросилъ: заряженъ-ли пистолетъ? Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! закричалъ кто-то: — ужъ вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!...

— Глупая шутка! подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ незаряженъ! закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. — Послушайте, сказалъ я: — или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.

— Разумѣется, воскликнули многіе: пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. — Господинъ Печоринъ, прибавилъ онъ: — возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно; въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

— Слава Богу! вскрикнули многіе: — не заряженъ...

— Посмотримъ, однакожъ, сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался — дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что, вѣроятно, полка была засорена;

другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ! сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отъ роду, отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь: — это лучше банка и штосса.

— За то немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

— Вѣрю, только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...

Этотъ-же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однакожъ довольно! сказалъ онъ, вставая: — пари наше кончилось и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ — и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темноголубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія нибудь вымышленныя права. И что-жъ? эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но за то какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы несособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для

собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?... Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать поперемѣнно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось? — одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимыя для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю-ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ: доказательство было разительно, и я, не смотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя вò-время на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому неживое. Наклоняюсь — мѣсяцъ ужъ свѣтилъ прямо на дорогу — и что-же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ-ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойникъ! сказалъ второй казакъ: — какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ, Еременчъ; надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ бо̀льшей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночнаго холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. «Прощай, Настя!» сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?... «Вставай, одѣвайся!» кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я на̀-скоро одѣлся и вышелъ. «Знаешь, что случилось?» сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ! продолжали они. — Пойдемъ скорѣе.

— Да куда-же?

— Доро̀гой узнаешь.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній на-счетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью и, можетъ быть, прошелъ-бы мимо не замѣтивъ его, еслибъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: «кого ты, братецъ, ищешь?» — *Тебя!* отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи, и сказалъ только два слова: «онъ правъ!» — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту-же сторону; по-временамъ опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди ихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по-временамъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ-будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, сказалъ есаулъ: — такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! закричалъ казакъ грозно, и слышно было какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка! сказалъ есаулъ старухѣ: — поговори сыну; авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ, сказалъ есаулъ, подойдя къ майору:—онъ

не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете-ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите, сказалъ я майору: — я его возьму живаго.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный! кричалъ есаулъ: — что ты надъ нами смѣешься, что-ли? али думаешь, что мы съ тобой не совладаемъ? — Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія, — и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ; но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся; офицеры меня поздравляли — и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ-бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ-ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?... И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ, или промахъ разсудка!... Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!... Впрочемъ, эти азіятскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ: онѣ какъ-то нашему брату неприличны: при-

кладъ маленькій, — того и гляди, носъ обожжетъ... За то ужъ шашки у нихъ — просто, мое почтеніе!

Потомъ онъ примолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу... Чортъ-же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!... Впрочемъ, видно ужъ такъ у него на роду было написано!...

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ-КЕРИБЪ.

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ (балалайкѣ) и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидѣлъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и наконецъ заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидѣвъ спавшаго Ашика (балалаечника), отстала и подошла къ нему. «Что ты спишь подъ виноградникомъ», запѣла она, «вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо.» Онъ проснулся; дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. «Еслибъ ты знала», отвѣчала та, «кому я пѣла пѣсню, ты-бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ.» — «Веди меня къ нему!» сказала Магуль-Мегери и онѣ пошли. Увидѣвъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — «Какъ мнѣ не грустить», отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, «я тебя люблю и ты никогда не будешь моею?» — «Проси мою руку у отца моего», говорила она: «и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ.» — «Хорошо», отвѣчалъ онъ, «положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ

всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею.» Она согласилась, но прибавила, если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который ужъ давно за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцаловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. «Добрый путь!» кричалъ ему бекъ, «куда-бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ.» Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода. «Плыви впередъ», сказалъ Куршудъ-бекъ, «я за тобою послѣдую». Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ, — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежду, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. «Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ», говоритъ онъ, «вотъ его одежда.» Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. «Мой сынъ утонулъ», сказала она ей: «Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна.» Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: «Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ.» Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудесныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили — ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ

удивительный голосъ. Они туда. «Иди съ нами къ великому пашѣ», закричали они, «или ты отвѣчаешь намъ головою.» — «Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса», говоритъ Ашикъ-Керибъ: «хочу — пойду, хочу — нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ.» Однако, не смотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. «Пой!» сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ понравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ — не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаяваться. Въ это время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо», говорила она, «и въ какой-бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, въ добавокъ, вѣсъ его золотомъ.» Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца. «Это мое!» сказалъ онъ, схвативъ его рукою. — «Точно твое», сказалъ купецъ: «я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай-же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другаго.» Въ отчаяніи, Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до роковаго часа. Однако онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ, измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. «Аллахъ всемогущій!» воскликнулъ онъ, «если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ и дѣлать!» И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу чело-

*

вѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ: «Огланъ (юноша), что́ ты хочешь дѣлать?» — «Хочу умереть», отвѣчалъ Ашикъ. — «Слѣзай-же сюда, если такъ, я тебя убью.» Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса. «Ступай за мною», сказалъ грозно всадникъ. — «Какъ я могу за тобою слѣдовать», отвѣчалъ Ашикъ: «твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою.» — «Правда. Повѣсь-же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй.» Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. «Что-жъ ты отстаешь?» спросилъ всадникъ. — «Какъ-же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ». — «Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?» — «Хотя-бы въ Арзерумъ поспѣть нынѣче», отвѣчалъ Ашикъ. — «Закрой-же глаза». Онъ закрылъ. «Теперь открой». Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. «Виноватъ, Ага», сказалъ Ашикъ: «я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ.» — «Тото-же!» отвѣчалъ всадникъ, «я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду? Закрой-же опять глаза. Теперь открой.» Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: «Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ понастоящему надо въ Тифлисъ.» — «Экой ты, невѣрный!» сказалъ сердито всадникъ: «но, нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой-же глаза. Теперь открой», прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: «Ага, конечно, благодѣяніе твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство.» — «Наклонись»; сказалъ тотъ улыбнувшись: «возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза — и она увидитъ». Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову — всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ (св. Георгій).

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Сту-

читъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря «Ана, ана (мать), отвори! я божій гость, и холоденъ и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня.» Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: «Для ночлега путниковъ есть домы богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы — ступай туда: тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи.» — «Ана», отвѣчалъ онъ: «я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери: «Мать, я встану и отворю ему двери.» — «Негодная!» отвѣчала старуха: «ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе.» Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: «Что виситъ у тебя на стѣнѣ» — «Любопытный ты гость», отвѣчала она: «будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ.» — «Я ужъ сказалъ тебѣ», возразилъ онъ! «что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?» — «Это саазъ, саазъ», отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. «А что значитъ саазъ?» — «Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни». И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. «Нельзя», отвѣчала старуха: «это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ и ничья живая рука до нея не дотрогивалась.» Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую мо̀литву: «О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ также стройна, какъ въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!» И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ — и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть: «Я бѣдный керибъ (странникъ) и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутаго утеса. Хотя я бѣденъ и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника.» Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: «Какъ тебя зовутъ?» — «Рашидъ (простодушный)», отвѣчалъ онъ. — «Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ», сказала она: «своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла,

что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: «Позвольте, матушка, взять саазъ и идти: я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами.» — «Не позволю», отвѣчала старуха: «съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дома.» Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. «А если хоть одна струна порвется», продолжалъ Ашикъ, то отвѣчаю моимъ имуществомъ.» Старуха ощупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чатрой (занавѣсомъ) съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чатры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: «Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами, и за то я спою вамъ пѣсню.» — «Почему-же нѣтъ?» сказалъ Куршудъ-бекъ. «Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому-что здѣсь свадьба. Спой-же что-нибудь, ашикъ (пѣвецъ), и я отпущу тебя съ полной горстью золота.»

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: «А какъ тебя зовутъ, путникъ?» — «Шинди-гёрурсезъ (скоро узнаете)». — «Что это за имя?» воскликнулъ тотъ со смѣхомъ: «я въ первый разъ слышу.» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шинди-гёрурсезъ (скоро узнаете). И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя.» Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

«Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ «крылья и я прилетѣлъ сюда въ три дня.»

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ,

воскликнувъ: — «Ты лжешь! Какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?»

— «За что-жъ ты меня хочешь убить?» сказалъ Ашикъ: «пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте.»

— «Пускай продолжаетъ», сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

«Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской Долинѣ, полуден-«ный намазъ — въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца «творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ, и вечерній намазъ — въ Тифлисѣ. «Аллахъ далъ мнѣ крылья и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ «я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ «по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ (Господь «нашъ) далъ Ашику крылья и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-«Мегери.»

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую. «Такъ-то ты сдержала свою клятву», сказала ея подруга: «стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ», отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, она прорѣзала чатру. Когда-же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣриваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, примолвивъ: «Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ.»

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чатру.

«Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ», сказалъ женихъ: «но повѣдай, какъ-же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?» — «Въ доказательство истины», отвѣчалъ Ашикъ: «сабля моя перерубитъ камень; если-же лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите ко мнѣ слѣпую, которая-бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта божьяго, и я возвращу ей зрѣніе.» Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. «Матушка!» закричала она: «это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ;» и, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ

земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя: «Знайте всѣ люди, какъ могущь и великъ Хадериліазъ!» — и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему: «Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя, и будьте также счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

I.

У графини В.... былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три молодыя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ, и одинъ гвардейскій офицеръ; около десятка доморощенныхъ львовъ рисовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое, правильное, но блѣдное лицо, и на лицѣ сіяла печать мысли.

— Здравствуйте, мсьё Лугинъ, сказала Минская кому-то. Я устала... Скажите что-нибудь.

И она опустилась въ широкое кате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ возлѣ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало, что онъ не принадлежитъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! сказала Минская и снова зѣвнула: — вы видите, я съ вами не церемонюсь, прибавила она.

— И у меня сплинъ!... отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — не правда-ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми, — и одни только люди! Добро-бы всѣ предметы, тогда была-бы гармонія въ общемъ колоритѣ; я-бы думалъ, что гуляю въ галереѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде; одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора, сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинъ!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ-бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хоть въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было-бы скучно, и потомъ скажу вамъ откровенно: ни одна женщина не можетъ любить меня.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?...

— Вотъ видите, отвѣчалъ задумчиво Лугинъ: — я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ точно случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Такъ-какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: «могу-ли я влюбиться въ дурную?» Вышло: нѣтъ; я дуренъ и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ — это ясно. Аристократическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первову впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ-какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось вседа немного злости. Все это грустно, а правда!..

— Какой вздоръ! сказала Минская и, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ни чуть не привлекательна, не смотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Во всемъ его существѣ мы не встрѣтимъ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто; большіе и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица — признаки постояннаго и тайнаго недуга — дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лечился въ Италіи отъ ипохондріи; и хотя не вылечился, но по крайней мѣрѣ нашелъ средство развлекаться съ пользою: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ всегда дышало какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ изъ сердца ея первыхъ поклонниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской. Ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на-время прекратился и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гёте: «Лѣсной царь». Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы? спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете-ли, сказалъ онъ съ какою-то важностью: — что я начинаю сходить съ ума?

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ; кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и — какъ вы думаете, что —

адресъ. Вотъ я теперь слышу: «въ Столярномъ Переулкѣ, у Кокушкина Моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира нумеръ 27», и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!...

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видете того, кто говоритъ? спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда-же это началось?

— Признаться-ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю... вотъ что, право, забавно! сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?

— Самое лучшее средство, сказала Минская, подумавъ съ минуту: — идти къ Кокушкину Мосту, отыскать мѣсто, нумеръ, и такъ-какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то, для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... Вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы... прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы, отвѣчалъ угрюмо Лугинъ: — я непремѣнно пойду. Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему въ слѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; домы казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извощики на биржахъ дремали подъ рыжими полостьми своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ блѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По троттуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ, хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили-бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ, напримѣръ, у Кокушкина Моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапаги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ

карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ-будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія, или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство. «Гдѣ Столярный Переулокъ?» спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извощика, который въ ту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извощикъ посмотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. «Ужъ полно есть-ли Столярный Переулокъ?» Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ-же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный? сказалъ мальчикъ: — а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ на право: первый переулокъ и будетъ — Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидѣлъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ; гдѣ домъ Штосса?

— Штосса? не знаю, баринъ; здѣсь этакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю! — Штосса? сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ: — нѣтъ, не слыхать-съ!

Лугинъ самъ пошелъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись на немъ не поразила его воображенія какъ вдругъ, онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидѣлъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

— Эй, дворникъ! закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ! отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей? — Кифейкина, купца.

— Не можетъ быть! вѣрно Штосса! вскричалъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь-такъ Штосса, отвѣчалъ дворникъ, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ-будто предчувствуя несчастіе. Долженъ-ли онъ былъ продолжать свои преслѣдованія? Не лучше-ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ-что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, пока не увидимъ насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ-же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуй-ста, сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый: кто живетъ въ 27 нумерѣ?

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 нумерѣ?... да кому тамъ жить? онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали!

— Какъ-же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и переѣзжаютъ.

— Ну, а кто-же послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, что-ли?

— Отчего-же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ-было... а тутъ, говорятъ, его послали въ какую-то губернію, — такъ нумеръ пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было-нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

«Странно!» подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть нумеръ?

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

— Какъ нельзя? можно! отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро воротился и повелъ Лугина во второй этажъ, по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Онѣ, не знаю почему, понравились Лугину.

— Я беру эту квартиру, сказалъ онъ. Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины!.. да надо хорошенько вытопить. Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій, въ бухарскомъ халатѣ, человѣка лѣтъ сорока, съ правильными чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ большую золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, руки, перстни — все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуло-

вимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое, поперемѣнно. Не случалось-ли вамъ на замороженномъ стеклѣ, или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо-отвратительный? попробуйте переложить ихъ на бумагу — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашомъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій — и очарованіе исчезнетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не производитъ этихъ линій; математически-малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только генію или случаю.

«Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру!» подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, опустилъ голову и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Что-жъ, баринъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— А!

— Какъ-же? коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ-же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостинницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

«Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!» думалъ Лугинъ: «моимъ предшественникамъ, видно не суждено было въ нее перебраться — это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!.. Что-жъ? — ничего.»

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... и, надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ подошелъ со свѣчой къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами *середа*.

— Какой нынче день? спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь ..

— Послѣзавтра середа, сказалъ разсѣянно Лугинъ.

— Точно такъ-съ!

Богъ знаетъ, почему Лугинъ на него разсердился.

— Пошелъ вонъ! закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головой и вышелъ. Послѣ того Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частію маленькихъ, была одна, размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ-бы вниманіе знатока: но, не смотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та-же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ — женщину-ангела — причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько-нибудь испыталъ жизнь. Однако есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли-бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ — это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ; но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу; любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, во вторникъ, съ Лугинымъ ничего особеннаго не случилось: онъ до вечера проспѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ работать — кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать — взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчь и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ: Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ; небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость разливалась иногда по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной — и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и началъ что-то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ чѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него — сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. «Кто тамъ?» вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ-будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ. «Кто это?» повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половины двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичокъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной

каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. Онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно? сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незванаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! сказалъ Лугинъ задыхающимъ голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичокъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура, измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съёживался; наконецъ принялъ прежній видъ.

«Хорошо», подумалъ Лугинъ: «если это привидѣніе, то я ему не поддамся.»

— Не угодно-ли, я вамъ промечу штоссъ? сказалъ старичокъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что-же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите, продолжалъ онъ: — я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ...

Старика эта шутка ни мало не сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это! отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это? сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво: — Что это?

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите! сказалъ онъ потомъ, оправившись, и, вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту. — Идетъ, темная.

Старикъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она соника была убита; старичокъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью! сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что-же это значитъ?

— Въ середу, сказалъ старичокъ.

— А, въ середу! вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ. Такъ нѣтъ-же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь-ли?

Глаза страннаго гостя пронзительно засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо! наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась; въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. «Однакожъ я не поддался ему!» говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить: «Переупрямилъ! Въ середу! Какъ-бы не такъ! что̀ я за сумасшедшій! Это хорошо!... очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается... А какъ похожъ на этотъ портретъ!... ужасно, ужасно похожъ!.. А! теперь я понимаю!..»

«Однако я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ!» думалъ онъ: «вѣрно что-нибудь необыкновенное!»

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслѣ. На другой день поутру онъ никому о случившимся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера. Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до-того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея фигуры. Старичокъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому, не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнитическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ-было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!... сказалъ онъ, покрывъ рукою колоду.

Старичокъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?... позвольте... да!... Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичокъ улыбнулся.

— Я иначе не играю, проговорилъ Лугинъ; межъ-тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штоссъ? — это? У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновенье. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было-бы довольно, чтобы заставить его проиграть все. То было чудное, восхитительное видѣнье: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнатъ, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземнаго; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жаркая, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда, — то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ прекрасныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу лучше и полнѣе той, къ которой она прикована!

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичокъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра! сказалъ Лугинъ.

Старичокъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой, въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ: онъ

былъ увѣренъ, что, наконецъ, хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но за то каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ—свиданья, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она — не знаю какъ назвать ее — она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ; казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ своего несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: «смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что-бы то ни стало; я тебя люблю!» — и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился.

ДРУГОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видѣли и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большаго свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли и — слава Богу! потому что, иначе, я-бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельницы — что она преглупенькая, соперницы — что она предобрая, молодыя женщины — что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе нехороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-тилѣтнихъ барышень — да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя-же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, ко-

нечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на дняхъ, тогда какъ съ бо̀льшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни, а забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованну сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только-бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки. Но на днѣ одной есть ужъ, вѣрно, другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна; и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ — возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла неслишкомъ бурливо и неслишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась

въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе домы: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ и, порой, двѣ горничныя садились на полусогнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать,—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора — признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!...

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цаловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто нибудь его приласкалъ, поцаловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жосткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ

съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то-и-дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая имъ дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ-бы его характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь — болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи; и еслибъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то, вѣрно-бы, отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но — увы! никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей немало помѣшало его выздоровленію...

ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА.

ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА.

I.

Милая тетинька! Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ даютъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвальбы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте пожалуста Екима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать; однакожъ мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ въ знакъ благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не были, я думаю что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ брату; онъ здѣсь, но я имъ напишу особливо; Катюшу же цалую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тетинька, цалую ваши ручки; и остаюсь вашъ покорный племянникъ.

II.

Милая тетинька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ; экзаменъ кончился и вакаціи начались до 8-го января; слѣдственно, они будутъ продолжаться 3 недѣли. Испы-

таніе наше продолжалось отъ 13-го до 20 числа. Я вамъ посылаю балы, гдѣ вы увидите, что г. Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена, вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

Папинька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!...

Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!... Къ томужъ Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.

Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ) (?) гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.

Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!... стало быть... стало быть... но выводите заключенія какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакожъ теперь гораздо лучше, а я, — o! je me porte comme a l'ordinaire... bien!

Прощайте, милая тетинька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme?

Остаюсь вашъ покорный племянникъ.

Я прилагаю вамъ, милая тетинька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На вакацію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

ПОЭТЪ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ все въ поднебесной.

Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

P. S. Не знаю, что дядинька въ Оналихѣ, я не писалъ къ нему, но прошу извиненія, и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

III.

До самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ: ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ на дачу и проч; разсматривалъ городъ по частямъ, и на лодкѣ ѣздилъ въ морѣ,—короче, я ищу впечатлѣній, какихъ нибудь впечатлѣній!...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ! Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ въ душѣ своей?... Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у ***, гдѣ просидѣвъ четыре часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ—быть можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ — и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ: мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ онъ былъ, когда мы въ него въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странахъ вашего царства. Какъ свадьба? Все-ли вы въ Средниковѣ или въ Москвѣ? Чай Александра Михайловна да Елизавета Александровна покою не знаютъ, все хлопочутъ!

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта,
Прогнать спокойствія туманъ;
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь.

. . . . . .

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь, красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой.
Нѣтъ милыхъ сплетень — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ и пошлыхъ новостей.
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ;
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!...

—

И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Высокихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ,
Болѣзнью жизни, скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ);
Я не завидовалъ какъ прежде

Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти,
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибенный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ —
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ негодится и на волѣ —
Погибъ и данъ ему покой!

Мнѣ кажется, что это не дурно вышло. Пожалуйста, вы не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, еслибы я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, написалъ-бы совсѣмъ другое. Каждый мигъ у меня новая фантазія!

Признайтесь, надоѣлъ я вамъ своими диссертаціями. Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ; у него есть душа въ душѣ. У Д** я былъ — дома не засталъ: она была у какой-то директорши. Я письма не отдалъ и на-дняхъ поѣду опять. Не имѣю я слишкомъ большаго влеченія къ обществу — надоѣло! Все люди — такая тоска, хотя-бы черти для смѣха попадались. Одна вещь меня безпокоитъ: я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, на долго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и больше горести, а я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ! я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Дорогой еще былъ туда-сюда. Пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я — цыганъ!

Прощайте. Пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Обѣщаю вамъ, что не всѣ мои письма будутъ такія; теперь я болтаю вздоръ, потому что натощакъ. Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. L.

P. S. У тетушекъ моихъ цалую ручки и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, арапъ; и если вы не въ Москвѣ, то мысленно. Прощайте.

IV. *

S-t. Petersb. 1832, le 28 aout.

Dans le moment ou je vous écris, je suis très-inquiet, car grand-maman est très malade, et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne.—Vous nommer toutes les personnes que je fréquente?—moi c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. En arrivant je suis sorti, il est vrai, assez souvent chez des parents, avec lesquels je devais faire connaissance; mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi. J'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis;—tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, bien étroit et simple, mais ou l'on peut se perdre, pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du maitre a ôté toute différence!....

J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!...

J'ai une qualité que vous n'avez pas: quand on me dit qu'on m'aime, je ne doute plus ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter.—Vous avez ce defaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait claire de lune, et j'étais à ma fenètre qui donne sur le canal; voila ce que j'ai écrit:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы чудно я катился
Подъ серебряной луной;

---

* Писано изъ юнкерской школы, куда 18 лѣтній Лермонтовъ незадолго передъ тѣмъ поступилъ, оставивъ московскій университетъ.

О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ;
И къ моей студёной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ:
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,—
Былъ бы воленъ отъ рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Voici une autre; ces deux pièces, vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ;—а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—(я боюсь сказать)
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете во вѣкъ.—

Когда-жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмистеръ изготовитъ супъ—
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

—Adieu!... je ne puis plus vous écrire, la tete me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans; ce Moise n'a pas menti. — Mes compliments à tout le monde.—Votre ami le plus sincère.

Переводъ: Въ эту минуту, какъ пишу вамъ, я въ тревожномъ состояніи, потому что бабушка очень больна и два дня въ постели. Отведу себѣ душу отвѣтомъ на второе письмо ваше. Назвать вамъ всѣхъ, у кого я бываю? Назову—себя, потому что у этой особы бываю я съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но подъ-конецъ нашелъ, что самый лучшій мнѣ родственникъ, это я самъ. Видѣлъ я обращики здѣшняго общества, дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ съ перваго разу можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ всякое различіе между деревьями.—Пишу мало, читаю не болѣе; романъ мой становится произведеніемъ отчаянія: я перебралъ себѣ всю душу, добывая изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и безъ оглядки излилъ ее на бумагу. Читая его, вы бы пожалѣли меня!... У меня есть свойство, котораго нѣтъ у васъ: когда мнѣ говорятъ, что меня любятъ, я больше не сомнѣваюсь, или (что хуже) я не показываю вида, что сомнѣваюсь. Вы напротивъ; пожалуста исправьтесь отъ этого недостатка, хоть въ вашихъ милыхъ письмахъ. — Вчера, въ 10 часовъ послѣ обѣда, было небольшое наводненіе, и даже трижды сдѣлано было по два пушечныхъ выстрѣла, по мѣрѣ того, какъ вода опускалась и подымалась. Ночь была лунная, и я былъ у своего окна, которое выходитъ

на каналъ. Вотъ что я написалъ: (*слѣдуютъ стихи*). Вотъ еще стихи. Тѣ и другіе лучше покажутъ вамъ мое нравственное состояніе, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать въ прозѣ (*другіе стихи*). Прощайте, не могу больше писать вамъ. Голова вертится отъ глупостей. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ и земля вертится вотъ уже 7000 лѣтъ. Моисей сказалъ правду. Всѣмъ мой поклонъ.— Вашъ искреннѣйшій.

V.*

... Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle: moi qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idôle, voilà que je me fais guerrier. Peut-être est-ce le vouloir particulier de la Providence; peut-être ce chemin est-il le plus court; et s'il ne me méne pas à mon premier but, peut-être me ménera-t-il au dernier de tout le monde: mourir une balle de plomb dans le coeur vaut bien une lente agonie de viellard. Aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par Dieu d'être le premier partout.—Dites, je vous en prie, à N. N. que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas. Il avait il y a longtemps desiré quelque chose de semblable, et je lui envoye la même chose, seulement dix fois mieux. Maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps: dans quelques jours l'examen. Une fois entré, je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous et toutes de me riposter. M-lle N. N. m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée: le saint de Voronége lui aurait-il conseillé de m'oublier? Dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. Que coute une lettre? une demiheure! et elle n'entre pas à l'école des guardes. Vraiment je n'ai que la nuit; vous — c'est autre chose. Il me parait que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivée à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. Croyez ou non, mais cela est tout à fait vrai: je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie, je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. Adieu, ne soyez pas plus paresseuse, que vous n'avez été

---

* Въ Москву, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ (1832).

jusqu'ici, et je serai content de vous. Maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme je serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra lier mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son coté, en laissant entre eux une barrière de deux tristes, pénibles années. Prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empecherez une vie de se démolir; à vous seule je puis dire tout ce que je pense, bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière, vous ne devez pas, car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini,—j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours qui vont suivre seront vides de sensations....

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
—Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все что̀ чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Adieu,—mes poclones a tous, adieu, ne m'oubliez pas.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à N. N. et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractére est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il est hippocrite—il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur.

Переводъ: Не умѣю представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость; до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія. И такъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди.—Скажите пожалуста N. N. что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось чего нибудь въ такомъ родѣ; онъ получитъ, только въ десятеро лучше. Не пишу къ нему теперь, потому что нѣтъ времени: черезъ нѣсколько дней экзаменъ. Какъ только опредѣлюсь, то закидаю васъ письмами, на которыя заклинаю васъ всѣхъ, и мужчинъ и женщинъ, отвѣчать мнѣ. N. N. обѣщалась писать тотчасъ по пріѣздѣ: ужъ не воронежскій ли угодникъ присовѣтовалъ ей забыть меня? Скажите ей, что мнѣ хотѣлось бы имѣть извѣстія отъ нея. Чего стоитъ письмо? Полчаса! она же не поступаетъ въ гвардейскую школу (*). Право, у меня въ распоряженіи только ночь. Вы другое дѣло. Мнѣ кажется, что если бы я не сообщилъ вамъ какого нибудь важнаго случая, до меня касающагося, то бы на половину пропала моя рѣшимость. Вѣрьте-не-вѣрьте, а это такъ; не знаю почему, но получивъ отъ васъ письмо, я не могу удержаться, чтобъ не отвѣчать ту же минуту, какъ будто я съ вами разговариваю.

Прощайте же, мой милый другъ; не говорю до свиданья, потому что не надѣюсь увидать васъ здѣсь; а между мною и милою моею Москвою стоятъ непроходимыя преграды, и кажется, судьба съ каждымъ днемъ умножаетъ ихъ. Прощайте, пишите по прежнему, и я буду доволенъ вами. Ваши письма теперь будутъ нужнѣе, чѣмъ когда нибудь; они доставятъ величайшее наслажденіе въ моемъ будущемъ заключеніи; они послужатъ единственною связью между моею прошедшею жизнью и тою, которая предстоитъ мнѣ по минованія двухъ печальныхъ тяжкихъ лѣтъ. Съ вашей стороны будетъ дѣломъ милосердія наполнить этотъ промежутокъ; это будетъ скучно для васъ, но вы спасете мнѣ жизнь Вамъ однимъ я могу говорить все, что думаю, и хорошее и дурное; я уже доказалъ это моею исповѣдью; и вамъ не слѣдуетъ отставать; вы не должны,—потому что я требую отъ васъ не любезности, а благодѣянія. Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ, теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и за тѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ... (*слѣдуютъ стихи*). Прощайте, поклоны всѣмъ, не забывайте *М. Лермонтова.* P. S. Я никогда ничего не писалъ о васъ къ N. N. Вы видите, что я говорилъ правду объ его характерѣ; только я ошибался, называя его притворщикомъ: онъ не умѣетъ имъ быть, онъ просто лгунъ.

---

* Лермонтовъ опредѣлился тогда въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

VI.

19 Juin, Pétersbourg. (1833).

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai—dévorées. Il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Hier, c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois. Je vous écris assis sur un banc de l'école, au milieu du bruit, des préparatifs, etc.... Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre, que, n'ayant passé à l'ecole que deux mois, j'ai subi mon examen pour la 1-ère classe et suis un des premiers... Cela nourit toujours l'espérence d'une prochaine liberté!—Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange: samedi, avant de me réveiller, je vois en songe, que je suis dans votre maison; vous étes assises sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement, que je me brouille avec vous, mais vous, sans répondre, m'avez tendu la main; — le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous et je trouve vos lettres. Cela me frappe! Je voudrais savoir, que faisiez vous ce jour là?....

Adieu; on me demande, car le général est arrivé. Adieu.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard. J'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi même, quelle route je vais prendre, celle du vice ou de la sottise. Il est vrai que toutes les deux menent souvent au même but. Je sais que vous m'exhorterez que vous essayerez de me consoler—ce serait de trop! Je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! Les termes vous deplaisent, mais hélas: *dis moi qui tu hante, je te dirai qui tu es!*

Quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire, je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois. Adieu.

Переводъ: Я получилъ два письма ваши, милый другъ, и задыхаясь прочелъ ихъ: такъ давно не было отъ васъ извѣстій. Вчера послѣднее воскресенье, что я въ городѣ: потому что завтра (во вторникъ) мы отправляемся на два мѣсяца въ лагерь. Пишу къ вамъ, сидя на классной скамейкѣ; кругомъ меня шумъ, приготовленія и пр... Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ узнать,

что я выде лъ экзаменъ въ первый классъ, всего черезъ два мѣсяца послѣ поступленія въ школу, и что я однимъ изъ первыхъ. Это все таки укрѣпляетъ надежду, что скоро совсѣмъ буду свободенъ! Однако нужно непремѣнно передать вамъ престранный случай: въ субботу, передъ тѣмъ какъ вставать съ постели, я вижу во снѣ, будто я у васъ; вы сидите на большомъ диванѣ въ гостиной; я подошелъ и спрашиваю, не хотите ли вы въ самомъ дѣлѣ, чтобы я съ вами поссорился,—а вы, вмѣсто отвѣта, протянули мнѣ руку. Вечеромъ насъ распустили; прихожу къ нашимъ, и мнѣ подаютъ ваши письма. Это меня поразило! Скажите, пожалуста, что съ вами было въ этотъ день?..... Прощайте, меня зовутъ, генералъ пріѣхалъ. Прощайте. . . . . Кланяйтесь всѣмъ. — — Уже поздно. Я улучилъ свободную минуту, чтобы писать къ вамъ еще. Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мною случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ ли порока или пошлости. Оно конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда либо, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Васъ коробитъ отъ этихъ названій; но увы: *скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься — и я назову, кто ты таковъ!...* Не стану говорить о другихъ вещахъ, о которыхъ могъ бы сообщить вамъ; вѣдь одно дѣйствіе важнѣе многихъ словъ; а такъ какъ вамъ извѣстно, что я отъ природы лѣнивъ, то засыпаю на лаврахъ, полагая трагическій конецъ и моимъ бѣдствіямъ и моимъ словамъ. Прощайте.

VII.

St. Pétersbourg le 4 Août. (1833).

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible. Imaginez-vous une tente, qui a 3 archines en long et en large et 2½ de hauteur, occupée par trois personnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, etc. etc. Le temps a été horrible; une pluie, qui ne finissait pas, faisait, que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits. Et pourtant cette vie ne m'a pas tout à fait déplu. Vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant, grâce à Dieu, j'en ai joui completement. Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommencent nos occupations. La seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier! Et alors, alors.... bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mener!... Oh, cela sera charmant! D'abord, des bisarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du

champagne. Je sais, vous allez vous recrier; mais, hélas! le temps de mes rèves est passé; le temps de *croire* n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur, qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!... Voilà ce qui m'est nécessaire maintenant, et vous vous apercevez, chère amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés. Quand j'ai vu mes beaux rèves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai, j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se désabituer du vin:—mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans la passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses . . . . Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez, et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui.—Que faites vous à la campagne? vos voisins sont ils amusants, aimables, nombreux? Voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention sérieuse!

Dans un an, peût-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? me reconnaitrez-vous, et voudrez-vous le faire?—Et moi, quel rôle jouerai-je? sera ce un moment de plaisir pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et Dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an.—Ma vie j'usqu'ici n'a été qu'une suite de desapointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer les plaisirs, et sans en avoir joui, j'en suis dégouté.—Mais ceci est un sujet bien triste que je tacherai de ne pas ramener une autre fois. Lorsque vous serez à Moscou, annoncez le moi, chère amie.... je compte sur votre constance; adieu.

Переводъ: Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь, да и не могъ рѣшительно, при всемъ желаніи. Представьте себѣ нашу палатку, по 3 аршина въ длину и ширину, и въ $2^1/_2$ аршина вышины; въ ней живутъ трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ то: сабли, карабины и проч. Погода была ужасная; подъ безконечнымъ дождемъ намъ случалось иногда сутокъ по двое оставаться въ мокромъ платьѣ. Тѣмъ не менѣе эта жизнь отчасти мнѣ нравилась. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда

было явное влеченіе къ дождю и грязи, и тутъ, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь.—Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня ободряетъ—мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда.... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода, и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше *вѣры*; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку; чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы увидите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать, и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося по-немногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ.... Я не говорю, чтобы у васъ было мало проницательности; скорѣе мнѣ сдается, что вы не хотѣли сказать мнѣ все, что думали, и очень понятно; потому что теперь, если мои предположенія справедливы, вамъ даже не нужно сказать: да. — Что вы дѣлаете въ деревнѣ? Много ли у васъ сосѣдей, любезны ли они, забавны ли? Что я вамъ задаю эти вопросы, тутъ кажется нельзя видѣть никакого умысла! Можетъ быть черезъ годъ я навѣщу васъ. Сколько перемѣнъ я увижу! Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я, какую роль буду играть? Пріятно ли будетъ это свиданіе для васъ, или оно смутитъ насъ обоихъ? Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіи года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ; въ другой разъ постараюсь больше не толковать о немъ. Когда пріѣдете въ Москву, дайте мнѣ знать, милый другъ.... Разсчитываю на ваше постоянство. Прощайте.

VIII.

2 Septembre.

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous,et je vous l'enverrai peut être dans cette lettre. Savez vous, chère amie, comment je vous écrirai? Par moments! Une lettre durera quelquefois plusieurs jours; une pensée me viendra-t-elle, je l'insererai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit, je vous en ferai part; êtes vous contente de ceci?

Voilà plusieures semaines déjà que nous sommes separés, peut-être, pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir N. N. parcequ' elle vient de nos contrées,— car Moscou est et sera toujours ma patrie: j'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, j'y ai été *trop heureux!* — Ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver..... mais que faire? — Mademoiselle NN m'a dit qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille.... pauvre ambition! Cela m'a rejoui.... et encore comment! Cette drôle de passion de laisser partout des traces de son passage!.... Une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit, vaut elle la peine d'être répetée dans un objet matériel, aves le seul mérite de se faire comprendre à l'ame de quelques-uns? Il faut que les hommes ne soient pas nés pour penser, puisqu'une idée forte et libre est pour eux une chose si rare!

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers; cela n'est pas bien amical, ni même philanthropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій и т. д.

—Adieu donc, adieu.... je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée.... Je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire.— Chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité: car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant!—Je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon coeur; car ma vie — c'est moi, moi, qui vous parle,—et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien.—Dieu sait, si, après la vie, le moi existera. C'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour, où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue.

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de N. N. car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Dites moi, chère miss.... si monsieur N. N. vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon èthermometre. — Adieu. Votre dévoué.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse de sortir de ma plume. — Si vous me dévinez — bien, je

serai content; — si non — alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de la question dont peut-être vous ne vous doutez pas!

Переводъ. Сей часъ я началъ кое-что рисовать для васъ, и можетъ быть пошлю съ этимъ же письмомъ. Знаете ли, милый другъ, какъ я стану писать къ вамъ? — Какъ только улучу минуту. Иной разъ письмо продлится нѣсколько дней: придетъ ли мнѣ въ голову какая мысль, я вамъ запишу ее; если что примѣчательное займетъ мой умъ, тотчасъ подѣлюсь съ вами. Согласны?— Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мы разстались и можетъ быть надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно отраднаго. Однако я все тотъ же, вопреки лукавымъ предположеніямъ нѣкоторыхъ людей, которыхъ не назову. Представьте наконецъ, что я пришелъ въ восторгъ, увидавъ N. N. потому что она пріѣхала съ нашей стороны; вѣдь Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я *родился*, тамъ много *страдалъ*, и тамъ же былъ *слишкомъ счастливъ!* Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему; но что дѣлать? N. N. сказывала, что еще не стерли со стѣны знаменитую голову.* Жалкое самолюбіе! Вѣсть эта меня обрадовала, да еще какъ! Что за глупая страсть вездѣ отмѣчать чѣмъ нибудь свое пребываніе! Мысль человѣка, хоть бы самую возвышенную, стоитъ ли отпечатлѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ за того только, чтобы сдѣлать ее понятною для другихъ немногихъ людей. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная—такая для нихъ рѣдкость. Я вознамѣрился замучить васъ своими письмами и стихами. Это конечно не по дружески, и даже противно человѣколюбію; но каждый долженъ слѣдовать своему предназначенію. Вотъ еще стихи, которые сочинилъ я на берегу моря (*слѣдуютъ стихи*). Прощайте же, прощайте. Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую: сонъ счастливый, божественный сонъ разстроилъ меня на нынѣшній день.... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Двойникъ жизни, и часто лучшій, нежели дѣйствительная жизнь. Вѣдь я вовсе не раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я осязательно чувствую ея дѣйствительность, она манитъ въ себя, чтобъ я ее наполнилъ! Я никогда не могу отрѣшиться отъ нея на столько, чтобы чистосердечно ее ненавидѣть; потому что жизнь моя — я самъ, я, говорящій теперь съ вами, и могущій черезъ минуту обратиться въ ничто, въ одно имя, т. е. опять таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это *я* послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не могу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи. — Прощайте, не забудьте напомнить обо мнѣ N. N. вѣдь кузина еще не возвратилась.—Скажите пожалуста, отдалъ ли вамъ N. N. мои письма, и какъ онъ вамъ показался? Потому что въ этомъ случаѣ я васъ выбираю моимъ термометромъ. Прощайте. Вашъ преданный . . . P. S. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ небольшой вопросъ; но не рѣшаюсь писать. Коли догадываетесь, хорошо, я буду доволенъ; а нѣтъ— значитъ, если бы я и написалъ, вы бы не могли отвѣчать на этотъ вопросъ.— Это такого рода вопросъ, какой быть можетъ вамъ и не приходитъ въ голову!

* Голову эту Лермонтовъ начертилъ углемъ на стѣнѣ у московскихъ знакомыхъ.

IX.

S.-Pétersbourg, le 23 Décembre. (1835).

Chére amie! — Quoi qu'il arrive, je ne vous nommerai jamais autrement, car ce serait briser le dernier lien, qui m'attache encore au passé,—et je ne le voudrais pour rien au monde; car mon avenir, quoique brillant à l'oeil, est vide et plat. Je dois vous avouer, que chaque jour je m'aperçois de plus en plus, que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie.... car: ou l'occasion me manque ou l'audace!... On me dit: l'occasion arrivera un jour; l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!... Et qui sait, quand tout cele viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à proros? si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait desabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence.

Je commence ainsi ma lettre par une *confession*, vraiment sans y penser! Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon coeur ne l'est pas. La vue seule de votre dernière lettre à déjà été pour moi un reproche, bien mérité certainement. Mais que pourrai-je vous écrire? vous parler de moi? Vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler, où je l'ai lue!—et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!... Je vais dans le monde maintenant.... pour me faire connaitre, pour prouver, que je suis capable de trouver du plaisir dans la *bonne société*... Ah!.. je fais la cour, et à la suite d'une declaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout à fait nouveau, du moins cela se voit rarement!... Vous supposez, qu'on me renvoie aprés cela tout de bon?... Eh bien non, tout au contraire: les femmes sont ainsi faites. Je commence à avoir de l'aplomb avec elles; rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse; je suis toujours empressé et bouillant, avec un coeur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions. N'est-ce pas, j'ai fait du chemin!... Et ne croyez pas, que ce soit une fanfaronade: je suis maintenant l'homme le plus modeste,—et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je le dis, parce que ce n'est qu'avec vous, que j'ose être sincère,—ce n'est que vous

qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais pas votre générosité et votre bon sens, je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie, qui se glisse dans mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bâteau brisé! Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien;—vraiment on devrait en écrivant mettre des notes audessus des mots;—car maintenant lire une lettre c'est comme regarder un portrait: point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!...

J'étais à Царское село, lorsque. . . . . est arrivé. Quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, riant, me serrant les mains l'une l'autre; je suis retourné en un moment à mes joies passées; jai sauté deux années terribles, enfin....

Je l'ai trouvé bien changé.... il est gros comme j'étais alors; il est rose,—mais toujours sérieux, pensant; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue—et Dieu sait de quoi?

Ecrivez-moi de grâce, chère amie, maintenant que tous nos différents sont reglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincére, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse—amitié!...

Je voudrais bien vous revoir encore; au fond de ce dessein, pardonnez, il gît une pensée égoiste: c'est que près de vous je me retrouverais moi-méme, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de devouement; riche enfin de tous les biens, que les hommes ne peuvent nous ôter et que Dieu m'a ôté, lui!

Adieu, adieu—je voudrais continuer, mais je ne puis.

P. S. Mes complimens à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi.... adieu encore.

Переводъ. Милый другъ! Чтобы ни случилось, я все буду называть васъ этимъ именемъ: иначе мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная по видимому, въ сущности пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ; потому что мнѣ либо не выходитъ случая, либо не достаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что слу-

чай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто порукою, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезъ-чуръ не кстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданія, что наконецъ я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія? Такимъ образомъ я начинаю письмо *исповѣдью*, право не думая о томъ вовсе! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ, и покрайней мѣрѣ покажетъ вамъ, что, если характеръ мой нѣсколько измѣнился, сердце осталось тоже. Послѣднее письмо ваше, лишь только я взглянулъ на него, явилось мнѣ упрекомъ, и конечно вполнѣ заслуженнымъ. Но объ чемъ я могу вамъ писать! Говорить о себѣ? Право, я до такой степени избаловался, что когда на меня находитъ дурь любоваться собственными мыслями, я дѣлаю надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ я читалъ ихъ; и отъ этого нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить!... Я теперь бываю въ свѣтѣ, для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*.... Ахъ!... я волочусь, и вслѣдъ за изъясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько; и хотя это не совсѣмъ ново, за то не всѣ такъ дѣлаютъ!... Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность, я всегда искателенъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ рѣшительныхъ случаяхъ. Не правда ли, я проложилъ себѣ дорогу!... И не думайте, чтобъ это было хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и потомъ мнѣ хорошо извѣстно, что этимъ ничего не возмешь у васъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь говорить искренно; потому что только вы одна съумѣете пожалѣть обо мнѣ, не унижая меня, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Если бы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того что сказалъ. Когда-то вы облегчали очень сильную горесть; можетъ и теперь вы пожелаете ласковыми словами отогнать эту холодную иронію, которая неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно! О, какъ желалъ бы я опять васъ увидѣть, съ вами поговорить: мнѣ благотворны были самые звуки вашихъ словъ. Право слѣдовало бы въ письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо тоже что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія; выраженіе неподвижимой мысли; что-то отзывающееся смертью!...

Я былъ въ Царскомъ селѣ, когда пріѣхалъ N. N. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ съ самимъ собою, смѣялся, потиралъ себѣ руки. Въ одну минуту возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ: двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало, наконецъ.... На мои глаза онъ очень перемѣнился.... онъ толстъ, какъ я тогда былъ, у него здоровый цвѣтъ лица, но онъ постоянно задумчивъ и сдержанъ; тѣмъ не менѣе, увидавшись, мы хохотали какъ съумасшедшіе—Богъ вѣсть отчего?.... Пишите мнѣ пожалуста, милый другъ; теперь всѣ наши недоразумѣнія уладились, вамъ нечего больше пѣнять на меня: вѣдь я кажется былъ достаточно

искренень и послушенъ въ этомъ письмѣ, чтобы заставить васъ забыть мое преступленіе противъ дружбы!... Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться; въ сущности это желанія эгоистическое, потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, довѣрчивымъ, богатымъ любовью и преданностью, богатымъ наконецъ всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять, и которыя Богъ у меня отнялъ! — Прощайте, прощайте, хотѣлъ бы еще писать, но не могу. . . . P. S. Поклонитесь всѣмъ, кому сочтете нужнымъ.... Прощайте еще.

.X

31 Мая (1837) съ Кавказа.

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie, ainsi qu'à madame votre soeur les souliers circassiens, que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver. Je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe, à vos trousses, elle vous attrapera peut-être à Londres, à Paris, à Naples, que sais-je,— et toujours dans des endroits, où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi Dieu la garde et moi aussi! J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenètre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore au moment, où j'écris cette lettre, je m'arrète quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants; tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances, je tache de n'en pas faire du tout; je rode chaque jour sur la montagne, ce qui seul a rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais que marcher; ni la chaleur, ni la pluie ne m'arrètent.... Voici à peu près mon genre de vie, chère amie; ce n'est pas fort beau, mais.... dès que je serai guéri, j'irai faire l'expédition d'automne contre les Circassiens, quand l'Empereur sera ici.

Adieu, chère; je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris, à Berlin... Adieu. Tout à vous . . .

P. S. De grâce écrivez-moi et dites, si les souliers vous ont plu.

Переводъ. Исполняю въ точности мое обѣщаніе и посылаю черкескіе башмаки вамъ, милый и дорогой другъ мой, и также сестрѣ вашей; ихъ шесть

паръ, стало быть дѣлежъ можно будетъ сдѣлать мирный; купилъ ихъ, какъ только отыскалъ. Я теперь на водахъ, пью и купаюсь, словомъ, по образу жизни, сталъ похожъ на утку. Дай Богъ, чтобы письмо мое застало васъ еще въ Москвѣ, потому что если оно будетъ путешествовать по Европѣ по вашимъ слѣдамъ, то можетъ быть вы получите его въ Лондонѣ, въ Парижѣ, Неаполѣ, во всякомъ случаѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно вовсе не будетъ для васъ интересно, а этого избави Боже!—У меня здѣсь очень хорошее помѣщеніе, каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ, вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ поскучать покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно таскаюсь по горамъ, и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; постоянно хожу, ни жаръ, ни дождь меня не останавливаютъ.... Вотъ вамъ и описаніе моей жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но.... дайте мнѣ выздоровѣть, и когда здѣсь будетъ Государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ.—Прощайте, милая; желаю вамъ веселиться въ Парижѣ, Берлинѣ. Прощайте, весь вашъ . . . P. S. пожалуста пишите и скажите, понравились ли вамъ башмаки.

XI.

15 Fevrier (1838).

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod. J'attendais jusqu'à présent, qu'il m'arrivat quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu, et je me décide à vous écrire, que je m'ennuie à la mort. Les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir: présentations des visites de cérémonie—vous savez; puis je suis allé chaque jour au spectacle; il est fort bien, c'est vrai, mais j'en suis déjà dégouté. Et puis on me pesrsécute, tous les chers parens! on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. Enfin je suis passablement découragé et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite pour aller n'importe où, que ce soit au régiment, ou au diable; j'aurai au moins alors un prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part, que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire: on dirait, que vous faites la fière;—pour N. N. cela ne m'étonne pas, car il va se marier un des ces jours-ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son coeur une place

pareille a celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou; mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. Въ С.-Петерб. у Пантелеймоновскаго моста на Фонтанкѣ, противъ лѣтняго сада, въ домѣ Венецкой.

2. Въ Новгородскую губернію, въ первый округъ военныхъ поселеній, въ Штабъ Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго Гусарскаго полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on a à faire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez-moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! Si je vous le dis, c'est aussi une preuve, que je vous crois une exception. Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions; c'est quelque chose d'odieux pour moi surtout, qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare ou très peu causante (celle des géorgiennes par ex. car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère amie, écrivez-moi un peu, sacrifiez-vous—écrivez-moi toujours et ne faites pas de ces petites cérémonies,—vous devez être audessus de cela! Car enfin, si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire — deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky et lui ai porté.... Казначейшу, qu'il m'avait demandé et qu'il porta à Wiasemsky pour lire ensemble; cela leur a beaucoup plu—et cela sera inséré au prochain numero du Современникъ. *

Grand-maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское Село, mais c'est parcequ' on le lui a fait espérer, Dieu sait avec quel motif, et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé; quant à moi je n'espère rien du tout.

---

* Между тѣмъ И. И. Панаевъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» увѣрялъ, будто Лермонтовъ былъ *взбѣшенъ* за напечатаніе «Казначейши» безъ его спроса; причемъ Панаевъ даже привелъ цѣлый монологъ Лермонтова, разсказалъ о рисованіи имъ карикатуры на книгѣ «Современника», намѣреніи изорвать ее и пр.

*

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers, que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, mais cela ne prouve rien du tout.

Молитва странника.

Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою, и т. д.

Adieu, chère amie,—embrassez N. N. et dites lui que c'est une honte et dites le aussi à mademoisellc N. N.

Переводъ. Пишу къ вамъ, милый другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. Я все поджидалъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобъ увѣдомить васъ о томъ; но ничего такого не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ это правда, но мнѣ онъ надоѣлъ. Въ добавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я покидалъ службу, хотя оно мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь уже не служатъ. Наконецъ, я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту: тогда по крайней мѣрѣ былъ бы предлогъ къ унынію, а это все же было бы утѣшеніемъ.—Съ вашей стороны вовсе не любезно, что вы всегда ожидаете моего письма, чтобъ писать ко мнѣ; можно подумать, что вы вздумали чваниться. Отъ N. N. это не удивительно, потому что онъ на дняхъ женится на какой-то богатой купчихѣ, какъ говорятъ здѣсь: естественно, что мнѣ нѣтъ надежды занима ь въ его сердцѣ такое же мѣсто, какое онъ отводитъ толстой и важной купчихѣ. Онъ обѣщался писать мнѣ черезъ два дня послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; но можетъ быть онъ забылъ мой адресъ, вотъ ему два (*слѣдуютъ адресы*). Если послѣ этого онъ мнѣ не напишетъ, то я прокляну его и его толстую важную купчиху; я ужъ собираюсь составить формулу моего проклятія. Боже! какъ затруднительно имѣть друзей, которые готовятся къ женитьбѣ.—Пріѣхавши сюда, я нашелъ цѣлый хаосъ сплетней; стараніями моими возстановленъ порядокъ, какой возможенъ между тремя или четырьмя женщинами, у которыхъ въ головѣ безтолочь: простите, что я такъ отзываюсь о вашемъ прекрасномъ полѣ; но, ахъ, вѣдь если я вамъ это говорю, это вамъ еще доказательство, что васъ я считаю исключеніемъ. Возвращаясь домой, я всякій разъ слышу только исторіи, жалобы, упреки, подозрѣнія, заключенія; это просто несносно, особливо для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ женщины рѣдко бываютъ въ обществѣ и вовсе не разговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не знаютъ по русски, а я по грузински).—Прошу васъ, милый другъ, пишите мнѣ немножко, пожертвуйте собою; пишите мнѣ всегда и не соблюдайте этихъ маленькихъ церемоній; вамъ надо быть выше ихъ! Вѣдь если иногда я медлю отвѣтомъ, это право значитъ, что мнѣ либо нечего сказать вамъ, либо у меня много дѣла—оба случая извинительные.—Я былъ у Жу-

ковскаго и по его желанію отнесъ ему *Казначейшу*. Онъ читалъ ее съ Вяземскимъ, и она имъ понравилась; ее напечатаютъ въ ближайшей книжкѣ Современника.—Бабушка надѣется, что меня скоро перевелутъ въ гусары въ Царское-Село; ей это обѣщали Богъ знаетъ зачѣмъ: оттого она не соглашается, чтобъ я вышелъ въ отставку; что до меня, то я ровно ни на что не надѣюсь.—Въ заключеніе этого письма посылаю вамъ стихи, которые попались мнѣ въ моихъ дорожныхъ бумагахъ; они мнѣ довольно нравятся, именно потому что я ихъ забылъ; но это ровно ничего не доказываетъ (*слѣдуютъ стихи*). Прощайте, милый другъ; поцѣлуйте N. N. и скажите, что ему стыдно; то-же скажите m-lle N. N.

XII.

(1838).

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les votres, aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre: il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous mais vous vous tromperez. Je sais, que vous êtes persuadée, que vos lettres me font un grand plaisir, puisque vous employez le silence comme punition, mais je ne mérite pas cette punition, car j'ai constamment pensé à vous; preuve: j'ai demandé un semestre d'un an—refusé, de 28 jours—refusé, de 14 jours—le Grand Duc a refusé de même. Tout ce temps j'ai été dans l'espérence de vous voir. Je ferai encore une tentative—Dieu veuille, qu'elle réussisse. Il faut vous dire, que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez, quand vous saurez, que je vais chaque jour au bal: je suis lançé dans le *grand-monde*. Pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries, les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent comme d'un triomphe. Néanmoins je m'ennuie.—J'ai demandé d'aller au Caucase—refusé; on ne veut pas même me laisser tuer!—Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraitront-elles pas de bonne fois; peut-être vous paraitra-t-il êtrange, qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons, quand on n'y trouve rien d'intéressant? Eh bien, je vous dirai mon motif. Vous savez que mon plus grand dèfaut c'est la vanité et l'amour propre: il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société comme novice; je n'y suis pas parvenu, les portes aristocratiques se sont fermées pour moi; et maintenant j'entre dans cette même société

non plus en solliciteur, mais en homme, qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité, on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes, qui tiennent à avoir un salon remarquable, veulent m'avoir, car je suis un *lion*, oui, moi, votre Michel, bon garçon, auquel vous n'avez jamais cru une crinière. Convenez que tout cela peut enivrer; heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver tout cela par trop insupportable. Mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu' elle m'a donnée des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera), j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicule. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que ce soit, et puis avec vous je parle comme avec ma conscience,—et puis c'est si doux de rire sous cape des choses briguées et enviées par les sots, avec quelqu'un, qui, on le sait, est toujours pret à partager vos sentiments. C'est de vous, que je parle, chère amie, le vous le répéte, car ce passage est tant soit peu obscur. Mais vous m'écrirez, n'est ce pas? Je suis sur, que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave. Etes vous malade? y-a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend votre réponse qui j'espère sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage. Adieu, chère amie, peut-être, si Dieu veut me recompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle. Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié! Toutà vous.

Переводъ. Уже давно я не писалъ къ вамъ, милый добрый другъ, и не получалъ извѣстія ни объ вашей милой особѣ, ни обо всѣхъ вашихъ. Надѣюсь же, что поэтому вы не замедлите отвѣтомъ на это письмо. Пошлая фраза, скажите вы, и ошибетесь. Вѣдь вы убѣждены, что письма ваши доставляютъ мнѣ великое удовольствіе; оттого-то вы и употребляете молчаніе вмѣсто наказанія; я его не заслуживаю, потому что постоянно объ васъ думалъ. Вотъ доказательства: я просился въ полугодовой отпускъ — мнѣ отказали; на двадцать восемь дней—отказано; на четырнадцать дней—великій князь опять отказалъ. Все это время я надѣялся васъ видѣть. Попытаюсь еще разъ; дай Богъ, чтобъ удалось.—Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали на перерывъ. Это покрайней мѣрѣ искренно. Весь народъ, который

я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ—отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили. Можетъ быть эти жалобы покажутся вамъ не искренними. Можетъ быть вы найдете страннымъ, искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостиннымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ взявшимъ съ бою права свои. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостинныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже левъ; да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; къ счастію меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало по малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна, она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низостей и странностей какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня сочтутъ чрезвычайно смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своею совѣстію. Оно же очень пріятно изъ подтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ. Вы мнѣ напишите, не-правдали? Вы мнѣ не писали вѣрно по какой нибудь важной причинѣ. Здоровы ли вы? нѣтъ ли у васъ больныхъ въ домѣ? Боюсь, мнѣ что-то такое говорили. На слѣдующей недѣли жду вашего отвѣта, и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма, и ужъ навѣрно лучше написанъ. Боюсь, что не разберете моего маранья. Прощайте, милый другъ; можетъ быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу полугодовой отпускъ, и тогда во всякомъ случаѣ дождусь положительнаго отвѣта. Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ *и пр.*

XIII. *

Ваше превосходительство милостивый государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ де-Барантомъ, честь имѣю донести вашему провосходительству, что 16 февраля (1840 г.), на балѣ у графини Лаваль, господинъ де-Барантъ сталъ требовать у меня объясненія на счетъ (будто бы) мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все

* Генералъ-маіору Н—ну, начальнику Лермонтова.

Пятигорску

ему передано несправедливо; но такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостію, на что онъ сказалъ, что еслибъ онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести также строго, какъ и вездѣ, и что мы не меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. Тогда онъ меня вызвалъ и мы, условившись, разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 час. утра, съѣхались мы за Черною Рѣчкою близъ парголовской деревни. Его секундантомъ былъ французъ, имени котораго я не помню и котораго никогда доселѣ не видалъ. Такъ какъ господинъ де-Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я и предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился и онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ о всемъ случившемся между нами. Съ истинною преданностію имѣю честь пребыть вашего превосходительства покорный слуга Михаилъ Лермонтовъ.

XIV. *

Отлучился я въ С.-Петербургъ съ позволенія полковаго командира. Обстоятельство, по которому г. де-Барантъ, сынъ французскаго посланника при дворѣ Его Императорскаго Величества, требовалъ у меня объясненія, состояло въ томъ, что правда ли, будто я говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ? Колкости же его и мои заключались въ слѣдующемъ смыслѣ: когда я на вопросъ де-Баранта сказалъ, что никому не говорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость; ибо онъ прибавилъ, что все-таки, если переданные ему сплетни справедливы, то я поступилъ весьма дурно. На это я отвѣчалъ, что совѣтовъ и выговоровъ я не принимаю и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. О нашемъ разговорѣ и вызовѣ г. де-Баранта изъ бывшихъ на балѣ никто не слыхалъ, сколько

* Дополнительное показаніе о дуэли тому-же генералу.

мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ,—а далѣе все было такъ, какъ изложено въ моемъ письмѣ. Секундантомъ съ моей стороны былъ отставной поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Столыпинъ, а не донесъ я начальству о случившемся, потому что дуэль не имѣла пагубныхъ послѣдствій.

XV. *

– Сего 22 марта я просилъ письмомъ графа Браницкаго 2-го сказать барону Эрнесту де-Баранту, что я желаю его видѣть сего же числа въ 8 часовъ вечера, ибо до меня дошли слухи, что онъ говорилъ въ городѣ, будто я неправильно показалъ, что выстрѣлилъ въ сторону не цѣля и что онъ этимъ недоволенъ. Въ 8-мь часовъ вечера, я вышелъ въ коридоръ, между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, какъ будто за нуждою, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, который ведетъ и на верхъ въ коммиссію. Я спросилъ его: правда ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля.» Тогда я отвѣтилъ, что говорю это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу, но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я тогда буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того желаетъ. Послѣ сего де-Барантъ, отвѣтивъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ.

XVI. **

+ Ваше императорское высочество! Выписанный по приговору военнаго суда тѣмъ же чиномъ въ армію, неся гнѣвъ Государя Императора и Вашъ, я съ благоговѣніемъ покоряюсь судьбѣ моей, цѣня въ полной мѣрѣ вину мою и справедливость заслуженнаго наказанія. Я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступокъ. Но получивъ при-

* Еще дополнительное показаніе.

** Къ Великому Князю Михаилу Павловичу.

казаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, къ неописанной моей горести, что на мнѣ лежитъ не одно обвиненіе за дуэль съ господиномъ Барантомъ и за приглашеніе его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ дорожащій своею честію, офицеръ имѣвшій счастіе служить подъ высокимъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Графъ Бенкендорфъ изволилъ предложить мнѣ написать письмо къ господину Баранту, въ которомъ бы я просилъ у него извиненія въ ложномъ моемъ показаніи на счетъ моего выстрѣла.

Ваше Императорское Высочество! хотя не имѣю болѣе счастія служить подъ командой Вашею, но нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высокой Вашей защитѣ. Великодушное сердце Ваше позволитъ мнѣ сказать Вамъ со всею откровенностію: могла быть ошибка или недоразумѣніе въ словахъ моихъ или моего секунданта,—личнаго объясненія у меня при судѣ съ господиномъ Барантомъ не было,—но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему Императорскому Высочеству осмѣливаюсь повторить сказанное мною въ судѣ: я не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ господина Баранта, не метилъ въ него, выстрѣлилъ въ сторону, и это готовъ подтвердить честью моею. Въ доказательство намѣренія моего не стрѣлять въ господина Баранта служитъ то, что когда секундантъ мой Столыпинъ подалъ мнѣ пистолетъ, я ему сказалъ по-французски: je tirerai en l'air.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я однако осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите войти въ мое трудное положеніе и защитить меня отъ незаслуженнаго обвиненія.

Съ благоговѣйною преданностію имѣю счастіе пребывать Вашего Императорскаго Высочества всепредданнѣйшій Михаилъ Лермонтовъ. Тенгинскаго полка поручикъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

—

1) *Ангелъ.* (стр. 1). Стихотвореніе это въ первый разъ было напечатано въ «Одесскомъ Альманахѣ» 1840 года. Въ собственноручной тетради Лермонтова послѣ 3-й строфы, была писана еще строфа откинутая имъ въ печати:

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

Начало слѣдующей за этою строфы было:

Съ тѣхъ поръ, неизвѣстнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она.

2) *Демонъ. Восточная повѣсть.* (стр. 2). Начало этой поэмы извѣстно, именно 1829 годъ; но когда она окончательно отдѣлана авторомъ—неизвѣстно. Писалъ онъ ее будучи въ университетѣ, потомъ въ юнкерской школѣ, какъ видно изъ свидѣтельства г. Плаксина (Сборн. статей въ память Смирдина, 1858). 1834 годъ, который выставленъ надъ этой поэмой, только приблизительный. Въ этомъ году Лермонтовъ оставилъ юнкерскую школу. Г. Меринскій («Атеней» 1858, № 48) говорилъ что «Демонъ» написанъ Лермонтовымъ въ 1830 и 1831 г., но что эта первоначальная рукопись *впослѣдствіи исправлена и передѣлана.*—Только по отпечатаніи первыхъ листовъ этого тома, въ ноябрѣ 1871 г., при личномъ свиданіи съ г. Меринскимъ, мы узнали отъ него, что въ послѣдней своей редакціи «Демонъ» сталъ извѣстенъ кружку, близкому къ Лермонтову, не ранѣе 1838 года. Г. Шаповаловъ («Москвитянинъ 1855, № 6) говорилъ, что экземпляръ «Демона», которымъ онъ владѣетъ, писанъ рукою Лермонтова и помѣченъ 1831 г. А. Н. Аѳанасьевъ («Библ. Зап.» 1859, № 12) замѣчалъ, что рукопись автора, помѣченная 1831 г., должна быть отнесена къ юношескимъ произведеніямъ. Послѣ того она нѣсколько разъ передѣлывалась, такъ что по своей оконченности, изобразительности и достоинству стиха, послѣдняя редакція далеко отстоитъ отъ первой.—И такъ, годъ окончанія поэмы, по позднѣйшему отзыву г. Меринскаго, оказывается 1838-й.

3) *Вѣтка Палестины* (стр. 40). А. Н. Муравьевъ указываетъ, что стихотвореніе это написано было въ его образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, тамъ стоявшихъ. Лермонтовъ ждалъ въ этой комнатѣ г. Муравьева, отправившагося по его просьбѣ къ начальнику III Отдѣленія Собств. Канцеляріи

ходатойствовать по дѣлу, о стихахъ на смерть Пушкина. (Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ. 1871).

4) *Еврейская мелодія.* (стр. 41). Передпослѣдній стихъ исправленъ по 1-му изданію: грозный вм. *грустный.*

5) *На смерть Пушкина.* (стр. 43). Черезъ нѣсколько дней послѣ дуэли и смерти Пушкина Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе, заключивъ его стихомъ: «И на устахъ его печать». Оно разошлось по городу. Вскорѣ послѣ того заѣхалъ къ нему одинъ изъ его родственниковъ изъ высшаго круга (Н. А. Ст.) У нихъ завязался разговоръ объ исторіи Дантеса (бар. Геккернъ) съ Пушкинымъ, причемъ пріѣхавшій господинъ во всемъ обвинялъ Пушкина и оправдывалъ Дантеса. Лермонтовъ спорилъ, горячился и, когда тотъ уѣхалъ, тотчасъ же написалъ добавочные стихи. Въ тотъ-же день вечеромъ г. Меринскій, зайдя къ Лермонтову, услышалъ отъ него этотъ разсказъ и списалъ стихи, потомъ списали ихъ многіе изъ товарищей и знакомыхъ Лермонтова—и они пошли по рукамъ.

Вскорѣ послѣ того, на одномъ многолюдномъ вечерѣ извѣстная въ то время старуха и большая сплетница А. М. Хитрова при всѣхъ обратилась съ вопросомъ къ гр. Бенкендорфу: «Слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что написалъ *про насъ* Лермонтовъ?» Б. прежде нея, вѣроятно, зналъ о томъ и не находилъ ничего важнаго; но тутъ, говорятъ, онъ сказалъ: «ужъ если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить....» Вслѣдствіе этого былъ посланъ начальникъ главнаго штаба, Веймарнъ, чтобъ осмотрѣть бумаги Лермонтова въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ не нашелъ поэта, жившаго большею частію въ Петербургѣ, а нашелъ нетопленую квартиру и пустые ящики въ столахъ. Лермонтовъ вскорѣ былъ отправленъ на Кавказъ. * Въ первый разъ это стихотвореніе, до заключительныхъ стиховъ, было напечатано съ автографа въ «Библ. Записках» (1858, № 20), причемъ приведено 11 мелкихъ варіантовъ или, собственно, исправленій. Заключительные стихи напечатаны со списковъ, ходившихъ по рукамъ и поэтому болѣе или менѣе искаженныхъ. Теперь чтеніе ихъ возстановлено по списку сдѣланному съ автографа.

6) *Узникъ.* (стр. 63). Четыре заключительные стиха первой строфы сначала были написаны:

Чтобъ я съ ней по чисту полю
Ускакалъ на томъ конѣ;
Дайте волю, волю, волю —
И ненадо счастья мнѣ!

7) *Молитва.* (стр. 64). Во *всѣхъ* изданіяхъ печатался стихъ «сердцу незлобному *міръ* упованія». Нынѣ онъ исправленъ по опечаткамъ, приложенныхъ къ изд. 1841 г., сдѣланному самимъ Лермонтовымъ.

* Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ письма г. Меринскаго. Недавно подробный разсказъ объ этомъ-же напечатанъ въ брошюрѣ А. Н. Муравьева: «Знакомство съ русскими поэтами» (Кіевъ. 1871).

8) *Дума.* (стр. 66). 12-й стихъ былъ напечатанъ въ «Библ. Записках» (1861, № 3) неправильно: «Безсилья жалкаго рабы». Нами онъ взятъ изъ списка съ автографа Лермонтова. Въ другомъ-же сообщенномъ намъ спискѣ, но не съ автографа, 11 и 12 стихи читаются:

Предъ подвигомъ добра постыдно-малодушны,
И передъ властію ничтожные рабы.

9) *Памяти А. И. Одоевскаго.* (стр. 74). Съ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ Лермонтовъ познакомился уже на Кавказѣ, гдѣ тотъ служилъ, съ 7 ноября 1837 года, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, на бывшей Лезгинской кордонной линіи. Онъ умеръ отъ горячки, 10 октября 1839 года, во время экспедиціи, на р. Субаши, на восточномъ берегу Чернаго Моря, въ походной палаткѣ.

Въ сохранившемся черновомъ наброскѣ этого стихотворенія вмѣсто первыхъ пяти стиховъ третьей строфы первоначально было написано:

Онъ былъ мой другъ! ужъ нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пустъ спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Нетронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

Вмѣсто семи заключительныхъ стиховъ четвертой строфы было написано:

Какъ отгадать, что можетъ въ мигъ такой
Исполнить сердце, жившее такъ много
И такъ надолго смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять,
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья,
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье...

Въ окончательно-отдѣланное стихотвореніе вошли и стихи, набросанные еще въ 1832 г. и составлявшіе часть инаго стихотворенія. См. 5-е письмо Лермонтова, на стр. 342 настоящаго изданія.

10) *Мцыри.* (стр. 77). Дополненія въ строфахъ VIII и XXV взяты нами изъ собственноручной тетради Лермонтова. Поэма названа *Бэри* и оговорено, что *Бэри* по-грузински значитъ монахъ. Изъ сравненія этой рукописи съ напечатаннымъ текстомъ оказывается:

Въ XX строфѣ (стр. 92) послѣ 10-го стиха первоначально было написано:

Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И страшно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ —

Большаго колокола звокъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ;
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ
И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ
Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
И на рѣшотчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ...
О, какъ туда хотѣлось мнѣ,
Отъ мрака кельи и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
Я слезы горькія глоталъ
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу Тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины—тюрьму...

Послѣдніе 18 стиховъ были замѣнены другими, тоже потомъ перечеркнутыми:

О Боже! думалъ я: зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что̀ далъ ты всѣмъ —
И крѣпость силъ, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть,
Зачѣмъ ты умъ наполнилъ мой
Неизъяснимою тоской
По дикой волѣ—и къ чему
Ты на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!
Ты мнѣ желаннаго пути
Не указалъ во тьмѣ ночной!
И нынѣ я — какъ волкъ ручной...
Такъ я роптalъ. То былъ, старикъ,
Отчаянья безумный крикъ,
Страданьемъ вынужденный стонъ...
Скажи? Вѣдь буду я прощенъ?...
Я былъ обманутъ въ первый разъ!
Но сей мучитель каждый часъ
Надежду темную дарилъ;
Молился я, и ждалъ, и жилъ.

Строфа XXI (стр. 93), до окончательнаго исправленія ея, начиналась такъ:

О, я узналъ тотъ вѣщій звонъ!
Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ
Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорятъ,
Такъ въ жилахъ разливаетъ хладъ...
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
Свое ничтожество постигъ,
И задушилъ въ груди моей
Слѣды надежды и страстей,
Какъ душитъ оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей...
— Скажи, я слабою душой
Не заслужилъ-ли жребій свой?...

Въ XXIII строфѣ (стр. 95—97), послѣ говора рыбки, была написана еще одна греза, тоже потомъ уничтоженная:

Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ,
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой бурною толпой
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудитъ,
Какъ будто тысяча копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнію вокругъ,
И вижу — кто-то на конѣ,
Взвивая прахъ, летитъ ко мнѣ,
За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной шеломъ
Обернутъ бѣлымъ башлыкомъ,
И подъ кольчугою надѣтъ
На каждомъ красный былъ бешметъ.
Сверкали гордо ихъ глаза!

И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ,
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
Послѣдній ѣхалъ мой отецъ...
И вотъ кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня
И тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей,
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И сталъ онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;
Но я какъ будто-бы приросъ
Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ,
Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ
И ничего не отвѣчалъ.

Въ нынѣшнемъ изданіи 17-й ст. въ XV и 1-й ст. въ XVI строфѣ исправлены по рукописи Лермонтова.

11) *Журналистъ, читатель и писатель* (стр. 102). Уже по напечатаніи этого стихотворенія, мы получили подлинную рукопись Лермонтова. Стихотвореніе написано на листѣ сѣрой бумаги, съ помѣтою въ концѣ: «С.-Петербургъ. 21 Марта 1840. Подъ арестомъ на арсенальной гаубтвахтѣ»*). Приводимъ варіанты этой рукописи:

Обдумать *рѣзкое* творенье (стр. 102, ст. 9).
Всѣ *на войну* неслись душою
Взывали съ тайною *тоскою* (103, ст. 3 — 4).
Она, *хоть можетъ быть* чиста,
Но какъ-то страшно безъ перчатокъ (103, 11 — 12).
И въ ри*ѳ*махъ *частый* недочетъ.
Откроешь прозу — переводъ (103, 18 — 19).
Читалъ я. *Громкія* нападки (104, 1).
Владѣетъ онъ *пріятнымъ* слогомъ (ib. 3 снизу).
Чтобъ ядъ пылающей страницы
Нарушилъ сонъ отроковицы
И сердце юноши увлекъ (106, 3 — 5 снизу).

12) *И скучно и грустно* (стр. 109). Въ 4-мъ стихѣ слово *всѣ* исправлено по изданію 1841 г.

---

*) Сюда Л. переведенъ 17 марта 1840 г. изъ ордонансъ-гауза, ибо тамъ комнаты понадобились для другихъ.

13) *Сосна* (стр. 112). По напечатаніи этого стихотворенія мы нашли автографъ его въ Публ. Библіотекѣ, написанный карандашомъ въ черновомъ альбомѣ. Первый стихъ читается въ немъ: «на сѣверѣ *дальномъ* стоитъ одиноко», при чемъ отмѣченное курсивомъ слово добавлено сверху стиха и не замѣняетъ никакого зачеркнутаго.

14) *На свѣтскія цѣпи* (стр. 112). Написано къ кн. Марьѣ Алексѣевнѣ Щербатовой, впослѣдствіи Г. Лутковской, рожденной Штеричъ. Исправляемъ *опечатку*, вкравшуюся почти во всѣ, въ томъ числѣ и въ нынѣшнее изданіе; Именно стихъ 2-й, во 2-й строфѣ: «На ней *сохранилась примѣта*.» Равно просимъ исправить опечатку, къ сожалѣнію тоже невыправленную при печатаніи, именно стр. 113 ст. 5: «Какъ *племя* родное.»

15) *Любовь мертвеца* (стр. 113). Подлинный автографъ наконецъ отысканъ нами въ рукописяхъ Публ. Библіотеки и по немъ исправлено чтеніе 1-го стиха 3-й строфы. Стихотвореніе первоначально было озаглавлено: «Новый мертвецъ», а потомъ: «Живой мертвецъ».

16) *Александрѣ Осиповнѣ Смирновой* (стр. 115), рожденной Россетти. Къ ней-же писали посланія Пушкинъ и Жуковскій и письма Гоголь (калужской губернаторшѣ, въ «Перепискѣ съ друзьями»). Ея воспоминанія напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ». Первоначальная редакція посланія Лермонтова была помѣщена въ «Библ. Записках» (1858, № 6):

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать васъ я желалъ,
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ—я слушать васъ хочу;
Но, мо́лча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской,
Нѣтъ, не впишу я ничего,
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ не искусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было-бы смѣшно,
Когда-бы не было такъ грустно!...

17) *Къ портрету гр. Александры Кириловны Воронцовой-Дашковой* (стр. 115). Въ рукописи было озаглавлено: «Портретъ свѣтской женщины». Вмѣсто 3 и 4 стиха первой строфы было написано:

Глаза говорятъ какъ слова
И блещутъ обманчивымъ свѣтомъ.

Третья строфа тоже была написана иначе:

Лицо ея будто стекло—
Не скроетъ и радость и горе;

Въ умѣ ея вѣчно свѣтло,
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

18) Слѣдующее за тѣмъ стихотвореніе (стр. 116) написано къ *Маріи Павловнѣ Соломирской*, а слѣдующее за нимъ—въ альбомъ *Ивану Петровичу Мятлеву*, автору «Сенсаціи М-me Курдюковой». Стихотворенія-же взятаго изъ альбома *Софьи Николаевны Карамзиной* (стр. 117) мы достать въ рукописи *не могли* и пропускъ остался поэтому не возстановленнымъ.

19) *Слышу-ли голосъ* (стр. 118). Рукопись въ Чертковской библіотекѣ. Вар. 3 и 4 ст. «Какъ птичка въ клѣткѣ сердце запрыгаетъ.» Ст. 7: «Душа на встрѣчу имъ.» На одномъ листкѣ съ этимъ стих. набросанъ неизданный отрывокъ: «Я въ Тифлисѣ» и пр.

20) *Есть рѣчи* (стр. 119). Въ нѣкоторыхъ спискахъ только первая и послѣдняя строфа оставлены безъ перемѣнъ, находящіяся-же между ними читаются такъ:

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья.
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...

Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ божіимъ свѣтомъ
Душа озарится.

Средь шума мірскова
И гдѣ я ни буду.
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду.

21) *Послѣднее новоселье.* (стр. 122). Черновой набросокъ карандашомъ находится нынѣ въ числѣ рукописей Публичной Библіотеки.

22) *Кинжалъ* (стр. 124). Автографъ въ Чертк. библ. Это черновой набросокъ съ значительными варіантами: Ст. 1: «Мы не разстанемся, любезный мой кинжалъ.» 4: «Точилъ на *вольный* бой тебя черкесъ свободный.» 5: Мнѣ *поднялa*.» 15: *Я* буду твердъ душой и пр. На оборотѣ написано стихотвореніе «Она поетъ», которое поэтому слѣдовало бы тоже отнести къ 1841 г. (т. 2, 156).

23) *Парусъ* (стр. 125). Почему это стихотвореніе отнесено всѣми изданіями къ 1841 г. неизвѣстно, но что оно написано гораздо ранѣе видно изъ письма на стр. 348 этого же тома.

24) *Желаніе* (стр. 126). Въ рукописи Чертковской библіотеки варіанты: ст. 17: въ буйномъ *спорѣ* и 24: въ залѣ *мраморной*. Написано на одномъ листѣ къ стих. «Два великана» (т. 2, 157), слѣд. или оба стих. 1836 г. или оба 1841 г.

25) *Это случилось* (стр. 130). Стихотвореніе *подобнаго* характера, но очень плохое по стиху и, конечно, не принадлежащее перу Лермонтова, напечатано Г. Данилевскимъ съ именемъ Лермонтова въ „Русскомъ Архивѣ“ (1864, № 10).

Оно будто-бы продиктовано на память какимъ то кавказскимъ офицеромъ. Это уже во второй разъ кавказскіе офицеры оказали такую услугу Лермонтову: они-же продиктовали Н. Ѳ. Щербинѣ стихи, помѣщенные имъ съ именемъ Лермонтова въ „Сборникѣ статей въ память Смирдина“ (Т. III. стр. 356—358).

26) *Казбеку* (стр. 131). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1860, № 8) Г. Лонгиновъ (но на Г. Лонгинова *полагаться* не совѣтуемъ) указываетъ будто въ 1843 г. нѣкоторыя бумаги Лермонтова находились у Льва Ив. Арнольди (братъ А. О. Россетти, по матери), который дѣлалъ изъ нихъ *выборку* вмѣстѣ съ М. И. Поповымъ, для приготовлявшагося тогда къ печати дополнительнаго тома сочиненій Лермонтова. Стихотвореніе *„Казбеку“* перерывалось на стихахъ:

О, если такъ.... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй...

М. И. Поповъ *придѣлалъ* два заключительные стиха. Однако въ Чертковской библіотекѣ мы нашли *именно этотъ* автографъ, безъ заглавія «Казбеку», но весь писанный рукою Лермонтова, включая и два послѣдніе стиха; слѣд. разсказъ г. Лонгинова относится къ разряду вымысловъ.

Въ тѣхъ-же бумагахъ было стихотвореніе *„Наводненіе“*, до сихъ поръ неизданное и неизвѣстно гдѣ находящееся теперь. Вотъ его начало:

И день насталъ—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы.

27) *Я не хочу* (стр. 132). Рукопись въ Чертк. библ., безъ варіантовъ, на одномъ листѣ къ стих. «*Не смѣйся*» (стр. 133) и на особомъ листкѣ, но тѣмъ же почеркомъ: «*Гляжу на будущность*» (стр. 133), при чемъ рукой Л—ва назначено переставить стихи 5—7 послѣ стиховъ 8—10. На оборотѣ написано начало «*Казначейши*», слѣд. эти стихотворенія написаны ранѣе 1841 г., именно около 1836—1838.

28) *Бѣлецъ* (стр. 135). Рукопись въ Чертк. библіотекѣ, безъ варіантовъ.

29) *Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный* (стр. 139). Написано Аннѣ Григ. Хомутовой на ея встрѣчу съ поэтомъ-слѣпцомъ Ив. Ив. Козловымъ (см. его стихотвореніе: „къ другу весны моей“). Напечатано въ „Молодикѣ“ 1844 г. и по автографу въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г. (№ 7, стр. 1051).

30) *Казотъ* (стр. 140). Рукопись въ Чертк. библіотекѣ, безъ варіантовъ, но заглавія и выставленныхъ точекъ нѣтъ; написано на одномъ листкѣ съ стих. «Памяти Одоевскаго» (1839).

31) *Валерикъ* (стр. 141). Къ сожалѣнію мы не могли доискаться рукописи этого стихотворенія, напечатаннаго уже по смерти поэта до *крайности небрежно* (Утр. Заря 1843, стр. 66). По черновому отрывку, сохранившемуся въ одномъ изъ альбомовъ поэта, мы исправили одинъ стихъ (5-й снизу стр. 142) и добавили слѣдующій за нимъ. За тѣмъ, поправляя никакъ не Лермонтова, а безграмотнаго издателя его стихотворенія, мы рѣшились по смыслу стиховъ сдѣлать небольшія отступленія. Именно мы позволили себѣ измѣнить слѣдующіе

стихи прежнихъ изданій, *явно* неправильные или неточно прочитанные издателемъ „Утр. Зари“, такъ что одно мѣсто на 145-й стр. вовсе даже было лишено смысла:

Но слезы падали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью на шинели;
Спиною къ дереву лежалъ
Ихъ капитанъ.... (145, 3—6 снизу).
И дымъ ихъ то вился *кругомъ* (стр. 144, ст. 20).

и риѳма предыдущаго стиха тоже: «кругомъ».

«Не слышу...» Долго онъ *шепталъ* (146, 6).

и риѳма тоже „шепталъ“, чего у Лермонтова никогда не встрѣчается, т. е., чтобы *вмѣсто риѳмы* повторялось *тоже самое* слово. Мы также поставили точки при стихахъ, къ которымъ не достаетъ риѳмующихъ стиховъ, вѣроятно, опущенныхъ не по цензурнымъ требованіямъ, а просто по небрежности:

Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой (144, 15).
Ручей тѣлами запрудили (145, 23).
Синѣлъ въ дыму пороховомъ (146, 24).

Познакомившись близко съ манерою поправокъ въ черновыхъ рукописяхъ Лермонтова, вписывавшаго поправки иногда *надъ* стихомъ, иногда *подъ* стихомъ, а нерѣдко (по ошибкѣ или недостатку мѣста) черезъ стихъ, мы полагаемъ что въ 15-й стихъ на стр. 146 попала поправка изъ стиха 17-го и одинъ стихъ вовсе пропущенъ въ печати, такъ что указанное мѣсто, по видимому, надо-бы читать такъ:

И понесли...
Уже тѣла
Изрубленныхъ стащили въ кучу....
. . . . . .
Затихло все... Кровь потекла и пр.

Просимъ исправить и нашу опечатку на стр. 143, ст. 1: «*Творитъ*, не подымая глазъ.»

32) *Сказка для дѣтей* (стр. 148). Исправленія сдѣланы по черновой рукописи, съ которой стихотвореніе это было напечатано въ первый разъ уже по смерти поэта. Вѣроятно, издатель тогда не разобралъ поправляемыхъ нами стиховъ или (что хуже) самовольно ихъ переправилъ такъ:

Въ *молитвахъ* я подслушивалъ упрекъ (151, 25).
Или, скорѣй, какъ *блѣдный* цвѣтъ подснѣжный (153, 4).
И вдалекѣ мечты ея *блуждали* (ib. 10).
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то *странно* было (ib. 13).
Надъ *бѣдною* головкою туманной (ib. 26).

33) *Послѣднія стихотворенія* (стр. 156—168). Изъ этихъ стихотвореній при жизни поэта напечатано было только одно: *Споръ* (Москвитянинъ, 1841). Прочія найдены были слѣдующимъ образомъ. Кн. Вл. Ѳед. Одоевскій, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Лермонтова изъ Петербурга, подарилъ ему записную

книгу съ бѣлыми листами, надписавъ на ней: „Поэту Лермонтову дается эта книга съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее самъ и всю исписанную. К. В. Одоевскій. 1841. Апрѣля 13-е. С. Петербургъ.“ Лермонтовъ обѣщалъ и то и другое—поѣхалъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ, а 15-го іюля уже былъ убитъ Мартыновымъ. Книга однако, хотя и черезъ долгое время, была доставлена кн. Одоевскому, который и замѣтилъ на ней: «Сія книга покойнаго Лермонтова возвращена мнѣ Екимомъ Екимовичемъ Хостатовымъ, 30 Декабря 1843. Кн. В. Одоевскій.» Она исписана карандашомъ и чернилами: карандашомъ написаны стихотворенія на черно, съ одной стороны книги, а чернилами они переписаны съ другой ея стороны на бѣло, съ значительными впрочемъ поправками, въ томъ самомъ порядкѣ, который и данъ имъ въ *нынѣшнемъ* изданіи. Всѣхъ полныхъ стихотвореній 12, изъ которыхъ одно французское, которое нельзя прочитать, потому что карандашъ почти стерся.

Вотъ подробное описаніе этой рукописи.

На 1-й страницѣ, со стороны, занятой черновыми карандашными набросками, написано «адресъ». На 2-й: «Погодину». «Кашинцевъ», и затѣмъ: «Да кто-же ты, ради Бога?—Что-съ? отвѣчалъ старичокъ, примаргивая однимъ глазомъ.—Штосъ! повторилъ въ ужасѣ Лугинъ». Потомъ: «Шулеръ имѣетъ разумъ въ пам.... банкъ.... скоропостижная....» На оборотѣ начато и оканчивается на 5-й стр. стихотвореніе „Пророкъ“. На 6-й стр. набросано начало стихотворенія, въ которомъ мы подчеркиваемъ слова, напечатанныя въ прежнихъ изданіяхъ иначе:

Лилейной рукой поправляя
Едва *пробившійся* усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Кангаръ молодой *туксусъ*.

На 7-й страницѣ:

1.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ *Ахметъ*-Ибрагимъ
И, руки скрестивши, татары
Стояли мо̀лча *предъ* нимъ.

2.

И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!

3.

(Кромѣ цифры 3 ничего нѣтъ).

На 8-й стр. ничего не написано, а 9—10 заняты черновымъ наброскомъ стих. «Мнѣ снилась разъ долина Дагестана». Стр. 11—13: «Тамара» и на послѣдней еще «Они любили» и пр. На 14-й набросано карандашомъ и обведено чернилами: «*У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ* и будущемъ. Сказывается сказка: Еруслань Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжкаго сна, и всталъ и

пошелъ.... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и *семдесятъ* богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать.... Такова Россія». Вслѣдъ за этимъ начинается и оканчивается на 15-й стр. стихотвореніе: «Зеленый листокъ оторвался». Стр. 16—19 заняты стих. «Ужъ за горой дремучею». На 20-й французское стихотвореніе. На 21-й: «Нѣтъ не тебя такъ пылко я люблю». 22-я оставлена бѣлою, а на 23-й написано чернилами одно слово: «Смирновой».

Если обернуть эту книжку-альбомъ другою стороною, то на 1-й стр. встрѣчаемъ надписи кн. Одоевскаго, приведенныя выше, и рукою Лермонтова карандашомъ: «19 Мая—буря». На 2-й стр. рукою-же кн. Одоевскаго: «Эти выписки имѣли отношеніе къ религіознымъ спорамъ, которые часто подымались между Лермонтовымъ и мною. 1857. Кн. В. Одоевскій». На 3 и 4 стр. помѣщены и самыя выписки, сдѣланныя рукою князя, изъ евангелиста Іоанна и ап. Павла. За тѣмъ начинаются уже стихи, написанные рукою Лермонтова. Сначала набросаны карандашомъ отрывки изъ стих. «Споръ», а потомъ и все это стихотвореніе, оканчивающееся на 7 стр. и переписанное чернилами на стр. 9—11. Изъ этого текста, мы внесли поправку въ стихъ 5 (стр. 157) «*берегися*» вм. прежняго «*берегитесь*». Есть и еще варіантъ: въ *дикой мглѣ* твоихъ ущелій (стр. 156). На 8-й стр. чернилами написано: «Востокъ». На 12-й стих. «Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана». На 13-й: «Утесъ» и «Они любили другъ друга», при чемъ надъ послѣднимъ стихотв. поставлены эпиграфомъ два стиха изъ Гейне: «Sie liebten sich beide» и пр. На 14—15-й стр. помѣщено стих. «Тамара». На 16—18 стр. «Свиданіе», а на 18—19: «Дубовый листокъ» и пр., при чемъ вмѣсто слова «дубовый» сначала было: «зеленый». Замѣтимъ, что въ послѣднемъ стихѣ этого стих. ни въ черновомъ, ни въ бѣловомъ текстѣ *вовсе нѣтъ* слова: «*покорное*» море, которое вошло во всѣ печатныя изданія; а было сначала написано: «послушное» и потомъ поправлено: «холодное море». На 20-й стр. «Нѣтъ не тебя такъ пылко я люблю», гдѣ послѣдній стихъ 2-й строфы читается въ черновомъ и бѣловомъ текстѣ такъ, какъ мы его напечатали *теперь* (стр. 165), а не такъ какъ было въ прежнихъ изданіяхъ, отчего даже искажался смыслъ: «но не съ тобой—*я съ* сердцемъ говорю». На той-же 20-й стр. помѣщены три строфы стихотворенія: «Выхожу одинъ я на дорогу», оканчивающагося на 21-й стр. Въ текстѣ ясно написано, между прочимъ, во 2-мъ стихѣ 4-й строфы слово: „*такъ*“, вм. вошедшаго во *всѣ* прежнія изданія слово: „*тамъ*“, совершенно обезобразившаго смыслъ. За тѣмъ на 21-й стр. начинается и на 23-й оканчивается стих. «Морская царевна», въ которомъ отмѣтимъ одинъ варіантъ:

Хвостъ, какъ змѣя, весь покрытъ чешуей,
Бьетъ, замирая, песокъ золотой.

24-я и послѣдняя стр. занята стих. «Пророкъ». Какъ въ наброскѣ карандашомъ, такъ и въ переписанномъ чернилами текстѣ 3-й стихъ 5-й строфы *безъ поправокъ* написанъ одинаково: «*То* старцы дѣтямъ говорятъ», тогда какъ въ печатныхъ изданіяхъ постоянно было: «*тамъ*».

34) *Герой нашего времени* (стр. 171). Въ одномъ изъ альбомовъ Лермонтова сохранилось набросанное карандашомъ предисловіе къ 2-му изданію. Съ напечатаннымъ текстомъ оно представляетъ не очень существенныя разночтія

въ словахъ и фразахъ, но цѣлый параграфъ въ печати не явился. Именно послѣ словъ: «оскорбленіе личности» (стр. 171), написано: «Мы жалуемся только на недоразумѣніе публики, не на журналы: они почти всѣ были болѣе чѣмъ благосклонны къ нашей книгѣ, всѣ, кромѣ одного, который какъ-бы нарочно въ своей критикѣ смѣшивалъ имя сочинителя съ героемъ его повѣсти, вѣроятно, надѣясь на то, что его читать никто не будетъ; но хотя личность этого журнала и служитъ ему достаточной защитой, однако все-таки, прочитавъ грубую и неприличную брань—на душѣ остается непріятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ (было: «съ пьяной бабой») на улицѣ. И такъ, если уже нужно у насъ для всякой басни нравоученіе, то пускай тѣ, которые хотятъ его узнать, прочтутъ слѣдующее. *Герой Нашего Времени*, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка—это типъ. Вы знаете, что такое типъ? Я васъ поздравляю. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что вы всѣ таковы; иные немного лучше, многіе гораздо хуже. Если вы вѣрили возможности существованія Мельмота, Вампира и др., отчего-же вы не вѣрите въ дѣйствительности Печорина? Если вы извиняли вымыслы» и пр....

Кстати замѣтимъ, что вслѣдъ за этимъ «предисловіемъ» набросанъ «сюжетъ» одного изъ «отрывковъ», именно напечатаннаго въ нынѣшнемъ изданіи на стр. 313. «Сюжетъ. — У дамъ. Лица желтыя. Адресъ. Домъ. Старикъ съ дочерью, предлагаетъ ему метать; тотъ въ отчаяніи, когда старикъ выигрываетъ. Шулеръ: от.... проигрыв.... дочь и .... Доктор.. ок.....»

Текстъ «*Героя Нашего Времени*» исправленъ въ нынѣшнемъ изданіи по второму изданію, сдѣланному въ 1841 году. При позднѣйшихъ перепечаткахъ были искажены или вовсе пропущены не только слова, но цѣлыя фразы, въ ущербъ смыслу. Указывать на нынѣшнія исправленія мы не станемъ, ибо ихъ *очень много*, такъ что почти *ни одна страница* не осталась безъ поправокъ.

35) *Отрывокъ изъ начатой повѣсти* (стр. 313). Въ Чертковской Библіотекѣ мы нашли подлинную рукопись, а такъ какъ она единственная, слѣд. измѣненія, встрѣченныя нами, сдѣланы издателями при первомъ печатаніи текста въ альманахѣ «Вчера и сегодня». По рукописи слѣдуетъ поправить:

Стр. 313. Строка 4: Двѣ или три *модныя* красавицы. Стр. 6: *красовалось* въ дверяхъ. Стр. 11: на ней было черное платье, *кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ пришпиленный къ голубому банту сверкалъ брилліантовый вензель.* Она была... Стр. 13: еще молодое *и* правильное. Стр. 18: сѣлъ *противъ* нея. Стр. 19: показывало *ясно*, что онъ.

Стр. 314. Стр. 17: ни одна женщина *не любитъ* меня. Стр. 24: *Но* такъ какъ я очень знаю.

Стр. 315. Стр. 18: ея первыхъ *проповѣдниковъ*. Стр. 3 снизу: Вамъ *это* можно сказать.

Стр. 316. Стр. 1: Вотъ *и* теперь слышу. Стр. 14: отыскать *этотъ* нумеръ. Стр. 12 снизу: шерсть ихъ *бѣдныхъ* клячъ. Стр. 9 снизу: раздавался шумъ *и* хохотъ.

Стр. 317. Стр. 10 снизу: ни одна надпись *ничьмъ* не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противуположную сто-

рону улицы и *увидалъ* надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; *онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и, сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи;* доска...

Стр. 318. Стр. 3: *вскрикнулъ* невольно Лугинъ. Стр. 15: остановиться, *хотя видимъ* ожидающую. Стр. 2 снизу: да и *не* переѣзжаютъ.

Стр. 319. Стр. 1: Полковникъ *изъ инженеровъ* что-ли. Стр. 3—4: его послали *въ Вятку.* Стр. 16: онъ скоро *возвратился.* Стр. 26—27: *Она,* не знаю почему, *понравилась* Лугину. Стр. 31—32: изображавшій *человѣка лѣтъ сорока, въ бухарскомъ халатѣ,* съ правильными... Стр. 33: онъ *держалъ золотую* табакерку.

Стр. 320. Стр. 9: Очарованіе *исчезаетъ.* Стр. 10: не *произведетъ* этихъ линій. Стр. 12: именно то «неизъяснимое», возможное. Стр. 16: опустилъ голову *на руку* и забылся.

Стр. 321. Стр. 8: исчерченнаго углемъ, *мѣломъ,* и загрунтованнаго. Стр. 20: несчастныхъ *и* поэтическихъ созданій. Стр. 27: находили *даже* выраженіе лица его.

Стр. 322. Стр. 1: Въ этотъ день, *который былъ* вторникъ, *ничего особеннаго* съ Лугинымъ и пр. Стр. 16: радость *иногда разливалась.* Стр. 19: любви безотчетной *и истинной*—и ему... Стр. 22: и *сталъ* что-то чертить. Стр. 7 снизу: обѣ *половинки* двери. Стр. 4 снизу: отворилась *настежъ.*

Стр. 323. Стр. 1: *И вотъ* онъ сѣлъ. Стр. 21: въ вашемъ воздушномъ *банкѣ.* Стр. 28: *потомъ сказалъ онъ,* оправившись. Стр. 30: *Старичокъ* поклонился.

Стр. 324. Стр. 14: онъ заснулъ въ *креслахъ.* Стр. 22: не могъ разсмотрѣть ея *фигуры.* Стр. 23: положилъ *на столъ* двѣ колоды. Стр. 8 снизу: покрывъ рукою *свою* колоду.

Стр. 325. Стр. 2: *а* межъ тѣмъ. Стр. 11—12: проиграть *душу.* То было чудное, *божественное* видѣнье. Стр. 21: страсть бурная и *жадная.*

Стр. 326. Стр. 8: «*Она*»—не знаю и пр. Стр. 10: отъ *ига* несноснаго старика. Стр. 12: оборачивала къ нему *эти* страстные, глубокіе глаза. Рукопись прерывается на словахъ: «сжималось сердце отчаяніемъ». Продолженія ея и другаго отрывка пока не найдено нами.

36) *Письма* (стр. 333). I, II и XVI напечатаны по рукописямъ Публ. Библ. XIII—XV взяты изъ «Вѣка» 1862, а остальныя вмѣстѣ съ переводомъ—изъ «Русск. Архива». Такъ какъ русскій переводъ оказался въ иныхъ мѣстахъ *полнѣе* франц. подлинниковъ, то мы и обратились къ П. И. Бартеневу съ просьбой о рукописяхъ, но только уже по отпечатаніи тома онъ могъ доставить намъ подлинники, изъ которыхъ и приводимъ ниже всѣ пропуски, кромѣ одного, который возстановить намъ не дозволено; равно осталось для насъ неизвѣстнымъ и имя лица, къ которому письма эти были писаны.

Стр. 337. Конецъ стихотв. «по произволу» дополненъ по рукописи Публичной Библіотеки.

Стр. 339. Тамъ-же находится въ числѣ рукописей Л. и варіантъ къ стих. «Конецъ»... и пр., напечатанный нами въ Рус. Стар. 1872, № 3. Онъ войдетъ въ составъ 3-го (дополнительнаго) тома.

Стр 338. Стр. 21: Vous me plaindriez en le lisant!... A propos de votre mariage, mon amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu *); j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes—cette expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué, que ça soit fini comme cela et pas autrement! Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.—J'ai une qualité que vous n'avez pas... (Въ третьемъ стихѣ): «Какъ-бы *шумно* я катился.»

Стр. 341. Начало письма: Je suis extrêmement faché que la lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la votre pour grand-maman. Ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un, ni l'autre ne serait juste de sa part; puisque je l'aime beaucoup trop pour m'esquiver par un mensonge et que, a ce que vous pouvez lui attester, je ne suis pas paresseux à écrire;—je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non je vous prie de le faire pour moi; après demain je tiens examen et suis enterré dans les mathématiques. Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.—Dites je vous en prie à A. que je lui enverrai un cadeau.

Стр. 314. Стр. 15. *Послѣ словъ*: je voudrais savoir ce que vous faisiez ce jour là? Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится!—ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable, car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promises d'après un registre.

Dites, je vous prie, à ma cousine, que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa soeur!—et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à coeur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps. Et bien puisque c'est fini, n'en parlons plus.—Adieu, on me demande car le général est arrivé.

Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es!—Je vous crois que mademoiselle S. est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté, d'autant plus si c'est du mal! Que Dieu la bénisse! quant aux autres choses que j'aurai pu vous écrire...

Стр. 345. Стр. 5: Toute leur armure comme: sabres, carabines, chacauts etc. etc.; le temps a été horrible, une pluie qui ne finissait pas faisait...

Стр. 346. Стр. 3: il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achette avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur qui ne fasse que tromper mes sens...

---

*) «Pas français».

Стр. 346. Стр. 12: Mais parlons d'autres choses. Vous me dites que le prince T. et votre soeur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre soeur ne parait pas très disposée à la soumission, et il parait que monsieur n'est pas non plus un agneau! Je souhaite que ce calme factice dûre le plus longtemps possible, mais je ne saurai prédire rien de bon. Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration...

Стр. 346. Стр. 28: je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs et sans en avoir joui, j'en suis dégouté.

Стр. 346. Конецъ письма: P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

Стр. 348. Стр. 33. N'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos soeurs car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Стр. 349. Стр. 3: C'est le gendre de question dont peut-être vous ne doutez pas.

Стр. 353. Въ концѣ: Adieu, chère, je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris et à Berlin. A. a-t-il reçu sa permission, embrassez le de ma part. Adieu.

Стр. 355. Стр. 17: Enfin quand je reviens à la maison je n'entends que des histoires, des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions.

Стр. 356. Въ первомъ стихѣ третьяго куплета въ рукописи читается:

Окружи щастіемъ *щастья* достойную,

Въ переводѣ, стр. 355 стр. 16 и 19 снизу, д. б. *оптовая*, вм. *важная*.

Стр. 358. Стр. 3: les femmes qui tiennent à avoir un salon remarquable veulent m'avoir, car je suis aussi un lion.

Когда 1-й томъ былъ отпечатанъ до стр. 369, намъ привелось быть въ Москвѣ и тамъ увидать въ Чертковской библіотекѣ подлинныя рукописи Л—ва, пожертвованныя *В. Д. Арнольди*, рожденной Свербѣевой, съ которой покойнымъ мужемъ Л. былъ очень друженъ. Эти рукописи должны-бы были немного измѣнить порядокъ печатанія нѣкоторыхъ стихотвореній, но къ сожалѣнію попались намъ поздно. Замѣтки по нимъ мы успѣли внести выше въ неотпечатанныя страницы 369—378, но считаемъ нужнымъ привести и полное описаніе этихъ рукописей.

Вся тетрадь, въ листъ, заключаетъ 67 перенумерованныхъ съ одной стороны полулистовъ, но всѣ листы разрѣзаны по корешку, такъ что нельзя видѣть: какіе 2 полулиста принадлежатъ одному листу, что важно для опредѣленія *одновременности* написанія стихотвореній.

1—40. *Маскарадъ* (см. т. 2, 324 нынѣшняго изд.) переписанъ иной рукой съ поправками Л—ва. Это первоначальный текстъ, *существенно* расходящійся съ напечатаннымъ по содержанію, дѣйствію, развязкѣ и самымъ дѣйств. лицамъ. Онъ войдетъ въ составъ дополнительнаго тома, какъ и всѣ ниже упоминаемые неизданные отрывки и наброски.

41. *Два великана* (II, 157) съ вар. ст. 6: *Ужъ* гремѣлъ *объ нихъ* разсказъ; ст. 13: но *улыбкою* одною; ст. 17: *и* упалъ; ст. 19-20: гдѣ *море* надъ *пучинами*. На оборотѣ полулиста: *Желанья* (I, 126), см. выше № 24 примѣчаній.

42. *Гляжу на будущность* (I, 133), см. № 27. Вслѣдъ за нимъ. *Посвященіе* «Казначейши» (II, 469), съ вар. ст. 1: *Пускай* слыву; ст. 4: на *прежній* ладъ ст. 9: древній *наблюдая*. На оборотѣ: *Она поетъ* (II, 156) и за тѣмъ *Кинжалъ* (I, 124), см. № 22.

43. Карандашомъ набросано неизданное стихотв. «*Роспиcку просишь ты, гусаръ*», повидимому 1836 г.

44. *Спѣша на сѣверъ* (I, 131). Полный текстъ стихотворенія, но безъ заглавія. На оборотѣ «Мая». См. № 26.

45. *Я въ Тифлисѣ у Петра Г.* и пр. ненапечатанный набросокъ не то подлиннаго случая съ поэтомъ, не то канвы для повѣсти. На оборотѣ: *Слышу-ли голосъ твой* (I, 118), см. № 19.

46—52. *У графини В.* (зачеркнуто «у графа С...»), отрывокъ (I, 313), см. № 35.

53. *Я зналъ его* (I, 74). Безъ заглавія (памяти Одоевскаго), 4 строфы съ вар. ст. 4: и *годы*; ст. 16: и *Богъ* вм. *рокъ*, что нами было возстановлено въ текстѣ по списку. Оборотъ листка не исписанъ.

54. *На буйномъ пиршествѣ*. (I, 140), вслѣдъ за тѣмъ: *Графиня Эмилія* (II, 158), какъ возстановлено нами во 2-мъ томѣ, и на оборотѣ *двѣ* послѣднія строфы *памяти Одоевскаго*, слѣд. всѣ 3 стихотв. писаны одновременно.

55. Отдѣльная четвертка съ «*Молитвой странника*» (I, 64). Сбоку написано стихотв. «*Разстались мы*» (I, 66), а слѣва по отрывку сохранился стихъ: «*Ей скучныя пѣсни земли*» (изъ *Ангела*, I, 1). Опять слѣдуетъ, что все это написано одновременно. На оборотѣ набросана неизданная *эпиграмма* на первое представленіе «Скопина-Шуйскаго» драмы *Н. Кукольника* и та-же эпиграмма передѣлана и вновь переписана.

56—57. *Бѣлецъ* (I, 135) безъ варіантовъ.

58. *Опять народные витіи* (II, 118)—ранняго почерка; три строфы, а 4-я написана сбоку и не занумерована; низъ полулиста оторванъ и можетъ быть тутъ еще была строфа. На оборотѣ набросано что-то вродѣ сюжета для повѣсти: «Александръ. У него любовница, которую онъ взялъ изъ жалости» и пр.

59. *Но честь Россіи невредима* (II, 119), т. е. заключительная строфа предыдущаго стихотворенія, незанумерованная.

60. *Отдѣлкой золотой* (I, 76), черновой набросокъ, съ многими варіантами. На оборотѣ. «И понялъ данный знакъ монахъ» (II, 449), т. е. строфа изъ *Боярина Орши*, съ варіантами: *Упрекъ* готовый.... И казнь назначилъ судъ людской, Но въ небесахъ судья другой. Предъ нимъ съ раскаяньемъ теперь Ты мнѣ дѣла свои повѣрь.

61. *Отворите мнѣ темницу* (I, 63), съ вар. *Мѣрнозвучными* шагами.

62. Полулистъ, верхняя четвертка котораго оторвана, а на нижней повидимому *продолжается* стихотвореніе съ словъ: «Какъ небеса твой взоръ

сіяетъ (II, 157). На оборотѣ L на LI строфы «Казначейши», съ вар. и *кинула* ему въ лицо.... И въ обморокъ; схвативъ въ охапку, Ее штабсъ-ротмистръ вынесъ вонъ... Успѣхомъ дивнымъ упоенъ.

63. *Я не хочу* (I, 132) и на оборотѣ. *Не смѣйся* (I, 133), см. № 27.

64. Верхняя часть полулиста оторвана и оканчивается неизданное стих., съ стиха: «Свершитъ блистательную тризну потомокъ поздній надъ тобой»; внизу еще 8 стиховъ и по знаку при нихъ видно, что ихъ надо было-бы отнести въ оторванное начало.

65—66. Письмо къ С. А. (I, 335) и

67. *Шуточное письмо* къ ней же, по видимому съ дороги въ Петербургъ. «Ваше атмосфератство, Милостивѣйшая государыня, С-я, дочь А—ва! Вашъ рабъ всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ, бьетъ челомъ вамъ.—Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ: извощикъ ѣдетъ тихо; дорога пряма какъ палка; на квартирѣ вонь—и перо скверное!... Кажется довольно, чтобъ истощить ангельское терпѣнье, подобное моему.—Что вы дѣлаете?—Пріѣхала-ли Ал—а, М—ва дочь, и какія ея рѣчи? Все пишите, а моего писанія никому не являйте.—Растрясло меня и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу, а вамъ мало; извините моей немощи!.... До Петербурга съ обѣими прощаюсь.—Рабъ вашъ M. Lerma. - Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетенькѣ и всѣмъ домочадцамъ».

II. Списокъ сочиненій Лермонтова *).

1835. *Въ Библіотекѣ для чтенія*: Хаджи-Абрекъ, т. IX, № 8, стр. 81.

1837. *Въ Современникѣ*: Бородино, т. VI, № 1, 207.

1838. *Въ Литерат. Прибавленіяхъ* къ Русск. Инвалиду: Пѣсня про царя Ивана Васильевича и пр. Съ подписью: «—въ», № 18, 344. *Въ Современникѣ*: Казначейша, т. XI, № 3, 149.

1839. *Въ Отечественныхъ Запискахъ*: Дума, т. 1, 184. Поэтъ II, 163; Бэла —167. Русалка III, 131; Вѣтка Палестины—275. Не вѣрь себѣ—278, Еврейская мелодія (Душа моя мрачна) IV, 80; Въ альбомъ (изъ Байрона) — 81. Три пальмы V, 168. Фаталистъ VI, 146; Молитва (Въ минуту жизни)—272. Дары Терека VII, 1; Памяти А. И. Одоевскаго—209.

1840. *Тамъ-же*: Какъ часто пестрою толпою VIII, 140; Тамань—144; Казачья колыб. пѣсня—245. Журналистъ, читатель и писатель IX, 307. Воздушный корабль X, 1; Отчего—280; Благодарность—290. Молитва (Я Матерь Божія) XI, 1; Изъ Гете — 1. Ребенку XII, 1; Смирновой — 229. Къ пор-

---

*) Этотъ списокъ сочиненій Лермонтова, составленный въ хронологическомъ порядкѣ ихъ напечатанія, является въ печати въ первый разъ; а слѣдующій за нимъ *списокъ статей* о Лермонтовѣ значительно дополненъ противъ существовавшихъ. Стихотворенія, отмѣченныя звѣздочкою, *не вошли* въ настоящее изданіе.

трету гр. В. Д. XIII, 290. *Въ Одесскомъ Альм.* Узникъ—568, Ангелъ—702. *Отдѣльно*: 1) Герой нашего времени. 2 ч. Спб. Въ тип. Ил. Глазунова, въ 12 д. л., 173 и 250 стр. Здѣсь въ первый разъ напеч. Максимъ Максимычъ и Княжна Мери. 2) Стихотворенія. Спб. Въ т. Ил. Глазунова, въ 12 д. л. 168 и 3 стр. Здѣсь въ первый разъ: Когда волнуется желтѣющая нива—161; Сосѣдъ 163; Разстались мы 165; Мцыри 77; И скучно и грустно 109; Тучи 167. *)

1841. *Въ Отеч. Зап.* Есть рѣчи XIV, 2; Завѣщаніе—157. Оправданіе XV, 144; Родина—283. Послѣднее Новоселье XVI, 1; Кинжалъ—244. Плѣнный рыцарь XVII, 268. Парусъ XVIII, 161 (ср. письмо Лерм. 2 сент. 1835). Желаніе XIX, 1. *Въ Москвитянинѣ*: Споръ ч. 3, № 6, 291. *Въ Русской Бесѣдѣ*: Изъ альбома С. Н. Карамзиной и гр. Ростопчиной, ч. I, 1—2. *Отдѣльно:* Герой нашего времени. Изд. 2-е. 2 ч. Спб. Тип. Ил. Глазунова, въ 12. д. л., 173, VI и 250 стр. Добавлено предисловіе въ началѣ 2-й части (I—VI).

1842. *Въ Отеч. Зап.* Сказка для дѣтей XX, 116; Сосна 124; На свѣтскія цѣпи 126; Сосѣдка 127. Договоръ XXI, 1; Ты помнишь-ли 203; Умирающій Гладіаторъ 378. Два великана XXII, 1; Отрывки изъ Демона 187. Боярин Орша XXIII, 1. Въ альбомъ авт. Курдюковой XXiV, 174; М. П. Соломирской 320.—Въ *Утренней Зарѣ*: Любовь мертвеца 44.—*Отдѣльно*: Стихотворенія. 3 ч. Въ первый разъ напеч. «Маскарадъ».

1843. *Въ Отеч. Зап.* Измаилъ-Бей XXVII, 1; Сонъ 183; Тамара 229; Утесъ 331; Выхожу одинъ я 332. Морская царевна XXVIII, 1; Изъ подъ таинственной 80; Дубовый листокъ оторвался 193; Нѣтъ, не тебя 194; Не плачь, не плачь 195; Посвященіе Демона (я кончилъ и въ груди) 376. Къ портр. стараго гусара XXXI, 194. *Незабудка 195; *Избави Богъ 279; Романсъ (когда я унесу въ чужбину) 280; Они любили другъ друга 317; Весна (когда весной) 318; Ребенка милаго рожденье 342.—*Въ Утренней Зарѣ*: Валерикъ 66. *Отдѣльно*: Герой нашего времени. 3-е изд. 2 ч. Спб. Въ тип. Ил. Глазунова, въ 12 д. л., 173, VI и 250 стр.

1844. *Въ Отеч. Зап.* Пророкъ XXXII, 167; Свиданіе 198; На буркѣ 200; Лилейной рукой—200. *Въ Молодикѣ*: Къ Кавказу, посвящ. Демона (Тебѣ, Кавказъ)—8; Къ Бухарову—9; Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный—10. *Отдѣльно*: 4-я часть стихотвореній. Спб. въ т. Ил. Глазунова, въ 12 д. л. 192 стр.—*Въ Библіотекѣ для чтенія*: Изъ альбома Е. А. Сушковой:—Черноокой LXIV, № 5, 5; Благодарю 6; Въ альбомъ, подраж. Байрону (Нѣтъ, я не требую; Стансъ (взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ) 7; *Еврейская мелодія (Я видалъ иногда) 8. Къ Е. А. (зови надежду) № 6, 129; Къ ней же (итакъ прощай) 129; Звѣзда (вверху одна) 130; *Романсъ (хоть бѣгутъ по струнамъ) 131, Къ Е. А. (я не люблю тебя) 132; Къ ней же (у вратъ обители святой) 132. Всѣ эти стихотв. съ поправками перепечатаны въ Р. Вѣстн. 1856, № 18 и въ Вѣстн. Европы 1869 № 7—8, за исключеніемъ Еврейской мелодіи и Романса.

*) Изданія «Стихотвореній» и «Героя» были приготовлены Лермонтовымъ, изданы-же И. Н. Кувшинниковымъ и А. Д. Кирѣевымъ, подъ редакціей А. А. Краевскаго.

1845. *Въ Библ. для чтенія* т. LXVIII, № 1. Одиннадцать стихотвореній, приписыв. Л—ву: Раскаяніе (*Къ чему мятежное роптанье; На картину Рембрандта; Къ пріятелю (мой другъ, не плачь); Волны и люди; 11 Іюля; *Небо и звѣзды; *Элегія (дробись, волна ночная); Кавказъ (хотя я судьбой); Ты молодъ; Нѣтъ я не Байронъ; Отворите мнѣ темницу (узникъ). Всѣ перепечатаны въ изд. 1847 г.—Въ альманахѣ *Вчера и Сегодня*, т. 1-й: Два отрывка изъ начатыхъ повѣстей 71—92; Слышу ли голосъ твой 92; Это случилось 92; Казбеку (спѣша на сѣверъ) 93; Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ 94; Гляжу на будущность 95.

1846. *Тамъ-же*, т. 2-й: Не смѣйся 153; Видъ горъ изъ степей 153; Бѣглецъ 154; Ашикъ Керибъ 159; Волшебные звуки (есть рѣчи) 168.

1847. Сочиненія Л—ва. 2 т., изд. Ал. Смирдина. Спб. Тип. Ак. Наукъ. Въ 12 д. л. IV, 390 и 510 стр.

1848. *Въ Пантеонѣ*: *Въ альбомъ (Когда печаль слезой невольной). Сомнительное. № 10—11, 41.

1851. *Въ Раутѣ*, кн. 1-я: Морякъ—197.

1852. *Сочиненія* Л—ва. Изд. 3-е. И. Глазунова. 2 ч. Съ литограф. портретомъ.

1854. *Въ Современникѣ*: Отрывокъ изъ письма, съ стих. Я жить хочу; Увы, какъ скученъ; И наконецъ я видѣлъ море; По произволу дикой власти; и стихотв. На буйномъ пиршествѣ—XLIII, № 1, с. 5—8. Опять народные витіи XLV, № 5, 5. Разлука (оказалось гр. Соллогуба) XLVI, № 7, 6.

1855. *Тамъ-же*: Посвященіе «Демона» L, № 4, 435. *Въ Москвитянинѣ*: Посвященіе «Демона» (прими мой даръ) ч. 6, 186.

1856. *Сочиненія* Л—ва. Изд. 4-е, дополненное нѣсколькими стихотвореніями, непомѣщенными въ прежнихъ. 2 т. Спб. Изд. и тип. И. Глазунова. Въ 12 д. л., V, 398 и 436 стр., съ литограф. портретомъ.—*Въ Русскомъ Вѣстникѣ:* *Пусть міръ нашъ прекрасенъ; *А годы несутся, *Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма—№ 14, 323—324. Сомнительны всѣ, и 2-е несомнѣнно г. Розенгейма.

1857. *Въ Русск. Вѣстн.* Посвященіе «Ангела Смерти» (тебѣ, тебѣ мой даръ) № 8, 370.—Посвященіе «Испанцевъ» (не отвергай) № 10, 234; отрывки изъ драмы «Испанцы» 235—257; отрывки изъ др. «Странный человѣкъ» 317—333, съ стихами: Моя душа, я помню 320; Такъ, для прекраснаго могилы нѣтъ 321; Я видѣлъ юношу 321—323; Когда одни воспоминанья 331—332; отр. изъ драмы «Два брата» 338—343. Три граціи № 18, 402; Когда къ тебѣ молвы разсказъ 405; У ногъ другихъ не забывалъ 405; Передо-мной лежитъ листокъ 406; Свершилось, полно ожидать 407.—Въ *Современникѣ*: Казотъ (на буйномъ пиршествѣ) LXV, № 10, 189; привѣтствую тебя 190. *Отдѣльно*: «Демонъ». Изд. 2-е испр. и дополн. Берлинъ. Въ 12 д. л., 68 стр. и та-же поэма въ Карлсруэ, въ 8 д. л. 60 стр., болѣе полный и исправный текстъ.—«Ангелъ Смерти», Карлсруэ, въ 8 д. л., 23 стр.

1858. Въ *Библіогр. Запискахъ:* А. О. Смирновой № 6, 182. Посреди небесныхъ тѣлъ № 20, 634; На смерть Пушкина (до стиха «И на устахъ его печать») 635; поправки въ стих. «Къ портрету гр. В. Д. 634.—Въ *Атенеѣ*:

Отрывокъ изъ «Уланши» № 48, 283; Юнкерская молитва 289; Экспромтъ (русскій нѣмецъ) 303.—*Въ сборникѣ литер. статей* въ память Смирдина т. 3-й: *Повѣрю совѣсти присяжнаго дьяка 356; *Винтовка пулю вѣрную послала 357; *Привѣтствую тебя я злое море 358. (Сомнительныя).

1859. *Въ Библ. Зап.* Какъ небеса № 1, 22; Она поетъ 23; Quand je te vois sourire 23; перепечат. «Экспромтъ» изъ Атенея и исправлены стих. Это случилось; Казбеку; Я не хочу; Гляжу на будущность; Не смѣйся; Видъ горъ; Бѣглецъ; Опять народные витіи 20—21. Петергофскій праздникъ (отрывокъ) № 12, 374; По голубому небу (3 очеркъ Демона) 378; Демонъ, по редакціи 1831 г. 379; Посвященіе «Ангела смерти» 382; кн. Л. Г-ой 383; отр. изъ «Монго» 373; исправл. и дополнены стих. Дума, Ангелъ, Демонъ, Памяти Одоевскаго, Маскарадъ.—*Въ Отеч. Запискахъ*, т. 125, № 7, 6—62: Кавк. Плѣнникъ 6; Корсаръ 11; *Пиръ 14; Портретъ 15; Къ генію 15; Письмо 18, Рус. Мелодія 18; Не привлекай 18; Стыдить лжеца 19; къ Грузинову 19; Два Сокола 20; *Грузинская пѣсня 21; Мой Демонъ 21; Преступникъ 22; *Цыганы 26; Монологъ 28; Молитва (не обвиняй) 28; Два посвященія (я буду пѣть) 29—30; Очеркъ Демона 30; Олегъ 34; Очеркъ Демона 35; Я не для ангеловъ и рая 48; Настанетъ день 49; К. Д. 49; Пѣсня (желтый листъ) 50; Кн. Мстиславъ и сюжетъ 50—51; Силуэтъ 53; Какъ духъ отчаянья 53, Н. Ф. И., Бухариной, Трубецкому, Нарышкиной 54; *Толстой, Мартыновой, Додо, *Башилову 55; Булгакову, *Вы не знавали-ль 56; Три граціи 57; Люблю я цѣпи синихъ горъ 57; Время сердцу; Склонись ко мнѣ 58; Какъ въ ночь; Къ... я не унижусь 59; Какъ лучъ зари 60; Воздухъ такъ чистъ; Романсъ (стояла сѣрая скала), Прелестницѣ 61; Had we never; Эпитафія (прости, увидимся-ль) 62.—Въ т. 127, № 11, 246—268: 1830 г. Іюля 15, Москва 246, *Взгляни на тихую луну 248, М. Ф. М-вой 250; Смерть (погаснулъ день) 251, Теперь я вижу 252; Въ Воскресенскѣ; Прости (изъ Байрона) 253; Эпитафія (простосердечный сынъ); Когда бы могъ весь свѣтъ; Посвященіе (прими, прими) 254; Посвященіе (тебѣ я нѣкогда); Къ... прочитавъ жизнь Байрона 255; По голубому небу 256; Всевышній произнесъ; Желаніе 259; Св. Елена 260; Къ другу В. Ш.; 7 Авг. въ деревнѣ 261; Атаманъ 262; Исповѣдь; Чаша жизни 264; Къ Л... подраж. Байрону; Воля 265; Метель шумитъ 266; Когда бъ въ покорности; Я видѣлъ тѣнь блаженства 267; Стансы къ Д. 268.

1860. *Сочиненія* Л-ва, приведенныя въ порядокъ и дополненныя С. С. Дудышкинымъ. 2 т., съ портретомъ поэта, грав. проф. Ѳ. Іорданомъ и 2 снимками съ почерка Л-ва. Спб., изд. А. И. Глазунова. Въ бол. 12 д. л. XXIV, 432 и XII, 654 стр. Въ первый разъ напеч. Черкесы отр., Посвящ. драмы Menschen und Leidenschaften; Джуліо; Бородино (очеркъ), Литвинка отр.; Аулъ-Бастунджи отр.; Каллы отр.; Странный человѣкъ; Ангелъ смерти; конецъ стих. На смерть Пушкина; исправлены и дополнены многія стихотворенія.—*Въ Русск. Вѣстн.* И день насталъ № 8, 387; Графиня Эмилія—іb. Въ изд. Гербеля: *Шиллеръ въ русскомъ переводѣ*, т. VIII: *Къ Нинѣ 316, *Перчатка 319; Дитя въ люлькѣ; *Встрѣча 321; Къ*** 322; *Три вѣдьмы 325; *Баллада 327.—

Въ Развлеченіи: Смерть (оказалось Айбулата) № 13. *Въ Сѣверной Пчелѣ*: Есть рѣчи № 110.

1861. Въ *Библ. Зап.* Онъ былъ въ краю святомъ № 1, 19; исправленіе и дополненіе стихотв. На смерть Пушкина № 3, 84, пам. Одоевскаго, Бѣглецъ, Казотъ, Дума 85, очеркъ Демона 85—8. Не вѣрь хваламъ; Странный человѣкъ 88 и др. *Цѣвница № 16, 487; *Панъ 488; 28 сентября № 16, 495, *Ахъ нынѣ я не тотъ 496; Уланша отрывокъ 492; добавленія и исправленія къ Измаилъ-Бею 489; Маскараду 491; 11 іюня 1831 г. 494. *Эпиграма на Сенковскаго № 18, 556; Отрывки изъ черновой тетради 556—564. Новый очеркъ Демона № 20, 644; Монго 653.

1862. Въ газ. *Наше Время*: Забываю любовь; Отвѣтъ на придирчивую рецензію № 190.—Въ газ. *Вѣкъ*: Отзывы Л-ва по начальству о дуэли № 3, 57. *Отдѣльно:* 1) Пѣсня про царя Ив. Вас. и пр. Спб. тип. Рейхельта, въ 12 д. л., 22 стр.; небрежно и съ ошибками. 2) Стихотворенія Л-ва, 2 т. Лейпцигъ. Въ тип. Г. Петца (Наумбургъ). Въ 16 д. л. 192 и 311 стр. Буквальная перепечатка всѣхъ стихотвореній Пб-го изданія 1860 г., безъ добавокъ, но съ ошибками. 3) Стих. Л-ва, не вошедшія въ послѣднее изд. его сочиненій Изд. Ф. Шнейдера. Берлинъ. Тип. Розенталя. Въ 16 д. л. VIII и 163 стр. Перепечатка изъ *Библ. Записокъ* и др. русскихъ изданій помѣщенныхъ тамъ дополненій и поправокъ къ изд. 1860 г., съ добавкою по рукописямъ: пропусковъ въ «Странномъ человѣкѣ» 140—143 и стихотвореній: Ты зналъ-ли дикій край 6; Къ Неэрѣ 17; *Предсказаніе 19; *Могила бойца 20, *Баллада изъ Байрона 22; Склонись ко мнѣ 24; Она была прекрасна 26; *Къ А. А. Ѳадѣеву 80; *10 іюля 1830 г. 148.

1863. *Сочиненія* Л-ва, 2-е изд. подъ ред. С. Дудышкина, вновь свѣренное съ рукописями, исправл. и дополненное; съ 2 портретами поэта, грав. Ѳ. Іорданомъ и у Брокгауза въ Лейпцигѣ, и 2 снимками съ почерка. 2 т. Спб., изд. А. И. Глазунова. Въ бол. 12 д. л. X, 664 и VIII, XLIX и 494 стр. Въ этомъ изд. прежній порядокъ томовъ перемѣненъ. Внесены (кромѣ исправленій по рукописямъ) всѣ поправки и дополненія изъ журналовъ.—*Въ Русскомъ Архивѣ*: 9 писемъ Л-ва съ стихотвореніями: Для чего я не родился; Конецъ, какъ звучно; Онъ былъ рожденъ и др. № 3—6, 265, 292, 417.

1864. Въ *Рус. Архивѣ:* Еще письмо № 10, 1089 (ср. Современн. 1854). *Евфразія—1087, Ребенку—1088 (исправлено 1867, № 7, 1165).

1865. Пѣсня про царя Ив. Вас. и пр., съ 12 рис. Шарлеманя и новымъ грав. портретомъ. Спб. изд. А. И. Глазунова. 4 д. л., 40 стр.

1866. Таже «Пѣсня», съ тѣми-же рисунками, но съ прежнимъ литогр. портретомъ. Спб., изд. А. И. Глазунова. Въ 8 д. л., 28 стр. (дешевое изд. для народа, 5 коп.).

1867. *Въ Русск. Архивѣ:* А. Г. Хомутовой (слѣпецъ страданьемъ вдохновенный) № 7, 1051.

1871. *Тамъ же.* *Къ Н. Н. Арсеньеву (дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся) № 7—8, 1271.

1872. *Тамъ-же:* Ужасная судьба отца и сына № 9, 1849.—Въ *Русс. Старинѣ*: Жалобы турка; Неэрѣ № 1, 84. Его отецъ богатый былъ маркизъ № 2,

286; Когда надеждѣ недоступный 287; Эпиграмма (поэтомъ) 291; Къ другу 291; Она была прекрасна 292; Поэтъ (когда Рафаэль) 294; Два письма къ теткѣ 293; Письмо къ великому князю Михаилу Павловичу 295. Исправлены и дополнены стих. Опять явилось вдохновенье 288; Челнокъ (по произволу) ib.; Что толку жить; Конецъ, какъ звучно 289; Письмо (свѣча горитъ) 290; Склонись ко мнѣ 291.—Въ *Русскомъ Мірѣ:* *О, какъ мила твоя богиня и *отрывокъ изъ Уланши—№ 205.

1873. Въ *Русской Старинѣ*, № 3: Неизданныя стихотворенія Лермонтова, въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта. Сообщ. *Г. С. Чириковъ;* переведены прозою неизвѣстныя въ русскомъ подлинникѣ стихотворенія (стр. 394—402). Посланіе Лермонтова, сообщ. *Н. Ѳ. Кудрявцевъ* (стр. 402—403); новый текстъ письма, напечатаннаго на стр. 335—338, т. 1.

III. Статьи и замѣтки о Лермонтовѣ и его сочиненіяхъ.

1840. а) Герой нашего времени. Рецензіи: *В. Г. Бѣлинскаго* въ Отеч. Зап. т. X и XI, № 6—7, стр. 27—54, 1—58*. *С. Бурачка* въ Маякѣ, ч. 4, 210—219. *П. А. Плетнева* въ Современникѣ, т. XIX, 138—139.—Въ Сынѣ От., т. II, № 4, 856—857. Въ Литер. Газетѣ № 42, 210—219 б) Стихотворенія—рец. *Бѣлинскаго* въ От. Зап., т. XIII, № 11, 1—16. *С. Бурачка* въ Маякѣ, кн. 12, 149—171. Въ Библ. для чт., т. 43, 1—11. Въ Сѣв. Пчелѣ (*Л. Бранта?*) № 284—5.

1841. а) Герой нашего вр. *Бѣлинскаго* въ От. Зап., т. 14, № 2, 35—80; т. 17, № 7, 81 (и на стр. 85: отзывъ о Л-вѣ *Фарнгагена фонъ-Энзе*); т. 18, № 8, 1—8 (и извѣстіе о кончинѣ). *С. П. Шевырева* въ Москвит. ч. 1, № 2, 515—538 и Журн. М. Н. Прос. ч. 31, с. 3. б) Стихотворенія: *А. В. Никитенко* въ Сынѣ Отеч., т. 1, № 1, 3—13. *Плетнева* въ Соврем., т. 21, 98—99. *Шевырева* въ Москвит., ч. 2, № 4, 525—540 и Журн. М. Н. Просв., ч. 32, с. 28. Извѣстіе о кончинѣ Л., въ Москв. ч. 5, № 9, 320. —Пятигорскъ, ст. *Андреевскаго* въ Одесск. Вѣстн. № 63.

1843. Сочиненія: *Бар. Е. Ф. Розена* въ Сынѣ Отеч. № 3, 1—18.—Въ Отеч. Зап., т. 26, № 1, 1—2. Въ Лит. Газ. № 9, 176—187. Въ Библ. для чт., т. 56, 39—46.

1844. Въ От. Зап., т. 37, № 11, 1—4. Въ Лит. Газ. № 44, 742. Въ Маякѣ ч. 18, кн. 36, 56—7. Въ Русс. Инв. № 259. Въ Библ. для чт., т. 67, 1—5. б) Герой нашего вр. Въ Отеч. Зап., т. 32, № 2, 52—3. Въ Лит. Газ. № 11, 197—8. Въ Москв. ч. 2, № 4, 121. Въ Библ. для чт., т. 63, 11—12.—Стихотворенія Л. изъ альб. Сушковой ib., т. 64, №№ 5 и 6, 5—8, 129—132.

1845. Одиннадцать стих. Л-ва ib. т. 68. О сочин. въ Финскомъ Вѣстн., т. 1, 54—56.

---

* Въ отдѣльномъ изданіи соч. *Бѣлинскаго* о Л-вѣ см. по 1-му изданію: III, 116—9, 543—652; IV, 133—141, 248—330; V, 337—344; VI, 75, 440; VII, 197, 359—363, 402, 405, 409; VIII, 77—80; IX, 80—82, 171—6, 314—6; X, 65—6 и XII, 343.

1846. Краткое начертаніе исторіи рус. литер. *В. Аскоченскаго*. Кіевъ. См. стр. 143—4.

1847. Очеркъ исторіи рус. поэзіи, *А. Милюкова*. Спб. См. 1, 194—210. О сочиненіяхъ: Литер. Газ. № 44, 697—8. Финскій Вѣстн., т. 22, 31—32.

1848. О сочиненіяхъ: *В. Т. Плаксина* въ СѢв. Обозр. № 3, 1—20. Неизданное стих. Л-ва, сообщ. *Н. Грековымъ*, въ Пантеонѣ № 10—11, 41.

1849. Столѣтіе русской словесн., *Н. Мизко*. Одесса. См. стр. 300—303.

1851. Неизданное стихотв. Раутъ, 197.

1852. О сочиненіяхъ: въ Библ. для чт. т. 114, 68—72. Русскіе писатели въ переводѣ на иностр. языки, въ Пантеонѣ, № 10, 68—71. Стихотворенія Л. въ нѣмецк. перев. (Боденштедта) въ С. Отеч., № 11, 31—3 и С. Пч. № 246; ср. Библ. Зап. 1859, № 2, 51.

1853. Біографич. замѣтки о Л., *В. Негрескула* въ Моск. Вѣд. № 71. Лермонтовъ въ Пант. № 9 и о перев. на франц. «Возд. Корабля» ib. № 3, 57—62.

1854. Исторія Словесности, *В. Плаксина*, изд. 3. Спб. См. стр. 254—5. Неизд. письмо и стихотворенія въ Соврем., т. 43. № 1, 5—8; т. 45, № 5, 5; т. 46, № 7, 6,

1855. Неизданныя посвященія «Демона» въ Соврем., т. 50, № 4, 435 и Москвит., ч. 6, 186.

1856. Лермонтовъ. Рѣчь учителя Рус. Слов. *А. Камкова*, въ Ученыхъ Зап. Казан. Унив., кн. 1, 145—162 и рецензія на это *Н. Ф.* въ Казан. Губ. Вѣд. № 51—2.—Библіогр. Записки, *М. Н. Лонгинова* въ Соврем. № 6, 162—3. Три неизд. стихотворенія, сообщ. *П. А. Зеленымъ* въ Русск. Вѣстн. № 14, 323—5. Въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы», въ Современникѣ № 2, 104—107 и № 9, 16—19.

1857. Извѣстіе о выходѣ загран. изд. «Ангела Смерти», *М. Капустина*, въ Р. Вѣстн. № 8, 369—372. Юношескія произведенія Л., *С. Шестакова*, ib. № 10, 232—263 и № 11, 317—344. Письмо къ ред. Р. Вѣстн. г. *Лонгинова*, съ поправкою предыдущаго—ib. № 11, 236—238 и рец. въ С. Отеч. № 25. Воспоминанія о Л., отр. изъ записокъ (Е. А. Хвостовой) въ Р. Вѣстн. № 18, 395—408. Два неизд. стих., въ Соврем. т. 65, № 10, 189—190.

1858. Голосъ за прошедшее, *В. Т. Плаксина* въ Сборникѣ лит. статей въ память Смирдина, кн. 1, 291—331 (о Л. 304—5). Три неизд. стих., сообщ. *Н. Ѳ. Щербиной*, ib. кн. 3, 356—8. Смирновой, стих. съ примѣч. ред., въ Библ. Зап. № 6, 182; извѣстіе о фр. перев. «Демона» P. Pélan d'Angers—ib. № 17, 544. Тоже въ От. Зап. *П. Б—на*, № 11, 11—22, и въ Москов. Обозр. 1859. Кн. 1, 85—89. Лермонтовъ. *А. Д. Галахова*, въ Р. Вѣстн. № 13, 60—92; № 14, 277—311; № 16, 583—612. Автографы Л. сообщ. С. Рачинскимъ, *А. Н. Аванасьева*, въ Библ. Зап. № 20, 634—6. Замѣтка о принадлежности г. Розенгейму стихотворенія «А годы несутся», *П. А. Ефремова*, ib. № 24, 769. Воспоминанія о Лер., *А. М. Меринскаго* въ Атенеѣ № 48, 286—305.

1859. О франц. перев. «Демона» P. Pélan d'Angers въ Моск. Обозр. кн. 1, 85—89. Нѣсколько словъ о М. Ю. Л—вѣ, изъ альбома туриста, *Н. Симакова*, съ видомъ дома, гдѣ жилъ Л. передъ смертью; въ Орлѣ, № 2, 41—42.

Взглядъ на рус. литер. со смерти Пушкина (1 Пушк., Гриб., Гоголь и Лермонтовъ; 2 Романтизмъ), *Ап. Григорьева* въ Рус. Словѣ № 2, 1—63 и № 3, 1—39; рец. въ С. Пч. № 69 и Рус. Мірѣ № 17. Ученическія тетради Л—ва, *С. С. Дудышкина*, въ От. Зап. 1859, № 7, 1—62 и № 11, 245—270. Стихотворенія М. Ю. Л—ва, *А. Н. Аѳанасьева* (И. М—къ) въ Библ. Зап. № 1, 19—23; Извѣстіе о несуществованіи голландскаго перевода Л—ва, ib. № 4, 117; Извѣстіе о польскихъ перев. ib, № 9, 287—8; Библіогр. замѣтки о Л—вѣ *А. Меринскаго* ib, № 12, 371—4, *В. А. Яковлева* 374—7 и *А. Н. Аѳанасьева* 377—384; Замѣтки мимоходомъ: М. Ю. Л—въ, *А. Меринскаго* ib, № 20,635—6. Извѣстіе о нѣмец. перев. Демона ib., 663. Замѣтка по пов. продолженія Сказки для дѣтей *Ю. Волкова* въ Спб. Вѣд. № 280.—Русская лирич. поэзія для дѣвицъ, ч. 1-я, подъ ред. *В. Я. Стоюнина*, Спб.

1860. Краткій очеркъ исторіи рус. слов. *С. Шафранова* и *И. Николича*, Ревель (см. стр. 47—8). Шиллеръ въ перев. русскихъ поэтовъ. *Н. Гербеля* т. VIII, см. стр. 316—327.—Неизд. стих. Л—ва «Смерть» (Айбулата), сообщ. *Н. П. Кельчь*, въ Развлеченіи, № 13. Матеріалы для біографіи и литер. оцѣнки Л—ва, *С. С. Дудышкина*, 2 статьи, при изд. сочиненій 1860 г., 24 и 12 стр.—Рец. по поводу этого изд. въ Дамскомъ Вѣстн. кн. 1, 108—110; въ Москов. Вѣд. № 87; въ Р. Словѣ № 5,55—59 (*М. Л. Михайлова*); въ Р. Вѣстн. № 8,383—8 (*М. Н. Лонгинов*); въ Библ. для чт. № 9, 5—6; въ Сѣв. Пчелѣ № 110 и 281; въ Спб. Вѣд. № 279 и Семейномъ Кругѣ № 51.

1861. Рец. и замѣтки по поводу того-же изд. въ Современ. № 2,317—316 (*М. Л. Михайлова*); въ Разсвѣтѣ № 2, 17—30 (*Д. А. Саранчова*); въ Совр. Лѣтописи № 3, 27 (*М. Н. Лонгинова*); Въ Библ. Зап. № 3,82—94; № 16,488—497, № 18,556—564 и № 20,643—658 (*П. А. Ефремова*). Неоконченное стих. Л—ва ib. № 1, 19; Нигдѣ не напечатанныя стих. Л., доставленныя *Гербелемъ* ib. № 16,487—8 и Письмо Гербеля ib. № 18, 563—4; Стихотвореніе Л., дост. *А. Ѳ. Бычковымъ*—ib., 556. Еще переводъ Демона на фр. яз. (Аносовой), *А. Рагозина*, въ Моск. Вѣд. № 138. Дѣятели русской лит., съ портретами, въ Иллюстраціи, т. VII, № 155—157.—Литер. воспоминанія *И. И. Панаева*, въ Соврем. 1861, № 2, 656—663.

1862. Руководство къ исторіи новой рус. лит., *Э. Вульфа*, Москва (см. см. 137—152, 156 и др.). Точныя свѣдѣнія о первой дуэли Л., за которую онъ былъ сосланъ на Кавказъ, въ Вѣкѣ, № 3, 57—61; перепеч. въ Моск. Вѣд. № 25 и Сѣв. Пч. № 29.—М. Ю. Л—въ, *И. С. Ремезова*, съ портретомъ Л—ва Р. Шведе, видами дома его и могилы, дома Реброва и снимка съ картины Л—ва, въ Рус. Худ. Листкѣ № 7, 27—29. Два неизд. стих. Л—ва, сообщ. *Малюкъ* (П. А. Зеленый) въ Нашемъ Врем. № 190, 760.—Лермонтовъ и его направленіе, *Ап. Григорьева*, во Времени № 10, 11—32; № 11, 49—73 и № 12, 1—34.

1863. Пособіе къ препод. русской слов. *Евг. Судовщикова*, Кіевъ. (см. стр. 76—79). Отзывъ о Л., архіеп. Чернигов. *Филарета* въ Обзорѣ рус. дух. лит. Черниговъ кн. 2, стр. Ш.—Письмо Л. на франц. яз. Р. Архивъ № 3, 265—8; перепеч. въ «Очеркахъ» № 82; Письмо Л. въ Р. Арх. № 4, 292—5 и семь писемъ—ib. № 5—6, 417—436.—Матеріалы для біографіи и лит. оцѣнки

Л—ва, *С. С. Дудышкина*, при изданіи 1863 г., 49 стр.—Рец. по поводу этого изд. *М. Н. Лонгинова*: важная лит. новость—въ Совр. Лѣтоп. № 16, 15 и Библіографія сочиненій Л—ва въ Р. Арх. *его-же*, № 7, 571—5. *В. А. Зайцева* въ Рус. Словѣ № 6, 13—28. Отзывъ *А. П. Ермолова* по пов. убійства Л—ва въ Р. Арх. № 5, 440 и въ Запискахъ *М. П. Погодина* въ Рус. Вѣстн. 1864, № 8, 229. Статьи *В. Р. Зотова* въ Сѣверномъ Сіяніи: Кн. Мери, т. 2, 22—34 Демонъ 91—102; Л. Въ его народныхъ произвед. 172—8; Первыя поэмы Л. 226—234; Юношескія произв. Л. 292; Л. въ его лучшихъ произведеніяхъ 344; Кавказскія стих. Л—ва 414; Мцыри 721; юмористическія поэмы 773.

1864. Статьи *В. Р. Зотова* въ Сѣв. Сіяніи: Тамара, т. 3, № 1; Л. какъ прозаикъ и драматургъ—ib., № 5 и 6. Еще письмо Л-ва въ Р. Арх. № 10, 1089—91. Неизданныя стих. Л., сообщ. *Г. П. Данилевскимъ*, ib., 1087—8, исправленіе ib., 1867, № 7, 1175.

1865. Замѣтки о Л-вѣ, въ статьѣ гр. *Соллогуба*, въ Р. Арх. № 5—6, 768—772. Замѣтка о выходѣ изд. Пѣсни о царѣ Ив. Вас. и пр., *П. А. Ефремова*, въ Книжн. Вѣст. № 16, 300 и объ этомъ изд. *М. Н. Лонгинова* въ Р. Вѣстн. № 8; въ Голосѣ № 289.

1866. О франц. перев. «Мцыри» Пр. Мериме и И. Тургенева въ Р. Арх. № 2, 261. Новая рус. лит. отъ Жуковскаго до Гоголя включительно, *В. И. Водовозова*, Спб. (см. 229—301). Дѣло о первой дуэли Л., въ Русскихъ Угол. Проц. *А. Любавскаго*, т. 1. Спб. (см. 556—560); перепеч. въ Спб. Вѣд. и Голосѣ 1867, №№ 59-е.

1867. Военносудное дѣло о второй дуэли Л., въ томъ-же изд., т. 2-й, Спб. Перепеч. въ Спб. Вѣд. № 156. Конспектъ по исторіи Рус. Слов., *М. Парунова*, вып. 2, Спб. (см. 35—36). А. Г. Хомутова, *Е. Розе*, въ Р. Арх. № 7, 1049—52. Замѣтка *А. Петрова* о 4-стишіи Л. ib., 1175. Могила и памятникъ Л-ва, съ рис., въ Иллюстр. газ., т. 19, № 12, 180; ср. Одесскій Вѣстн. 1868, № 25 и Астраханск. справ. листокъ 1868, № 28.—Выдержки изъ моего дорожнаго портфеля: Чембаръ и с. Тарханы (гдѣ похороненъ Л.), *Н. Прозина*, въ Пензен. губ. Вѣд. № 50; перепеч. въ Спб. В. и Р. Инвал. 1868, №№ 19-е и въ Голосѣ № 20.

1868. Домъ, гдѣ жилъ Л. въ Пятигорскѣ, *Ф. Миняева*, въ Листкѣ для посѣт. Кавказ. Мин. Водъ № 8; перепеч. въ Спб. Вѣд. № 219. М. Ю. Л-въ, въ Кавказѣ № 17. Русскіе идеалы, о Печоринѣ и пр., *Н. Шелгунова*, въ Дѣлѣ № 6 и 7, 79—112 и 153—163. О преподованіи рус. лит., *В. Я. Стоюнина* изд. 2, Спб. (см. 330 и др.)

1869. Руководство къ теоретич. изуч. литер. *В. Я. Стоюнина*, Спб. (см. 1—23, 83—4, 86, 93—4, 184—7 и др.). Курсъ исторіи рус. лит. *А. Липиченко*, Кіевъ (см. 152—6). Курсъ ист. рус. лит., *К. Петрова*, Спб. (см. 105—110). Пособіе къ изуч. Рус. Словесн., *К. Тимофеева*, Спб. (см. 128—131). Лермонтовъ, во 2 т. текста въ портр. галлереѣ Рус. Дѣятелей, А. Мюнстера, Спб.—Воспоминанія *Е. А. Хвостовой*, въ Вѣстн. Евр. № 8, 684—740 и № 9, 298—346. Рец. въ Спб. Вѣд. № 217, 245, Сѣв. Пч. № 42, Новое Время № 157, Голосъ № 281. По поводу записокъ Е. А. Хвостовой, *Над. Ѳадѣевой*, въ Совр. Лѣтоп. № 46.

1870. Жизнеописанія Жуковскаго, Крылова, Пушкина, Лермонтова и пр. Сборникъ для народ. чт., кн. 1, 133—164. Замѣтка о родственныхъ отнош. Л-ва, въ письмахъ *гр. Сперанскаго*, въ Р. Арх. № 6, 1136. Поэтъ М. Ю. Л-въ по запискамъ и разсказамъ современниковъ, *П. К. Мартьянова*, во Всем. Трудѣ, № 10, 581—604. Приглашеніе министра нар. просв. сообщ. адресъ *Шангиреевъ*, которымъ принадлежатъ нѣкоторыя рукописи Л., представленныя г. Хохряковымъ (циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 24 февраля 1870 г., за № 42; перепечатанъ въ Моск. Вѣд. № 165, Соврем. Изв. № 111 и въ Нов. Врем. № 210). Вслѣдствіе этого приглашенія Эриванскій уѣздный начальникъ Якимъ Павловичъ Шангирей заявилъ, 25 августа 1870 г., что переданныя ему Лермонтовымъ рукописи онъ передаетъ Публичной Библіотекѣ.

1871. Записки *Е. А. Хвостовой*, рожд. Сушковой. Матеріалы для біографіи поэта. М. Ю. Л-ва Изд. 2-е, съ дополн. и прилож. Спб. 1871 (1870), въ 8 д. л. XVI и 259; здѣсь въ добавокъ перепечатаннымъ біогр. статьямъ о Л-вѣ укажемъ: Похороны Л., *кн. Н. Н. Голицына* 249—251 и Письмо *Н. С. Мартынова*, съ отказомъ сообщить о поводахъ дуэли, 257—8. Рец. въ Дѣлѣ 1870, № 12, 66—7 и Вѣстн. Евр. 1870, № 11, на обложкѣ.—Еще по поводу записокъ Е. А. Хв—й, *Н. Ѳадѣевой*, въ Совр. Лѣтоп. № 41, 8—9. Знакомство съ русскими поэтами, *А. Н. Муравьева*, Кіевъ, въ 8 д. л. 35 стр. Новонайденные стих. Л. къ Н. Н. Арсеньеву, сообщ. *Е. И. Ляссотовичъ*, въ Р. Арх. № 7—8, 1271.

1872. Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Л-ва и о дуэли его къ Н. С. Мартыновымъ, *кн. А. И. Васильчикова*, въ Р. Арх. № I, 206—213. Неизд. стихотворенія, отрывки и письма Л-ва, съ замѣтк. объ изд. 1863 г., *П. А. Ефремова*, въ Рус. Стар. № 1 и 2, 84, 286—295. Къ читателямъ Рус. Ст., о доставленіи рукописи «Казначейши», отъ *ред.* ib, 296. Замѣчанія на воспоминанія Е. А. Хвостовой, *Е. А. Ладыженской*, въ Р. Вѣстн. № 2, 637—662. М. Ю. Лермонтовъ въ юнкерской школѣ, *А. М. Меринскаго*, въ Рус. Мірѣ, № 205. Воспоминанія *В. П. Бурнашева*: М. Ю. Л-въ, въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ, въ Р. Арх. № 9, 1770—1850.—Неизданныя автобіогр. стихи Л., сообщ. *П. А. Ефремовымъ*, съ послѣсловіемъ П. И. Бартенева, ib., 1849—1852.

Замѣтимъ, что въ статьѣ кн. Васильчикова слѣдуетъ исправить по сообщеннымъ намъ замѣчаніямъ г. *М—ва*: «Лерм. и Столыпинъ пріѣхали въ Пятигорскъ не въ іюлѣ, а въ маѣ 1841 г. и не изъ экспедиціи, а прямо изъ Петербурга, куда они оба ѣздили въ отпускъ. Изъ отряда-же дѣйствительно всѣ пріѣзжали въ Кисловодскъ на двѣ недѣли во время роздыха, даннаго войскамъ между лѣтней и осеннею экспедиціями, но это происходило не въ 1841, а въ 1840 г. Къ этой эпохѣ и относится сраженіе подъ Валерикомъ, описанное Л—мъ. Глѣбовъ тоже былъ раненъ въ 1840 г.» Всѣ эти обстоятельства положительно извѣстны изъ документовъ того времени, которые хранятся у г. М.—Еще замѣтимъ, что Глѣбовъ жилъ у г. Мартынова въ д. Верзилиныхъ. Хозяйка, рожденная Клейненбергъ, вышедшая замужъ за любимца гр. Паскевича, атамана казачьихъ линейныхъ полковъ Верзили-

на, въ это время уже была вдовою и жила съ тремя дочерьми, изъ которыхъ старшая Эмилія (Rose du Caucase) была отъ перваго брака. Къ нимъ относится неизданное стихотв. Л—ва: «За дѣвицей Emilie молодежъ» и пр. Что-же касается до статьи *В.Бурнашева*, то странный тонъ разсказа, искаженіе хорошо извѣстныхъ обстоятельствъ, переиначеніе приводимыхъ стиховъ до лишенія размѣра и даже смысла, и наконецъ очевидное «сочинительство», заставляютъ исключить это произведеніе изъ числа матеріаловъ для біографіи Лермонтова.

1873. Замѣтки о Л—вѣ и о нѣкоторыхъ его современникахъ, *М. Н. Лонгинова*, въ Р. Стар. № 3, 380—392; сообщ. свѣдѣнія довольно скудныя и отчасти поверхностныя; разъясненіе именъ (стр. 390) взято изъ общаго оглавленія къ изданію Л—ва 1863 г., но это не обозначено; портретъ Л—ва (стр. 383) указанъ *вовсе не* г. *Лонгиновымъ*, а г. Муренко изъ Саратова, который прислалъ намъ фотографическій снимокъ.—Какъ писать фамилію Лермонтова, *Ив. Ник. Лермантова*, ib., 392—393.—Неизданныя стих. Л—ва въ переводѣ Боденштедта, *Г. С. Чирикова*, ib., 394—402; нѣмецкій перев. въ стихахъ и съ него русскій въ прозѣ.—Посланіе Л—ва, *Н. Ф. Кудрявцева*; новая редакція письма, напечатаннаго въ настоящемъ изданіи по черновому наброску на стр. 335—338, тома 1-го. Повидимому, этотъ черновой наброскъ послужилъ оригиналомъ для двухъ отдѣльныхъ писемъ, изъ которыхъ одно напечатано нынѣ въ *Русской Старинѣ*, а другое хранится въ подлинникѣ въ Чертковской Библіотекѣ и было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 г., № 10, стр. 1089. Ср. Спб. Вѣд. № 62: «недѣльные очерки».

О переводахъ сочиненій Л-ва на иностранные языки мы привели выше всѣ статьи русскихъ журналовъ; здѣсь остается замѣтить еще, что на французскій языкъ переведены: нѣкоторые изъ стихотв. и Демонъ въ 1853, и 1866 г., Демонъ въ 1858 и 1860, Мцыри и другія стихотворенія въ 1866, Герой нашего времени въ 1845 и 1863 г.; на *англійскій*: Герой нашего времени два раза въ 1854 и въ извлеченіи въ 1855 г.; *на нѣмецкій*: стихотворенія, въ томъ числѣ пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и Мцыри въ 1842, стих. въ 1852 г. Демонъ въ 1859 и 1864 г., Герой нашего времени въ 1843, 1845, 1852 и 1855 г.; на *шведскій*: тоже въ 1844 и 1856 г.; на *польскій*: тоже въ 1844 и 1848 г., Мцыри (Сырокомли), Хаджи-Абрекъ и Бѣглецъ (Болеславъ Викторъ), Боярин Орша (1855), мелкія стих. (Прушковскій), Измайлъ-Бей (1864); на *сербскій*: Демонъ (1862).

IV. Портреты и рисунки.

1) Оригиналъ, писанный масляными красками, въ 1841 г., художникомъ *К. Горбуновымъ* для А. А. Краевскаго остался неоконченнымъ за отъѣздомъ Лермонтова и додѣланъ уже послѣ его смерти; въ армейскомъ мундирѣ съ

шашкою, ³/₄ вправо. Съ него а) Литографія, in 8° (Pohl), была приложена къ изд. сочиненій 1856 г., б) тоже (но ³/₄ влѣво) въ альбомѣ русскихъ писателей Н. Н. Полеваго, М. 1860 г., в) уменьшенная, на деревѣ, въ Иллюстр. 1861, № 155. г) Литографія (вправо, крайне плохая) при книгѣ: «Подарокъ дѣтямъ», М. 1862 г. д) Тоже, въ листъ, во 2 т. Портретной Галлереи, А. Мюнстера, Спб. 1869 г., е) тоже, рѣз. на деревѣ Гогенфельденомъ, при изд. «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, in 8°, Спб. 1866. ж) Гравюра на стали *Ѳ. Іордана*, 1859 г., in 8°, при изданіяхъ сочиненій 1860 и 1863.

2) Оригиналъ, рисованный акварелью въ 1838 г. художникомъ *Клиндеромъ* для тогдашнихъ сослуживцевъ Л—ва: Гг. Хомутова, Потапова, кн. Оболенскаго и кн. В. А. Меньшикова; въ гусарскомъ сюртукѣ, ³/₄ вправо; съ экземпляра, принадлежащаго кн. Меньшикову сдѣлана гравюра на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ, in 8°, приложенная къ изд. сочиненій Л. 1863 г. и къ нынѣшнему.

3) Оригиналъ, писанный масляными красками, около 1836—37, художникомъ *Захаровымъ* для г. Столыпина; въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, въ шинели и съ треугольной шляпой въ рукѣ, ³/₄ вправо. Оригиналъ указанъ намъ г. Муренко, приславшимъ потомъ и фотографическую съ него копію, изъ Саратова. Съ нея сдѣлана гравюра на стали у Брокгауза, in 4°, приложенная къ изд. «Пѣсни про Царя Ивана Вас.» и пр., Спб. 1865 г.

4) Оригиналъ, писанный съ покойнаго уже поэта, на другой день кончины его, художникомъ *Р. Шведе*, принадлежитъ нынѣ княгинѣ С. И. Ухтомской. Литографія съ него, сдѣланная г. Тиммомъ, находится въ Русскомъ Худож. Листкѣ 1862 г., № 7.

5) Видъ домика, въ которомъ Л. жилъ передъ смертью въ Пятигорскѣ. Орелъ, 1859, № 2, стр. 41.

6) Балконъ дома Упмана, гдѣ Л. жилъ въ Пятигорскѣ въ іюлѣ 1841 г. (съ рис. А. И. Арнольди). Р. Худ. Лист. 1862 г., № 7.

7) Могила М. Ю. Л-ва на кладбищѣ въ Пятигорскѣ въ 1-й годъ по кончинѣ поэта (съ рис. А. И. Арнольди)—ib.

8) Видъ могилы и памятника Л. въ с. Тарханахъ, Пенз. губ. Иллюстр. Газ. 1867 г., № 12.

9) Воспоминаніе о Кавказѣ, снимокъ съ картины Л-ва, писанной имъ масляными красками въ Новгородѣ 1838—39 г. (подлинникъ у А. И. Арнольди). Р. Худ. Лист. 1862 г., № 7.

10) Домъ Реброва въ Кисловодскѣ—мѣсто дѣйствія романа «Княжна Мери» (съ рис. А. И. Арнольди)—ib.

11—13) Дѣло подъ Валерикомъ (11 Іюля 1840 г.), Видъ Дарьяльскаго ущелья и Развалины замка царицы Тамары, близъ Кара-Агача (Тифлисской губ.). Три литогр. in 4°, *И. Корелина*, изд. гв. полковника *Новоселова*.

14—25) Къ изданію В. Генкеля «Сѣверное Сіяніе» приложены картины in 4°, грав. на стали у Брокгауза, при 2 томѣ (1863): 1) Кн. Мери, *В. Верещагина*, 2) Тамара и Демонъ, *Н. Негодаева*, 3) Кулачный бой при Іоаннѣ

IV, *М. Пескова*, 4) Измаилъ-Бей, встрѣча съ Зарою, *К. Флавицкаго*, 5) тоже, объясненіе съ Зарою, *его-же*, 6) Сцена изъ «Сказки для дѣтей», *его-же*, 7) Ангелъ, *его-же*, 8) Мцыри, 9) Казначейша. При 3 т. (1864): 10) Тамара, 11) Сцена изъ Героя нашего времени и 12) изъ Маскарада, *А. И. Лебедева*.

26) Въ двухъ изд. «Пѣсни про царя Ивана Васильевича» и пр., in 4°, и in 8° 1865—66 г., находится 12 рисунковъ художника *А. Шарлеманя*, рѣзанные на деревѣ Гогенфельденомъ и Фрейндомъ.

27) Рисунки къ этой-же «Пѣсни», дѣланные художникомъ *В. Шварцемъ*. 5 листовъ, in f°. Спб. 1872 г.

28) Два большіе эстампа, великолѣпно гравированные въ Англіи, съ картинъ Зичи, изображающіе свиданіе Тамары съ Демономъ, изданы въ 1871 г.

П. Ефремовъ.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

обоихъ томовъ *.

Августа 7-го, въ деревнѣ. «Блистая пробѣгаютъ облака». II, 102.
Автору «Курдюковой» (въ альбомъ). I, 116.
Ангелъ. I, 1.
АНГЕЛЪ СМЕРТИ. Восточная повѣсть. II, 228.
Атаманъ. II, 103.
Аулъ-Бастунджи (отрывокъ). II, 124.
Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка. I, 305.

«Безъ васъ хочу сказать вамъ много». (А. О. Смирновой). I, 115.
Благодарность. «Благодарю! вчера мое признанье». II, 78.
Благодарность. «За все, за все, тебя благодарю я». I, 111.
«Блистая пробѣгаютъ облака». (7-го августа, въ деревнѣ), II, 102.
Бородино. I, 60, и первоначальный очеркъ II, 86.
* БОЯРИНЪ ОРША. II, 437.
* «Будь со мною, какъ прежде бывала». (К... Д...). II, 52.
Булгакову (Константину Александровичу). «На вздоръ и шалости ты хватъ». II, 59.
Бухариной (Вѣрѣ Николаевнѣ). «Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра». II, 58.
Бухарову, Н. И. Къ портрету стараго гусара. II, 148.
Бухарову (Николаю Ивановичу). «Мы ждемъ тебя! спѣши, Бухаровъ!» II, 148.
БѢГЛЕЦЪ. Горская легенда. I, 135.

* Валерикъ. I, 141.
«Вблизи тебя, до этихъ поръ». (Черноокой). II, 78.
Весна. «Когда весной разбитый ледъ». II, 80.
«Взгляни какъ мой спокоенъ взоръ». II, 80.
Видъ горъ изъ степей Козлова (изъ «крымскихъ сонетовъ»). I, 134.
Воздушный корабль (изъ Зейдлица). I, 107.
Волны и люди. II, 116.
Воля. II, 106.

---

* Заглавія сочиненій въ прозѣ—напечатаны курсивомъ; римскія цифры обозначаютъ томъ, арабскія—страницу, звѣздочка—исправленіе или дополненіе, а двѣ звѣздочки—новое произведеніе, не бывшее въ предъидущихъ изданіяхъ.

Воронцовой-Дашковой (къ портрету гр. Александры Кириловны В.-Д.). I, 115.
«Время сердцу быть въ покоѣ». II, 61.
«Всевышній произнесъ свой приговоръ». II, 99.
«Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали». (Нарышкиной). II, 58.
Въ альбомъ автору «Курдюковой». I, 116.
Въ альбомъ (изъ Байрона). «Какъ одинокая гробница». I, 42.
«Въ верху одна». II, 84.
Въ Воскресенскѣ (жилище Никона). II, 73.
«Въ минуту жизни трудную». (Молитва). I, 68.
«Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана». (Сонъ). I, 159.
«Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной». (Русская мелодія). II, 17.
* «Выхожу одинъ я на дорогу». I, 165.
Вѣтка Палестины. I, 40.

Had we never loved so kindly. (Еслибъ мы не дѣти были). II, 66.
Генію (къ). «Когда во тьмѣ ночей». II, 14.
* *ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ*. I, 169.
Предисловіе. 171.
1) Бэла. 172.
2) Максимъ Максимычъ. 204.
Предисловіе къ журналу Печорина. 213.
3) Тамань. 214.
4) Княжна Мери. 225.
5) Фаталистъ. 295.
«Гляжу на будущность съ боязнью». I, 133.
** Г—ой (Кн. Л.) «Когда ты холодно внимаешь». II, 109.
«Горныя вершины». (Изъ Гете). I, 111.
Гр. Ростопчиной. «Я вѣрю: подъ одной звѣздою». I, 117; II, 59.
* «Графиня Эмилія». (Графинѣ Эмиліи Карловнѣ Мусиной-Пушкиной). II, 158.
Грузинову (къ). «Скажу любезный мой пріятель». II, 18.

* Д... (К...). «Будь со мною, какъ прежде бывала». II, 52.
Д... (стансы). «Я не могу ни произнесть». II, 110.
«Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали». (Н. Ф. И.). II, 57.
Дары Терека. I, 70.
Два великана. II, 157.
Два сокола. II, 19.
Двадцать-осьмое сентября. «Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый». II, 106.
* ДЕМОНЪ. Восточная повѣсть. I, 2.
Первоначальные очерки:
1-й очеркъ. II, 28.
Два посвященія «Я буду пѣть пока поется». II, 28.
* Начало поэмы. «Печальный демонъ, духъ изгнанья». II, 29.

* 2-й очеркъ. II, 34.
3-й очеркъ. «По голубому небу пролеталъ». II, 97.
* 4-й очеркъ. «Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ». II, 127.
Два посвященія: поэмы «Демонъ»:
«Прими мой даръ, моя Мадонна». II, 114.
«Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье». II, 114.
Посвященіе къ поэмѣ Демонъ: «Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли». I, 114.
Демонъ (мой). «Собранье золъ — его стихія». II, 20.
* Джуліо. Отрывокъ изъ повѣсти въ стихахъ. II, 67.
** Дитя въ люлькѣ (изъ Шиллера). II, 27.
** «Для чего я не родился». I, 338.
Договоръ. «Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ». I, 128; сравн. II, 66.
Додо (гр. Ростопчиной). «Умѣешь ты сердца тревожить». II, 59.
«До лучшихъ дней!—передъ прощаньемъ». (Къ другу В. Ш.). II, 101.
* «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой». I, 164.
Дума. «Печально я гляжу на наше поколѣнье». I, 66; сравн. 342.
*«Душа моя мрачна! (Еврейская мелодія). I, 41.
** «Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь». II, 27.

* Еврейская мелодія (изъ Байрона). «Душа моя мрачна». I, 41.
Еврейская мелодія. «Плачь, Израиль». II, 176.
** «Его отецъ богатый былъ маркизъ». II, 144.
Елена (св.). II, 101.
«Еслибъ мы не дѣти были». (Had we never loved so kindly). II, 66.
«Есть рѣчи». I, 119, 372.

** Жалобы Турка (ты зналъ-ли дикій край). II, 18.
Желаніе. «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной». II, 100.
Желаніе. «Отворите мнѣ темницу». I, 126; сравн. 63.
«Желтый листъ о стебель бьется». (Пѣсня). II, 52.
*Журналистъ, читатель и писатель. I, 102, 370.

Завѣщаніе. «Наединѣ съ тобою, братъ». I, 119.
«Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ». (1830, іюля 15). II, 76.
Звѣзда (вверху одна). II, 85.
«Зови надежду сновидѣньемъ». II, 80.

И. (Н. Ф.) «Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали». II, 57.
«И день насталъ, и совершилось». (Наводненіе). I, 373.
ИЗМАИЛЪ-БЕЙ. Восточная повѣсть. II, 244.
Изъ альбома С. Н. Карамзиной. «Любилъ и я въ былые годы». I, 117.
Изъ Байрона: Еврейская мелодія. I, 41. Какъ одинокая гробница.

I, 42. Умирающій гладіаторъ. I, 42. Прости. II, 73. Къ Л***. II, 82.
Изъ Гейне: Сосна I, 112. «Они любили другъ друга I, 160.
Изъ Гёте: «Горныя вершины». I, 111.
Изъ Мицкевича: Видъ горъ изъ степей Козлова». I, 134.
** Изъ Шиллера. II, 27.
«Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски». I, 129.
«И наконецъ я видѣлъ море». I, 336.
И скучно и грустно. I, 109.
* Испанцы. Отрывокъ изъ трагедіи. II, 161.
Исповѣдь. «Я вѣрю, обѣщаю вѣрить». II, 104.
«Итакъ, прощай». II, 83.

Іюня 11 (1831 г.). «Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ». II, 88.
Іюля 11. «Между лиловыхъ облаковъ». II, 97.
Іюля 15 (1830 года). «Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ». II, 76.

* Кавказскій плѣнникъ. Отрывки изъ поэмы. II, 2.
Кавказъ. «Хотя я судьбой». II, 69.
Казачья колыбельная пѣсня. I, 100.
Казбеку. «Спѣша на сѣверъ издалека». I, 131.
КАЗНАЧЕЙША. II, 469.
Казотъ. «На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ». I, 140.
«Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень». II, 63.
«Какъ духъ отчаянья и зла». II, 57.
«Какъ лучъ зари, какъ розы Леля». II, 65.
«Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва». I, 115.
«Какъ небеса твой взоръ блистаетъ». II, 157.
«Какъ одинокая гробница». Въ альбомъ (изъ Байрона). I, 42.
«Какъ по вольной волюшкѣ». (Пѣсня). I, 219.
«Какъ часто пестрою толпою окруженъ». (Первое января). I, 99.
Каллы. Черкесская повѣсть (отрывокъ). II, 126.
Карамзиной, С. Н. (изъ альбома). I, 117.
Кинжалъ. «Люблю тебя, булатный мой кинжалъ». I, 124.
*Князь Мстиславъ (и сюжетъ). II, 54.
«Когда-бъ въ покорности незнанья». II, 108.
«Когда-бы могъ весь свѣтъ узнать». (Sentenz). II, 74.
«Когда весной разбитый ледъ». (Весна). II, 80.
«Когда волнуется желтѣющая нива». I, 65.
** «Когда надеждѣ недоступный». II, 146.
«Когда къ тебѣ молвы разсказъ». II, 81.
«Когда одни воспоминанья». (Оправданіе). I, 120; сравн. II, 218.
«Когда поспорить вамъ придется». (Мартыновой). II, 59.
** Когда Рафаэль вдохновенный» (Поэтъ). I, 334.

** Когда ты холодно внимаешь» (кн. Л. Г—ой). II, 109.
«Когда я унесу въ чужбину». (Романсъ къ ***). II, 115.
** Конецъ! какъ звучно это слово». I, 339.
* Корсаръ. Отрывки изъ поэмы. II, 10.
Къ А. С. «Не привлекай меня красой». II, 18.
Къ Бухарову. «Мы ждемъ тебя; спѣши, Бухаровъ». II, 148.
Къ генію. «Когда во тьмѣ ночей». II, 14.
Къ Грузинову. «Скажу любезный мой пріятель». I, 26.
**Къ другу (стремится медленно). II, 26.
Къ другу В. Ш. «До лучшихъ дней». II, 104.
** Къ кн. Л. Г—ой (Когда ты холодно внимаешь). II, 109.
Къ Л*** (Подражаніе Байрону). «У ногъ другихъ не забывалъ». II, 82.
** Къ Неэрѣ. II, 53.
Къ портрету гр. В — вой-Д — вой. «Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва». I, 115.
Къ портрету стараго гусара (Н. И. Бухарову). II, 148.
Къ пріятелю. «Мой другъ, не плачь передъ разлукой». II, 113.
Къ *** (Всевышній произнесъ свой приговоръ). II, 99.
Къ *** (Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ). «Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья». II, 76.
* Къ *** «Я не унижусь предъ тобою». II, 64.
** Къ *** (изъ Шиллера). «Дѣлись со мною». II, 27.

Л.... (къ). Подражаніе Байрону. «У ногъ другихъ не забывалъ». II, 82.
*«Лилейной рукой поправляя». I, 375.
* Литвинка. Повѣсть. II, 122.
«Любилъ и я въ былые годы». (Изъ альбома Карамзиной). I, 117.
«Любилъ сначала жизнь я». (М. Ф. М...вой). II, 69.
* Люблю я цѣпи синихъ горъ». II, 60.
* Любовь мертвеца. I, 113.

Мартыновой. «Когда поспорить вамъ придется». II, 59.
М....вой (М. Ф.) «Любилъ сначала жизнь я». II, 69.
* МАСКАРАДЪ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. II, 324.
«Между лиловыхъ облаковъ». (11 іюля). II, 97.
Menschen und Leidenschaften. (Тобою только вдохновенный). II, 84,
«Метель шумитъ и снѣгъ валитъ». II, 107.
«Много красавицъ въ аулахъ у насъ» I, 182.
«Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю». (Отчего). I, 110.
Мой демонъ. «Собранье золъ—его стихія». II, 20.
«Мой другъ, не плачь передъ разлукой». II, 113.
Молитва. «Въ минуту жизни трудную». I, 68.
Молитва. «Не обвиняй меня, Всесильный». II, 27.
* Молитва. «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою». I, 64; сравн. 356.

Молитва (юнкерская). «Царю небесный». II, 147.
* Монго. II, 149.
Монологъ. «Повѣрь, ничтожество есть благо». II, 26.
Морская царевна. I, 166.
Морякъ. II, 120; сравн. 129.
«Моя душа, я помню». (1831 г., іюня 11). II, 88; сравн. 193 и 194.
МЦЫРИ. I, 77.

* Нарышкиной. «Всѣмъ жалко васъ, вы такъ устали». II, 58.
«На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ». (Казотъ). I, 140.
«На буркѣ, подъ тѣнью чинары». I, 375.
«На вздоръ и шалости ты хватъ». (Булгакову). II, 59.
Наводненіе (отрывокъ). I, 373.
На картину Рембрандта. II, 115.
«Надъ бездной адскою блуждая» (М. П. Соломирской). I, 116.
«На нашихъ дамъ морозныхъ». (Въ альб. авт. Курдюковой). II, 159.
«На свѣтскія цѣпи». (Кн. Щербатовой). I, 112.
«На смерть Пушкина. I, 43.
«Настанетъ день, и міромъ осужденный». II, 51.
«Не вѣрь себѣ». I, 72.
«Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ. II, 80, 499.
«Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья». (Къ ***). II, 76.
«Не обвиняй меня, Всесильный». (Молитва). II, 27.
«Не отвергай мой слабый даръ«. (Посвященіе къ драмѣ Испанцы). II, 161.
«Не плачь, не плачь, мое дитя». I, 130.
«Не привлекай меня красой». (Къ А. С.). II, 18.
«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою». I, 133.
«Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра». (Бухариной). II, 58.
«Нѣтъ, міръ пошелъ совсѣмъ не такъ». (Трубецкому). II, 58.
* «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю». I, 165.
«Нѣтъ, я не Байронъ, я другой». II, 119.
«Нѣтъ, я не требую вниманья». II, 85.
** Неэрѣ. II, 53.

Одиннадцатаго іюля. «Между лиловыхъ облаковъ». II, 97.
* Одоевскаго (А. И.) памяти. I, 74; сравн. 342.
* Олегъ. II, 33.
** «Она была прекрасна, какъ мечтанье». II, 63.
«Она поетъ и звуки таютъ». II, 156.
«Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно». I, 160.
«Онъ былъ въ краю святомъ». II, 147.
** «Онъ былъ рожденъ для счастья». I, 342.
«Онъ не красивъ» (Портретъ). II, 13.
«Опять, народные витіи». II, 118.

«Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый». (28 сентября). II, 106.
«Опять явилось вдохновенье» (посвященіе). II, 244.
Оправданіе. «Когда одни воспоминанья». I, 120; сравн. II, 218.
«Отворите мнѣ темницу». (Желаніе). I, 126.
«Отворите мнѣ темницу». (Узникъ). I, 63.
Отчего. «Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю». I, 110.
Отрывки:
* *Изъ начатой повѣсти.* I, 313, 327, 376.
** Его отецъ богатый былъ маркизъ. II, 144.
Изъ черновой тетради. II, 502.
* Очерки поэмы «Демонъ». II, 28, 34. 97, 127.

* Памяти кн. А. И. Одоевскаго. I, 74, ср. 342.
Парусъ. I, 125; сравн. 348.
Первое января. «Какъ часто, пестрою толпою окружонъ». I, 99.
«Передо мной лежитъ листокъ». II, 82.
* Петергофскій праздникъ (отрывки). II, 139.
«Печально я гляжу на наше поколѣнье». (Дума). I, 66; ср. 342.
Письма Лермонтова:
** I, II. Къ теткѣ. I, 333.
* III. Къ г-жѣ С. А. I, 355.
** IV—XII. Къ N. N. I, 338, 379.
** XIII—XV. Къ генералъ-майору Плаутину. I, 359.
** XVI. Къ великому князю Михаилу Павловичу. I, 361.
** XVII. Къ С. А. I, 382.
* Письмо. «Свѣча горитъ». II, 15.
«Плачь, Израиль!» (Еврейская мелодія). II, 176.
Плѣнный рыцарь. «Молча сижу подъ окошномъ темницы». I, 125.
Повѣрь, ничтожество есть благо. (Монологъ). II, 26.
* «По произволу дивной власти». I, 337.
Портретъ. «Онъ не красивъ, онъ не высокъ». II, 13.
Портрету (къ) гр. В—вой-Д—вой. I, 115.
Портрету (къ) стараго гусара. II, 148.
Посвященія: Къ поэмѣ Ангелъ Смерти. II, 228.
Къ поэмѣ Демонъ. I, 114; II, 28, 114.
* Къ поэмѣ Измаилъ Бей (опять явилось вдохновенье). II, 244.
Къ драмѣ Испанцы. «Не отвергай мой слабый даръ». II, 161.
Къ Menschen und Leidenschaften. «Тобою только вдохновенный». II, 84.
«Прими, прими мой грустный трудъ». II, 75.
«Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ». II, 75.
Послѣднее новоселье. I, 122.
«Посреди небесныхъ тѣлъ». II, 146.
** Поэтомъ, хоть и это бремя (эпиграмма). II, 18.
** Поэтъ (когда Рафаэль вдохновенный). I, 334.
Поэтъ. «Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ». I, 76.

Прелестницѣ. II, 66; сравн. I, 128.
* Преступникъ. II, 20.
«Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ». II, 117.
«Прими мой даръ, моя Мадонна». (Посвященіе къ поэмѣ Демонъ). II, 114.
«Прими, прими мой грустный трудъ». (Посвященіе). II, 75.
Пріятелю (къ) «мой другъ, не плачь передъ разлукой. II, 113.
* Пророкъ. I, 167.
Прости (изъ Байрона). «Прости! коль могутъ къ небесамъ». II, 73.
«Прости! Увидимся-ль мы снова». (Эпитафія). II, 66.
«Простосердечный сынъ свободы». (Эпитафія). II, 74.
«Пускай толпа клеймитъ (Договоръ). I, 128; сравн. II, 66.
Пѣсня. «Желтый листъ о стебель бьется». II, 52.
Пѣсня (казачья колыбельная). I, 100.
Пѣсня. «Какъ по вольной волюшкѣ». I, 219.
* Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова. I, 46.

«Разстались мы, но твой портретъ». I, 66.
«Ребенка милаго рожденье». II, 117.
Ребенку. «О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ». I, 109.
Родина. «Люблю отчизну я, но странною любовью». I, 121.
Романсъ къ *** «Когда я унесу въ чужбину». II, 115.
Романсъ. «Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ». II, 65.
Ростопчиной (графинѣ). I, 117; ср. II, 59.
Русалка. I, 39.
Русская мелодія. «Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной». II, 17.
«Русскій нѣмецъ бѣлокурый». (Экспромптъ). II, 158.

«Свершилось! полно ожидать». II, 83.
Свиданіе. «Ужъ за горой дремучею». I, 162.
Св. Елена. II, 101.
Седьмаго августа, въ деревнѣ. «Блистая пробѣгаютъ облака». II, 102.
Sentenz (когда бы могъ весь свѣтъ узнать). II, 74.
Сентября 28. «Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый». II, 106.
Силуэтъ. «Есть у меня твой силуэтъ». II, 56.
«Скажу, любезный мой пріятель». (Къ Грузинову). II, 18.
СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ. I, 148.
* «Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой». II, 62.
«Слышу ли голосъ твой». I, 18.
«Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный». (А. Г. Хомутовой). I, 139.
Смерть. «Закатъ горитъ огнистой полосою». II, 83.
Смерть. «Погаснулъ день! и тьма ночная своды». II, 70.
Смирновой. А. О. «Безъ васъ хочу сказать вамъ много». I, 115, 371.
Соломирской, М. П. «Надъ бездной адскою блуждая». I, 116.

Сонъ. «Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана». I, 159.
Сосна. (изъ Гейне). «На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко». I, 112.
Сосѣдка. «Не дождаться мнѣ видно свободы». I, 127.
Сосѣдъ. Ктобъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ». I, 65.
*Споръ. «Какъ-то разъ передъ толпою». I, 156.
Стансы («взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ). II, 80.
Стансы къ Д***. «Я не могу ни произнесть». II, 110.
«Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ». (Романсъ). II,65.
* *СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романтическая драма.* II, 180.
** «Стремится медленно толпа людей». (Къ другу). II, 26.
«Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ». (Эпиграмма). II, 18.

«Такъ! Для прекраснаго могилы нѣтъ». II, 194; сравн. 88.
Тамара. I, 160.
« Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли». (Посвященіе къ поэмѣ Демонъ). I, 114.
«Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ». (Посвященіе). II, 75.
«Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный». (Посвященіе). II, 228.
«Теперь я вижу: пышный свѣтъ». II, 72.
«Тобою только вдохновенный». (Посвященіе). I, 96.
«Три граціи считались». (Экспромтъ). II, 79.
«Три ночи я провелъ безъ сна». (Отрывокъ). II, 54.
Три пальмы. (Восточное сказаніе). I, 68.
Трубецкому. «Нѣтъ! міръ пошелъ совсѣмъ не такъ». II, 58.
Тучи. «Тучки небесныя, вѣчные странники». I, 111.
«Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей». II, 116.
* «Ты зналъ ли дикій край». (Жалобы турка). II, 19.
«Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою». I, 128.
1830 года, іюля 15. Москва. «Зачѣмъ семьи родной». II, 76.
1831 года, іюня 11. «Моя душа, я помню, II, 88; стр. 193—4.

«У вратъ обители святой». II, 79.
«Увы! Какъ скученъ этотъ городъ». I, 336.
«*У графини В. былъ музыкальный вечеръ*». (Отрывокъ изъ начатой повѣсти). I, 313, 377.
«Ужъ за горой дремучею». (Свиданіе). I, 162.
** «Ужасная судьба отца и сына». II, 112.
Узникъ. «Отворите мнѣ темницу». I, 63; сравн. 126.
* Уланша. (Отрывки). II, 142.
Умирающій гладіаторъ. I, 42.
«Умѣешь ты сердца тревожить». (Додо). II, 59, ср. I, 117.
«У ногъ другихъ не забывалъ». (Подражаніе Байрону). II, 82.
Утесъ. «Ночевала тучка золотая». I, 160.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ. II, 311.
Хомутовой. «Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный». I, 139.

Пейдлеру (М. И.). «Русскій нѣмецъ бѣлокурый». II, 158.
Царевна (морская). I, 166.

Чаша жизни. «Мы пьемъ изъ чаши бытія». II, 105.
* Черкесы. Отрывокъ изъ поэмы. II, 1.
Черноокой. «Вблизи тебя до этихъ поръ». II, 78.

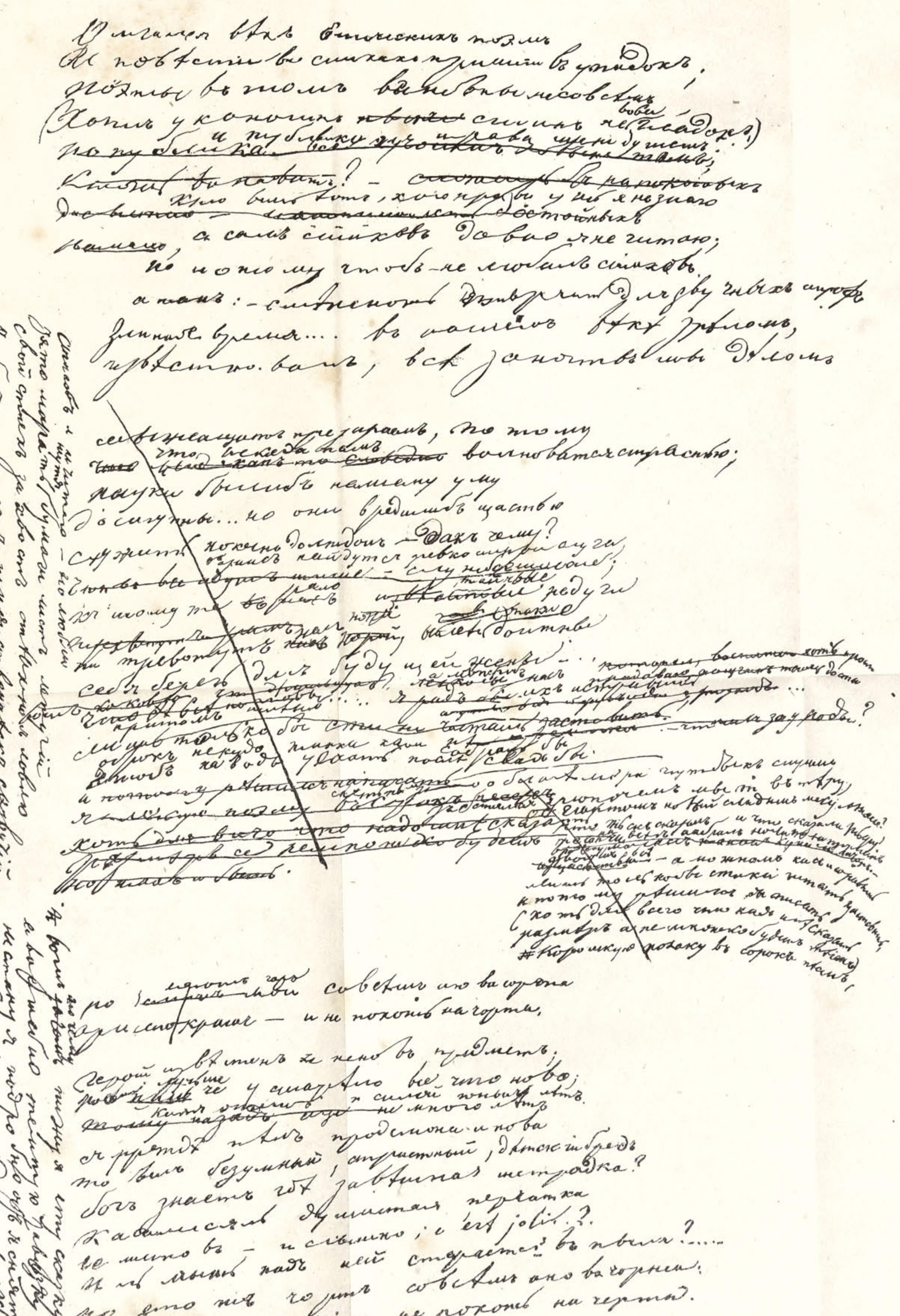
Шербатовой, кн. М. А. (На свѣтскія цѣпи) I, 112.

Экспромтъ. «Русскій нѣмецъ бѣлокурый». II, 158.
Экспромтъ. «Три граціи считались». II, 79.
Эпиграмма. * «Поэтомъ хоть и это бремя». II, 18.
Эпиграмма. «Стыдить лжеца».II, 18.
Эпитафія. «Прости! увидимся-ль мы снова». II, 66.
Эпитафія. «Простосердечный сынъ свободы». II, 74.
«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима». I, 130.

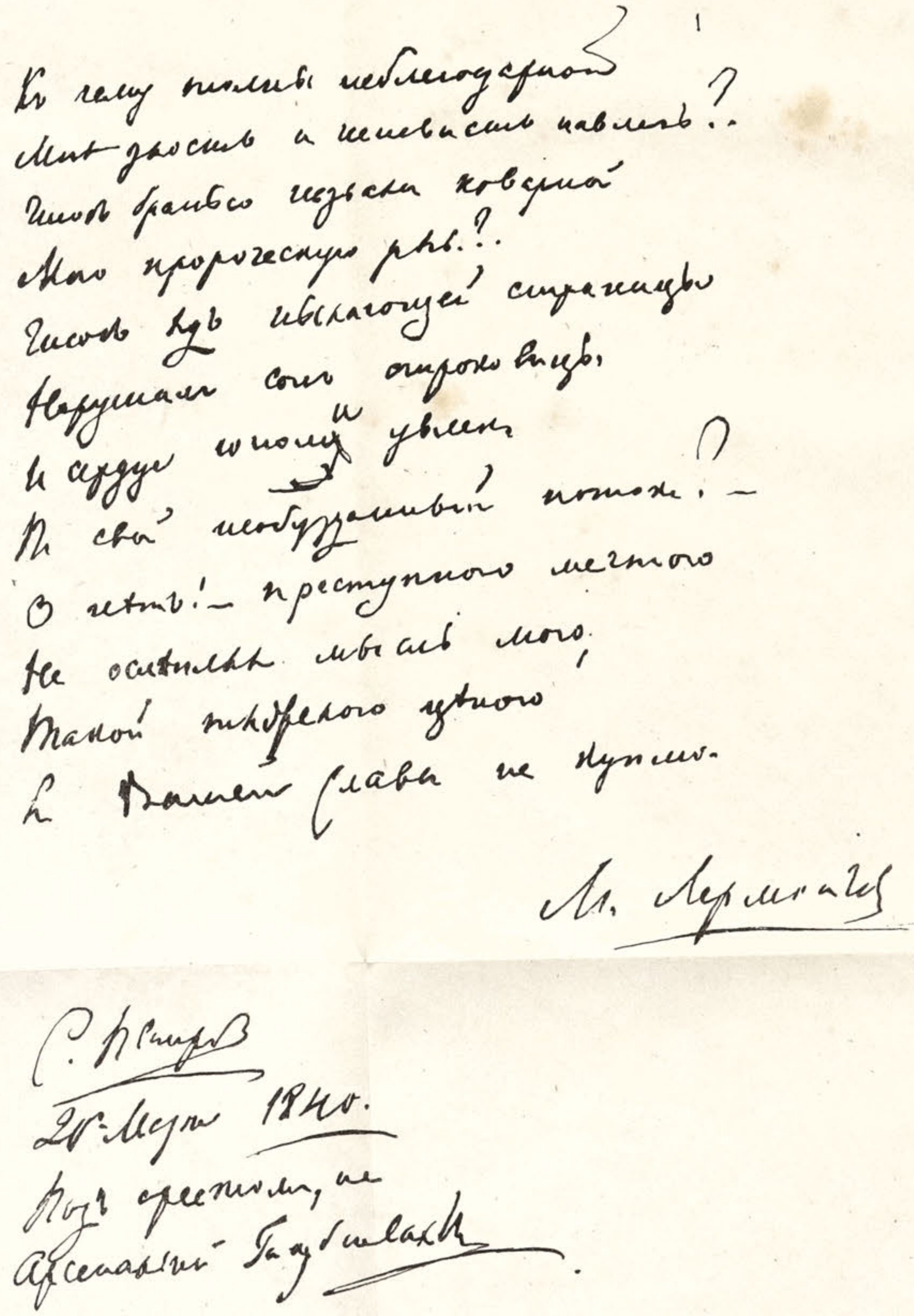
Юнкерская молитва. «Царю небесный». II, 147.

«Я буду пѣть, пока поется». (Посвященіе къ поэмѣ Демона.) II, 28.
«Я видѣлъ тѣнь блаженства». II, 109.
«Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ». II, 195.
«Я вѣрю: подъ одной звѣздою». (Гр. Ростопчиной). I, 117.
«Я жить хочу, хочу печали». I, 336.
«Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье». (Посвященіе къ поэмѣ Демонъ). II, 114.
* «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою». (Молитва). I, 64; ср. 356.
Января (первое). «Какъ часто, пестрою толпою окруженъ». I, 99.
«Я не люблю тебя». II, 57.
«Я не могу ни произнесть». (Стансы къ Д***). II, 110.
«Я не унижусь предъ тобою». (Къ ***). II, 64.
«Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ». I, 132.
«Я сынъ страданья». II, 501.
«Я *хочу разсказать вамъ исторію женщины*». (Отрывокъ изъ начатой повѣсти). 1, 327.

Начало «СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ» (1841 г.).

Конецъ стих. «ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ».

Лит. Н. Брезе. С.П.Б. Гороховая ул. д. № 45/38.

IV Портреты и рисунки
(с. 392)

№ 2 (стр. 393). С него — рисунок на дереве — см. История русской лит. Н. Полевого. Спб. 1872, стр. 599.

№ 8. Мошка Лермонтова. Св., стр. 607.

— Село Тарханы. Св., стр. 600.

№ 10.

— Портрет Карлуша Маиера, снятый с него с натуры. Ирхав. Кал. на 1853 г. Отд. 3, с. 294.

Портрет Л., с акварели Кинсдера 1837 г. Фрег. красками у Лемерье. Р. Ст. 1875, № 9.

Из Нивы 1874 г. № 44 и 46, 1875 г. № 44 и 19, Боярыня Орша, Мерная царевна, Тень друга Калашникова, Исаакий-бел бобр.

Из художественных альбомов Нивы 1876–1877 г. Спб. 1878 г. Боярыня Орша — Бар. Кнорр.

(В. Сафре карикатура Лист. красками «Казначейши» и акварель с автографа).

Издания отдельных сочинений Ал.

3е издание Стасюлевича (2-е СПб. 1873 г.

Русская библиотека / М. М. Стасюлевича.
М. 2е. М. Ю. Лермонтов (избранные сочинения). Со портретом, гравированным на дереве Даниельсом. СПб. 1874. с. LXXII и 263 (С сохранением стихотворения из 3го изд. и с датой 1841 года).

Второе издание. СПб. 1876 (без перемен).

Рецензии в Вестн. Евр. 1874 №6 (не отдельно).
Рус. дело 1874 №140, Р. Сл. 1874 №10 (отд.)
Голос 1874 №134.

Народная библиотека. Избранные сочинения А-ва, с объяснительными статьями. Изд. ред. "Кіев. тип. акционер."
Киев 1875. М. Кубеленко. 12е, 78 стр. Ц. 10.
Рецензии: Кіев. телеграф 1875 №89, Минувшее и грядущее (Варш. Дн.) №22, с. 689-694 и №15, с 82-87.

Песня про царя Ивана Васильевича и удал. куп. М. Стахиевича Киев 1875. М. Суханова 12°, 24 стр. Ц. 5 к.

1872. Из "Истории русской литературы" П. Полевого, Спб. 1872, стр. 598–613: "XXXIX. Значение Лермонтова по отношению ко всей эпохе. Биография, подробности. Письма Л. и воспоминания о нем. Русский байронизм и русская действительность. Отзывы современников о Л." Здесь: портрет Л. (см. № 2), с. Тарханы и вид местности. Перепечат.: "О графине сидя" (601); из "Мцыри" (603); Дума (609); "Не верь себе" (609); Поэт (отрывок и пр.) (610); Первое января (610); "И скучно и грустно" (610); Узник (610); Кулачный бой (из Песни про купца Кал.) – (612–613).

1873. Из "Русской Старины" №4, стр. 547–566: Предки М. Ю. Лермонтова – I. Русские акты о предках поэта, 1621–1708 (547–554); II. Шотландский изменник о родоначальниках Лермонтовых, 1061 (554–558); III. Томас Лермонт – шотландский бард, 1286 (558–561); IV. М. Ю. Лермонтов – шотландец (562–3). В. В. Каллаевского. – Приложения: I. Указ об отставке М. Ю. Лермонтова (отца поэта) (563–6); сообщ. В. В. Каллаевский. II. Заметки и поправки к статье М. Н. Лонгинова о Л-ве (566). М. Н. Л. – Здесь в первый раз

напечатаны стихотворения: Уродъ Осипова (562) и Женщине: "Завтра я на птицу, но вооруженной" (562) и отрывки из напеч. стихотворений: "Ужасная судьба" (564–5); Эпиталама: "Прости, увидимся-ль мы снова" (564); "Я видѣлъ грязь блаженства" (565); "Когда въ покорности желанья" (565–6).

Напечатано также изъ этой книги ст. М. Дерунова (в. XII, с. 810–11 и Вл. Михайловскаго – ib., с. 811.

Вступительное слово объ изданіи сочиненій Лермонтова, П. А. Ефремова. При 3-мъ изд. сочиненій ххх Спб. 1873, стр. VII–XIV.

Лермонтовъ, А. Н. Пыпина. Ib, стр. XV–XCVI.

Рецензіи по поводу этого изданія:

1) Въ газетѣ Голосъ (Е. П. Карновича). Вечера. 8 Апрѣля 1873., №98.

2) Въ Спб. Вѣдомостяхъ (А. С. Суворина), №100, на стран. 282 и 289

3) Въ Русской Старинѣ, №5, на обложкѣ, 2½ столбца. Критическая статья Всеволода М. Соловьева.

4) Въ Пчелкѣ Европы, №5, на обложкѣ.

5) Въ "Днѣ", (№8 и 9): "Пушкинъ и Лермонтовъ", І. Шашкова. О Лерм. Въ №9, стр. . . №7, с. 327–363.

6) Биржев. Вѣд. 1873, №121 (библ. замѣтка В. П. Б. на разборъ въ "Рус. Старинѣ").

Лермонтов. Из книг и статей В. Потто:

"Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища и Гвардейской подпрапорщиков и кавалер. юнкеров. 1823–1873. Спб. 1873. Стр. 106–119 и 61 прилож. – Здесь М.Ю. в школе с 10 ноября 1832 по 22 ноября 1834 (108 и 61); характеристика (109); смерть М.Ю. Лермонтова в февр. 1873 (111); Мих. Мартынов (112) и ср. Дм. Быкадоров (56 прилож.); дальнейшая Мартынова и отзывы школ. товарищ (113–115); Н.С. Мартынов (117 и 64 прил.).

Отрывок из ист. Кавказа Е.П. Ковалевского (Военный сб. 1872) Лермонтовский стр. 3.

Время рождения и крещения поэта М.Ю. Лермонтова (Р. Ст. 1873, №7, с. 113–114. (Родился 2 октября 1814 г.)

О портрете М.Ю. Лермонтова 1839 г., ист. Кипренского. Р. Ст. 1873 №11, с. 811–812.

Воспоминания М.И. Ковалевского. Р. Ст. 1875 г. №9, с. 66–66.

Дуэль и смерть Пушкина по семейным преданиям Гагариных, Трубецких, Вяземских и Карамзиных. Сост. П.И. Бартенев. Р. Ст. 1880, №1, с. 220–1.

Воспоминания П.А. Жандеко. Р. Ст. 1879, №3, с. 525–530.

Из Моск. Ведомостей 1875 №22 (Письмо от Столыпина к Капитолине и др. Д.И. Горбачев – Замятнина – о Лермонтове).

Из "Нивы" 1874 г. № 41-46, 1875 г. №№ 1-6 и 19: "Литературный альбом". Кавказские: Боевые орлы, Мирза-Давуд, Песня про Калашникова, Измаил-бей, Бэла.

II Список сочинений Лерм.

(стр 382)

1873. Из Русской Старины. №4: Герой нашего времени (562), Штосс (перепечатано с „Библ. для чтения" 1862) и перевод. см. в отд. III стр 408.

— Из "Иллюстрированной Европы" №10: Тамань повесть М.Ю. Лермонтова, гл. I–XXIV (отдельно вышла в С.-Петерб. 1873, №232).

— Валерик. Стих. Л-ва, по подлинной рукописи. Р. Старина 1874 г. №5, с 172–185 (со примечаниями П. Ефремова).

Из альбома К. К. Павловой. 28 Марта 1831. Р. Ст. 1875 г. №4, с. 812–814 (со снимка с факсимиле. надп.; сообщ. К.К. Павловой).

Маскарад (в новой редакции, с поправками Лермонтова и письмо к Поливанову). Р. Ст. 1875, №9, с. 1–59. Вступление В. И. Кавелина 60–66. Отрывок Л-ва, 66–68 и примечания редактора. — Портрет Маскарад. Е. Д. Лопухиной в №10, стр 403. (А)

Герой нашего времени. Варианты 1-й рукописи автора. Сообщ. П. И. Бартенев. Р. Ст. 1878, №10, с. 361–366.

1-й стихотворений Л-ва. Перевод с нем. неизвестного (в дневн. П. А. Плетнева). Р. Ст. 1879 №10, с. 353–8, и №12, с. 750.

(А) и заметки по поводу него: варианты 1875 №11 и 1875 №258 (Каронин)

Описание рукописей в Старине. Спб. листат 1875 №246 и 256, 1876 г. №№ 43.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. – С. С. С. Р.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

И. И. ГЛАЗУНОВА,

по Большой Садовой улицѣ, домъ Публичной Библіотекѣ № 21—22.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. И. ГЛАЗУНОВА,

на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Торлецкаго.